

РЫЖИЙ

Alex Berest

Annotation

Попаданец в СССР, в 1983, в пацана — но не в себя. И городок южный, незнакомый, и бабушка неродная, но нужно жить.

И не просто выживать, а стремиться, как поётся в песне, «вперёд и вверх».

Только к чему и куда?

Пролог

В сегодняшних моих планах, был просмотр последнего сезона сериала «Академия Амбрелла» скаченного с пиратского торрента. Для чего я даже снял со стены 32” телевизор и найдя в кладовке его подставку разместил рядом с диваном на притащенной из кухни табуретке. Погода была благодатная, все окна были открыты и прохладный ветерок приятно бодрил. Где-то вдалеке, в стороне Пскова погромыхивала гроза. Увлёкся сюжетом так что проморгал приход грозы к нам в Лугу.

Сверкнуло и тут же очень громко бабахнуло, я аж подпрыгнул на диване. Проклиная Тора и Перуна вместе взятых и со всеми их семействами поплелся закрывать окна. В зале закрывать не стал чтоб совсем не задохнуться. И плюхнувшись на диван включил сериал дальше.

Через какое то время мне послышался странный шелестящий звук. Оторвавшись от экрана с ужасом заметил приближающуюся шаровую молнию неестественного синего цвета. Шар диаметром сантиметров двадцать, переливаясь протуберанцами электрических разрядов медленно плыл в мою сторону. Не в сторону компа или телика, а именно в мою как я понял. Мысли метались, а тело парализовал страх. Я не мог сдвинуться с места ни на сантиметр, единственно что мне удалось сделать это выставить правую руку ладонью вперед в попытке защитится. Этот глупый защитный жест шар не остановил, а наоборот приблизил ко мне и он со всей соей неспешной скоростью коснулся моей кожи. Мир вокруг меня померк.

Открыв глаза, я понял что лежу на полу. Да еще и на боку, вдаль тянулись какие-то серые половички, по деревянному, крашеному ярко красной краской, щелястому полу.

Где это я? У меня в квартире ламинат под паркет. Попытался сесть, голова закружилась и на меня волной обрушилась чужая память.

Расквadrat твою гипотенузу! Оказывается я попаданец. Ну гадкая молния, нет что бы отправить в свое детство или вернуть молодость. Нет, не хрена подобного! Закинула мало того что в чужую тушку, так еще и в прошлое и в незнакомый город.

Ну как незнакомый? Все попаданцы в царей и воевод, обязательно должны были этот город взять. Ну, и все начинающие творческие личности, тоже начинали с него, вернее с них.

Вот так и я. Дата моего прибытия — вторник 7 июня 1983 года. Место прибытия — город Азов, Ростовская область, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

И звать меня теперь — Лисин Евгений Пантелеевич, 1973 года рождения. До свидания Саша Петров, прощай родной город Луга и не менее родной Санкт-Петербург. Ой, он же еще Ленинград! Блядь! Теперь ты шпион в чужом тылу, ляпнешь что-нибудь по старой привычке и будешь потом расхлебывать последствия. Или перекрестишься сдуру...

Поднялся на ноги и нетвердой походкой добрался к шкапу с зеркалом. Нет, я не ошибся, не к шкафу, а именно к шкапу. Настолько он был стар и монументален, да и все обитатели этой квартиры, звали сию мебель именно так.

Из старого мутноватого зеркала, на меня смотрел конопатый пацан с тёмно-рыжими волосами и треугольным лицом, и с нереально-зелеными глазами. Вполне симпатичная мордаха с парой небольших, но вытянутых вверх ушей.

Теперь понятно почему его во дворе и в школе прозвали «лисом». И лишь иногда, во злобе, обзывали рыжим. Росту же в моем новом теле было ровно 130 сантиметров и веса 26 килограмм. Если верить последним измерениям и взвешиваниям, которые проводили 25 мая в школьном санитарном кабинете.

Худющий но жилистый, неплохо бегающий и знакомый с турником. Что и дало ему, единственную годовую пятерку по физкультуре. Все остальные оценки были тройками, где-то заслуженными, а где-то и реально натянутыми. Поведение же было неудовлетворительным во всех четвертях. За что, он единственный из всего 3«б» не был принят в пионеры. Так и перешел в четвертый класс октябреньком.

Так что надо будет с осторожностью умнеть. Благо и повод для этого имелся. Женька, сам по себе, не был хулиганом или задирой. Но как-то так получилось, что он взял опеку над всеми заучками параллели. Стал этаким «Робин Гудом» с налетом бесшабашности. И теперь, все эти отличники и дохляки, старались быть поближе к своему защитнику. Даже пытались помогать ему с учебой, давая списывать. Но это мало помогало, пацан умудрялся наделать ошибок, даже в списываемых правильных заданиях.

Но это все далекие перспективы, на дворе лето, каникулы. Не считая еще почти недели отработки в школе и обязанностей по дому. Коих и так было не много, вынести мусор, убрать свою комнату и иногда сходить в магазин.

Основную работу по дому и закупки делала бабуля. Бабушка Тоня, Антонина Алексеевна Лисина, второй и последний обитатель квартиры, и единственный родной

человек Женьки. Нет, в Ростове-на-Дону жила еще его родная тетка по матери и двоюродный брат. Но видел он их всего дважды, и оба раза на похоронах, сначала отца, а потом и матери.

Когда он родился — 13 мая 1973 года, его батя на радостях и по пьянке спалил их дом. Город им выделили комнату в бывшем ЖАКТе*, вот там они и ютились. А потом бабуля, каким-то немислимым образом сумела получить двухкомнатную квартиру. И забрала с собой Женьку, подальше от пьяных выходок отца.

Но его отец и здесь умудрялся достать сына и мать. Приходя занять трешку — пятерку до зарплаты, потчевал сына тяжелыми затрещинами, а иногда и крушил что-либо в квартире. Бабуля как могла защищала внука и свое имущество. Так-что Женька, сполна хлебнул пьяного беспредела папаши. И даже год спустя после его смерти, это ему фатально аукнулось, но об этом позже.

Управу на отца, всё никак не могли найти, ведь он был сварщиком — золотые руки, и администрация судоверфи где он работал, на многое закрывала глаза. А то и помогала выбраться из вытрезвителя без последствий. Ибо постоянный аврал, военный заказ и нехватка специалистов.

Вот в один из весенних ветреных дней, которые местные называют «низовка» — это когда ветер дует с моря и затапливает все в округе. Ты же смотри, почти как наш нагонный в Питере.

Короче, во время такого ненастья, папаня Женьки по пьяни угодил между бортом судна и дебаркадером. Из-за сильной качки, его просто размазало вдоль бортов. Единственный целый фрагмент тела который нашли, была его голова. Вот её и похоронили в закрытом гробу.

А мама мальчишки была беременна, на восьмом месяце и на кладбище во время похорон ей стало плохо. Через три дня и её похоронили рядом с мужем.

Вот такая жуть и жесть. Парню назначили пенсию по потере кормильца, 66 рублей плюс десять процентов надбавки, итого 72 рубля. У бабули пенсия была 65 рублей. Так что выходило 137 рублей на двоих. В целом хватало, да и бабуля иногда кое-что для кое-кого перешивала на швейной машинке.

Бабушка кстати, должна скоро прийти. Пошла снимать в сберкассе Женькину пенсию, которую ему перечисляли на счет 5-го числа, каждого месяца. А так как пятое июня в этом году припало на воскресенье, то деньги перечислили вчера. Но бабуля, выждала на всякий случай еще денёк.

А Евгений, в её отсутствие, решил починить розетку в большой комнате, рядом с бабушкиным диваном. Многие розетки, выключатели и даже патрон в прихожей, были разбиты буйным папашей. Да так, никто их и не починил. Но Жека вчера видел, как в их классном кабинете электрик менял розетки. Ну и запомнил процесс, а заодно спер у мужика одну розетку и отвертку.

Но, вот о том что, надо где-то выключать электричество он и не подумал. Лампочка под потолком не горит, значит электричества нет, так думал он. Ну и встретился с электричеством. Так же как и я. И я очень надеюсь, что нас поменяли местами, а не впихнули моё сознание в пустое тело с остаточными воспоминаниями. Надо будет обязательно дожить до 7 июня 2021 года, что бы в этом убедиться.

Прошелся по квартире, бедненько, но чисто. И не двушка, а скорее полторашка. Большая комната 15–17 квадратов, маленькая, что-то около 8 метров. Кухня крошечная, 5–6 метров,

пару метров пенал ванной и где-то метр на туалет. Прихожая, чуть меньше кухни и две большие встроенные кладовки.

Из роскоши, только холодильник «Ока», треснувший приемник радиоточки «Заря», двухконфорочная газовая плита «Львов-29» и газовая водогрейная колонка того же производителя. Разномастная и убитая мебель. Если в бабушкиной комнате еще приличная — диван, круглый стол, пара венских стульев, шкаф и сундук. То в моей маленькой — спертый откуда-то школьный стол и стул, и кресло-кровать в качестве спального места, с эмалированным ведром вместо задних ножек.

Вместо штор на окнах, белые занавесочки в половину окна и разномастные кактусы на окнах. Ибо сторона не солнечная, другие цветы не выживали. По причине лета, по одной створке на окнах было открыто, в открытых проемах, была натянута медицинская марля, при помощи канцелярских кнопок.

Самая дорогая вещь в квартире — швейная машинка «Зингер» с ножным приводом. С освещением тоже полный швах, ни одного плафона или люстры, голые патроны с лампочками. В прихожей и этого нет, последствия отцовых буйств.

Батя этого тела, был вообще скорбным на голову во хмелю. И почему-то с радостью крушил текстолитовую и пластиковую электрофурнитуру. Почти все розетки и пара выключателей им были убиты в этой квартире.

Надо бы закончить начатое Женькой и заменить розетку. Благо у меня есть и опыт и образование. Будет время и фурнитура — приведу всю электрику в своем новом доме в норму.

Вышел в подъезд, на площадке четыре квартиры. На всякий случай сверил доставшуюся память и реальность. Квартира номер 82, значилось на белом ромбике прибитом к входной двери.

Открыл электрощит, никаких замков или пломб, заходи и воруй, если кому надо такое убожество. Хотя, сейчас просто нет другого. Но, у нас в подъезде опасно воровать. Ибо все трешки заселены семьями милиционеров. И в нашем же подъезде, проживает участковый, старший лейтенант дядя Лёша Померанцев.

Отвлекаясь, в электрощитке обнаружили подписанные квадратики наклеенного лейкопластыря, над каждым автоматом АБ25М. Каждый автомат рассчитан на нагрузку в 25 ампер. Это же что должны включать в сеть советские граждане, что бы он сработал? Нашел наш автомат, по подписанному лейкопластырю с цифрами 82. На цыпочках, еле-еле дотянулся до рубильников и с трудом отщёлкнул их вниз.

Вернувшись в квартиру, убедился что электричество кончилось и минут за пять заменил розетку. С включением обратно пришлось помучиться, слишком тугой автомат. При помощи дощечки от деревянного ящика, которых у Женьки был приличный запас, автомат удалось включить.

Успел только вымыть руки с хозяйственным мылом, как дверь в квартиру открылась и хриплый женский голос произнес:

— Женька, ты дома? Я тебе мороженого купила.

Ну вот, началось, пора идти знакомится...

— Я здесь, Ба, — вышел я из ванной. И привалившись к дверному косяку принялся разглядывать женщину. Невысокая, коренастая, даже отдалённо похожа на мою родную бабушку Машу. Тем проще будет привыкать. До родной бабули мне не добраться, хотя она еще и жива-здора.

Местная бабушка тем временем прошла мимо меня на кухню и стала разбирать принесенное. Захлопал дверцей холодильник, зашуршал полиэтилен пакета и оберточной бумаги.

— В кассе очередина, многим пенсии задержали. Я потом в «Новинку» забежала, там сыр выбросили и суповые наборы. И мороженое тебе взяла, молочное, как ты любишь. Но я его в морозилку сунула, после ужина съешь, — тут, видимо, женщину насторожило мое молчание.

— Женька, ты чего молчишь? Натворил уже чего, ирод?

Куда-то ее не туда понесло, надо спасать свое положение.

— Не, бабуль, все нормально. Я там, в зале, тебе розетку починил.

— Ну-ка ну-ка, пойдем посмотрим. И, правда, целая.

Бабушка залезла в шкаф и вытащила цельнометаллическую настольную лампу. У меня точно такая же была в Питере. Тем временем, женщина поставила лампу на сундук возле дивана и включила ее в сеть. Щелкнул тумблер и 75 ваттная лампочка осветила сундук и часть дивана.

— Ты же смотри — работает! — воскликнула она. — Ну-ка иди сюда мастер, обниму.

Но вместо обнимашек, я был пойман за ухо и подвергнут допросу с пытками.

— Ах ты зараза! Ты где розетку спер паршивец? Отвечай, а то выпорю.

Все это действие сопровождалось выкручиванием бедного уха. На мои глаза навернулись слезы, но я упорно молчал, а в голове крутились мысли — я же тебя сейчас блядь старая, ёбну пальцами по глазам и ослепнешь нахер. Уже почти начал действовать, но многомудрая женщина, что-то уловив в моем злом взгляде, отпустило мое ухо. И неожиданно притянув мою тушку к себе, обняла, прижав обеими руками.

— Ну прости меня, дуру! Внучек не обижайся, не смотри на меня таким страшным взглядом. Дура я, как есть дура! В доме хозяин появился, ремонтом занялся, а его пытаться. Прощаешь?

Женщина отодвинув меня на пол метра от себя, заглянула в мои глаза. Пришлось гасить внутреннюю злобу и отвечать. Но все равно, голос мой, дрожал от эмоций.

— Прощаю. Я же как лучше хотел, а ты сразу за ухо. А розетку я в школе нашел, там мусор выкидывали, вот в нем и углядел, — нашел я вполне удобоваримый вариант появления этого предмета.

Я ее прекрасно понимал, внутренняя розетка стоила больше рубля точно. И кроме как украсть, пацану ее было больше негде взять.

Она вновь меня прижала к себе и принялась гладить по голове. И я сам не заметил как расклеился и захлопал носом. Испытание злой полицейский я выдержал, а на добром сломался. Ох и коварные существа, эти бабушки.

Меня отправили в ванную сморкаться и умываться. Сквозь световое окно, было прекрасно слышно как она на кухне, шёпотом, корит себя за плохое отношение ко мне. Мне даже стыдно стало за свои агрессивные мысли.

Стекол в световых окнах не было кстати. Их покойный папаша покрусил, а их отсутствие как-то не напрягало местных обитателей. Электрического освещения в ванной комнате тоже не было, был разбит выключатель. Не квартира, а аномалия какая-то...

Пойду-ка я прогуляюсь на улицу, подумаю да планы посочиняю на воздухе. В своей комнате нашел старые треники, уже немного коротковатые. Но это более лучший вариант, того что было на мне. Какие то короткие то ли шорты, то ли трусики. Настолько короткие,

что из под них выглядывали края узеньких плавок. Я помнится, в той жизни, такие носил в детском саду.

Может в здешнем климате и нормальная одежда, но мой взрослый разум её за таковую не считал. Сверху натянул серую и грязноватую бельевую майку. Летнего головного убора у пацана видимо никогда и не было. В прихожей вбил ноги в разношенные и пыльные кеды.

— Ба! Я погуляю!

— Ключ не забудь, непоседа. Я может до Петровны пойду, фильму смотреть.

Ключ? А! Вот на гвоздике, на шнурке болтается. Повесил на шею и скользнул за дверь в подъезд.

Живу я теперь на первом этаже, в кирпичной пятиэтажке на 100 квартир. В нашем шестом подъезде их 20 и в первом тоже 20, а в остальных четырех по 15. Все это я выудил в памяти пацана. На каждом этаже нашего подъезда, одна трешка и три двушки. И жилье здесь явно служебное. Кроме нашего стояка с полторашками.

Ишь ты, какие слова в его памяти есть — стояк. А, понял, соседний стояк, то есть пять двухкомнатных квартир занимают семьи сотрудников водоканала, от них и нахватался. Еще один стояк двухкомнатных — горгаз. А трехкомнатные сотрудников милиции. Да ещё и опорный пункт под нами, в подвале. Короче мы и без балконов на первом этаже и без подвала. Зато спокойно и лампочки никто не выкручивает в подъезде. Да и на улице, аж два рабочих фонаря.

Пять ступеней вниз, мимо почтовых ящиков. Толкнул дверь на скрипнувшей пружине и меня обдало дикой жарой. Ну, так показалось по сравнению с квартирой и подъездом. В нос полез тополиный пух, который по улице гонял ветерок.

Елки, а я ведь даже времени не знаю. По воспоминаниям пацана, двери подъезда смотрят прямо на юг. Судя по солнышку, где-то пятнадцать часов, плюс — минус. Народу никого, видимо это я такой дурак, в самое местное пекло вылез. С тенечком тоже хреново, деревья видимо недавно посадили, пирамидальные и пуховые тополя успели вырасти только до третьего этажа.

Да еще и стройка напротив. Бывший пустырь был обнесен деревянным забором, за которым вяло что-то делали. Опять таки, по воспоминаниям тела, здесь кооператив должен был строить пятиэтажку, но где-то, что-то переиграли, и стали строить две государственных свечки девятиэтажки.

Обошел дом вокруг и вышел к школе. Краснокирпичная, трехэтажная школа номер 13, а напротив неё, двухэтажный детсад «Ручеек». Все как говорится в шаговой доступности. Женька и в садик этот ходил и в школу оттуда перешел. От родного подъезда всего сто метров по асфальтированной дорожке. Наш дом, школа и садик находились на переулке Осипенко который упирался в улицу Спортивную. А за ней, виднелись серебристые туши топливо-хранилища.

По Спортивной, пробулькал давно забытым звуком желтый ЛИАЗ. Четвертый номер — выплыло из приобретенной памяти, за углом остановка. Ходит от Красногоровки до Молокановки. Наверное это какие-то районы города решил я, так как никакой расшифровки названий в голове не было.

Пролез в дырку решетки школьного забора и пошел знакомится с территорией. Асфальтированное футбольное, оно же баскетбольное поле, вкопанные колеса, пара деревянных бумов, турники и рукоход.

Погорячился я, когда давал оценку телу пацана, что он знаком с турником. Смог всего

четыре раза подтянутся. А на рукоходе прошел только треть. Пальцы не развиты, устают очень быстро. Мда, качаться и качаться. Не быть тебе здесь Месснером...

Месснером меня прозвали в 10 лет, когда я бредил тем что буду круче итальянского альпиниста Райнхольда Месснера и покорю все восьмитысячники. Так в школе и на секции и в клубе этот Месснер и прилип к моей тушке. Был прикол на одних соревнованиях по скоростному подъему, когда меня записали в списки участвующих как Александра Месснера, и я даже грамоту получил за второе место под этой фамилией, с чего ржала вся команда.

Здесь тебе это не грозит. В школе вроде есть туристический кружок, но он туристов-пешеходников. Хотя... Помнится мне, на Кавказе есть перевал «Ачаучат», 2А сложности, высотой 3440 метров. И у него в скобочках было второе название «АКТ», и наш руководитель сказал что оно расшифровывается как Азовский клуб туристов. А значит в городе может быть клуб горников. Буду на это надеяться.

*ЖАКТ — жилищно-арендное кооперативное товарищество.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 2

За спортивной площадкой был тир из бетонных труб и котельная с гаражом. Гараж был раскрыт и до потолка забит макулатурой. Немного покопался в старой бумаге и к своему удивлению, выудил журнал «Burda Moden» за апрель 1978 года. Полистал его и решительно засунул под майку, придавив резинкой штанов.

Обошел школу по кругу, на каждой стороне квадрата по 250 метров. Итого километр, вот завтра с утра и заценю на сколько хватит нового тела. Вернулся к нашему дому и вошел во двор со стороны первого подъезда.

По ноздрям резко ударило запахом гниющих помоев. Между первым и вторым подъездами располагалась площадка с бачками для сбора пищевых отходов. Ну и вонь, как они этим дышат? Лето же, все окна открыты. Какое счастье что наши окна выходят на другую сторону. Выудил из памяти, что такие площадки возле каждого дома. А два контейнера для бытового мусора находились возле котельной. Мда, в эти годы пищевых отходов было больше чем бытовых.

Навстречу попался пацан моего возраста. Витька Померанцев, по прозвищу Жмур. Сын нашего участкового и мой одноклассник — ботан.

— Привет, Жень, — поприветствовал он меня. И осторожно опустив авоську с пустыми стеклянными банками, протянул мне свою лапку.

— Здорово, — я пожал его ладошку и поинтересовался: — Ты куда?

— Да к бабуле послали, банки отнести, — и подхватив жалобно звякнувшую авоську, пошел дальше.

Я же дошел до нашего подъезда, но решил не заходить домой, а прогуляться вокруг нашего квартала. Так сказать познакомится с местностью. Прошел вдоль нашего переулка до здания, которое в Женькиной памяти носило название — «Золотой Дом». Аж интересно стало. По пацанячим слухам в нем было куча золота. Все оказалось до банального просто, в здании располагалась аффинажная лаборатория. Которая вела прием у населения старых негативов, пленок и тому подобного.

Свернул на улицу Мира и дошел до переулка Безымянного. Дальше виднелись две девятиэтажки и одна строящаяся. По переулку дошел до небольшого продовольственного магазина, а напротив него в простом, на вид частном доме была библиотека.

А за ними неожиданно обнаружился памятник в виде древнего американского трактора «Farmall Regular». Но на тракторном шильдике, почему-то стояло русское название «Универсал». Облазил его вдоль и поперек, посидел на дырчатой сидухе и покрутил руль. Брутальная вещь! Особенно задние шипованные колеса.

За самим памятником располагалась проходная чего-то под названием «Сельхозтехника». В своей старой жизни, мне не приходилось сталкиваться с подобными предприятиям. Но я предположил, что это завод по починке и обслуживанию сельхозмашин и в общем оказался прав.

Наигравшись с трактором — двинул дальше. В одном месте заметил полужнакомых мелких, которые через кирпичный забор, тащили куски картона. Тоже залез на забор и обнаружил парочку частных домиков. Судя по состоянию, недавно расселенных и подвергаемых мародерке местными. Вот завтра и стоит их посетить в поисках электрики.

Вышел на улицу Спортивную и свернул в сторону своего дома. Прошел мимо крупного магазина-стекляшки, с прикольными рисунками крепостных сооружений. По увеличившемуся потоку людей и транспорта, понял что рабочий день закончился.

Пора и мне домой. По пути встретил нескольких знакомых Женьки пацанов, но останавливаться и общаться не стал, просто махнул им рукой. Вместо того чтобы зайти домой, неугомонные ноги понесли меня знакомится с подъездом.

На пятом этаже, люк на крышу оказался открыт. И я, почти бесшумно взлетел по лестнице вверх. Чердачное помещение было небольшим, ибо большую его часть занимала железная бочка, видимо какая-то часть системы отопления.

Вышел на плоскую, покрытую рубероидом крышу. В тени будочки плюхнулся на найденный мной журнал и устало вытянул ноги. И тут меня накрыло. Я весь день отгонял мысли о своём времени, родственниках и родных местах. Перед глазами замелькали образы сестры, племянников и покойной супруги. Так и просидел несколько часов на крыше, насилая свой мозг мыслями — что делать и кто виноват...

Там в Ленинграде и Луге есть родственники, друзья и подруги. Они мои, но и не мои. Мне тому, который там, уже 18 лет. Осенью в армию уйду. И тут приперается какой-то мелкий хер и заявляет что он это я или он, тьфу, запутался. Надеяться что поверят и примут не стоит, да и мое пришествие поменяет линию жизни меня самого. Хочу я этого? Не особо...

А что делать? Бежать за границу? При СССР — три раза ха-ха. Граница на замке. Нет. Есть конечно вариант раздобыть снаряжение и уйти горами в Турцию. Но в этом нетренированном теле — шанс крайне мал. Да оно просто легкое и много на себе не утащит, и его вполне спокойно может сдуть любым ветром. И что я буду делать в Турции? Языка не знаю, денег нет, какой и куда транспорт ходит не ведаю. Фантастика короче.

Можно еще попробовать украсть моторную лодку в Выборге или Высоцке, и уйти в Финляндию. Тоже фантастика, если через пол страны я доберусь сумею, то все остальное, для меня лес темный. Как управлять лодкой? Как заводить двигатель? Какой ему бензин нужен? И самое главное — это плотная охрана морской границы. Продавались бы в этой стране детские гидрокостюмы, был бы шанс уйти вплавь. Но сейчас даже за границей детский гидрокостюм — предмет роскоши.

А чего это тебя за границу тянет-то? Вроде всю жизнь был патриотом, даже вернулся из своей разлюбленной Швейцарии домой, в Россию, в Лугу. Или это молодое и здоровое тело, подбивает твои авантюрные мозги, на поиск приключений на пятую точку? Не-не-не, нафиг надо такое счастье.

Так что будем встраиваться в местную жизнь, повышать свое благосостояние и авторитет. Ну и с бабулей надо выстраивать отношения. Восемь лет пролетит как один миг, а там все уже будет зависеть только от тебя.

Я точно знаю про три советских клада. Московский, в поселке Сокол, где в кресло спрятано пятьдесят тысяч советских рублей. Найдут его только в девяностых, так что он может подождать моего взросления. И два клада в Питере. Причем один в переулке Декабристов, а другой на улице Декабристов. Веселое совпадение.

Один, точно клад, с советскими золотыми червонцами. Его нашли василеостровские пацаны летом 91го года. Об этом писали в газете «Ленинские искры». А также заначка отчима моего знакомого. Он на чердаке в стропилах, прятал часть своей полочки. А кто-то или проследил за ним или случайно нашел. Но в апреле 86го денег на месте не оказалось. С

горя хорошо набрался и всем об этом разболтал. Надо искать возможность попасть в Питер.

А потом пришел Лесник и прогнал меня с крыши. Лесник, это прозвище у мужика с четвертого этажа. Из-за его фамилии — Дерево. На кой он вылез на крышу я так и не успел понять. Хорошо ещё успел журнал из под своей задницы забрать.

Бабули дома не оказалось, видимо и впрямь свалила к кому-то смотреть телевизор. На кухне нашлась записка — «суп в холодильнике, мороженное в морозилке». Но прежде чем есть, принял душ. Пришлось помучиться с регулировкой газовой колонки, но справился. Напор воды был хороший и даже нашел обмылок явно от туалетного мыла.

Только закончил мыться, пришла и бабушка. Я как раз вытирая голову выходил из ванной.

— Женька, а ты чего это? — Она кивнула на полотенце.

— Мылся. — Коротко уведомил я её.

— С чего это? Ты ж в субботу купался! — Искренне удивилась женщина.

— А тебе чего? Жалко? — Набычился я в ожидании еще какойнибудь каверзы.

— Да ради бога, — всплеснула она руками. — Просто тебя раньше не загнать было в ванну. Вот я и удивилась. Ты сегодня странный какой-то. Все на меня сердиться?

— Не бабуль. Всё нормально. Я просто вспотел и решил ополоснуться. А что у нас на ужин? — Решил я сменить тему.

На ужин мне досталась тарелка куриного супа. С учетом современных реалий. Нет, картошка, вермишель и вода были самыми обычными, а вот мясное содержимое повергло в шок. Куриная лапка с громадными когтями и куриная же шейка. Давненько я такого не ел. Но ничего, справился.

А на десерт было мороженное. Замерзшее в морозилке в сплошную сладкую ледышку в вафельном стаканчике. Или молоко было разбавлено водой или в моё время мороженное неправильное и в морозилке не каменеющее. Так что пришлось взять тайм-аут на разморозку сладкого продукта.

После ужина разбирался с доставшимся наследством в моей комнате. Несколько тонких книжек из серии «Читаем сами». Гайдар, Лесков и незнакомый мне Ушинский — «Сумка почтальона». Парочка убогих аппликаций на стене, на одной танк, на второй самолет. Одинокая грамота за первое место в беге. Всё, остальные стены голые и мрачные из-за серой корабельной краски.

На подоконнике громадный эхинопсис* в жестяной двух или трехлитровой банке. У меня такой же в Луге остался, правда тара была нормальная. В одном из углов склад досок и дощечек, картонная коробка с выжигателем, и завернутые в мешковину парочка ножей, стамеска, точильный камень и несколько кусочков наждачной бумаги.

Это все богатство было там неспроста. Евгений считался во дворе кем-то вроде мастера оружейника. Он очень умело вырезал деревянные кинжалы и мечи для окружающей пацанвы. И не просто вырезал, а менялся. Правда на всякую хрень типа стеклянных шариков, колпачков от зонтиков и бинтрезины для рогатки.

Но ничего, мы этот процесс поставим на правильные рельсы. Недаром я тоже увлекался столяркой и могу привнести разнообразие в виды и формы игрушечного оружия. Из того же «Скайрима» или «Варкрафта». Но менять теперь буду только на пустые бутылки. Что даст мне некоторую начальную свободу в финансовом плане. Двадцать копеек за лимонадную бутылку в пункте приема стеклотары, это не колпачки от зонтиков, которые Женька тут же проигрывал, так как не умел правильно их кидать.

Не откладывая в долгий ящик, я и решил попробовать свои силы в задуманном проекте. Нарисовал огрызком карандаша «Даэдрический» кинжал на листе бумаге, вырезал ножницами и перенес на доску из под овощного ящика. Застелил стол старыми газетами и взялся за инструменты.

Через полчаса передо мной лежал готовый кинжал. Осталось нанести узоры выжигателем и намотать на рукоять красной изоленты. Ибо изделия без использования магии изоленты, в пацанячих глазах не ценились. Изолента должна была быть везде, на великах, на рогатках, на удочках и теннисных ракетках, короче везде. И желательного красного, черного или желтого цвета, как самый отстой — синего. С изолентой был напряг, но в памяти пацана я обнаружил источник этого магического материала.

Добывать её сегодня было уже поздно и я занялся уборкой рабочего места. А потом вспомнил про найденный журнал мод и мои на него планы. Оставалось убедить бабулю поучаствовать в переделке моего старого школьного костюма.

Бабушка сидела на диване и при свете настольной лампы что-то штопала.

— Ба, ты не занята? Можешь мне помочь?

— Ой, горе ты мое луковое. Что у тебя опять случилось? — Женщина отложила шитье в сторону и настороженно посмотрела на меня. — Неужто опять порезался или занозу загнал? Одна беда от твоих деревяшек, — запричитала она.

— Не, баб. Всё нормально. Я нашел в макулатуре на школьной один журнал. Вот, посмотри. Можешь мне такие шорты сделать? — Протянул я ей Бурду на странице детской моды, где была фотография мальчишки в шортах — бермудах.

— Нашёл говоришь? Находчик ты мой, — она быстренько пролистала журнал и залипла на выкройке какой-то кофточки.

Я понял что сейчас буду послан и лишен журнала, поэтому перешел в атаку. Почти вырвал у нее из рук журнал и пролистал к давешней картинке.

— Ба! Потом посмотришь. Ответь, можно такие шорты из моих старых школьных штанов сделать?

— Ну ты и нахал внучек, — опешила от моих действий бабуля. — Ладно, давай посмотрим. Шорты говоришь? А ведь хорошая идея, штаны тебе короткие уже, но не узкие, а в школу все равно новый костюм покупать придется. Ты ведь ухайдокал рукав на пиджаке...

— Ба, а из пиджака можно жилетку сделать, а рукава на капюшон пустить. И будет у меня модный гарнитур.

Ха-ха-ха — расхохоталась бабушка.

— Модный говоришь? А хорошая идея, и я себя займу. А если еще розетку починишь возле швейной машинки, так я и вечерами при лампе шить буду.

— Починю, баб. А ты точно сможешь капюшон сшить? И карманы на шорты как на рисунке?

— Да что там сложного!?! Накладные карманы и капюшоны мы на швейной фабрике на штормовки шили. Знаю и помню как. Ты лучше скажи, зачем тебе шорты такие длинные, по колено?

— Ну, так модно, баб. Пожалуйста! — Заканючил я, даже сам не ожидая от себя подобного.

— Ладно, ладно. Сделаю как ты хочешь. Журнал оставляй и спать иди, а то поздно уже.

— Спасибо, ба! Спокойной ночи! Разбудишь меня в полвосьмого?

— Разбужу, иди уж, непоседа.

Лечь-то я лёг, но сна не было ни в одном глазу. Опять в голову полезли всякие дурные мысли. Типа — а может я не просто заслан в прошлое? Может мне миссию надо выполнить какую? А какую? Предотвратить чернобыльскую аварию? А как я это сделаю?

Всё что помню про катастрофу это дату и сведения из сериала «НВО». Написать письмо в КГБ о диверсии? Москва, КГБ, Андропову? Ха-ха, очень смешно. Или поехать мочить директора станции и главного инженера? Я хоть и Петров в прошлом, но совсем не тот...

Ну, допустим, гипотетически, в письмо поверили или я собрался с духом и зарезал кухонным ножом начальство станции. Аварии не случилась, но проблема с реактором и его недостатки останутся. И где потом рванет? В родном Ленинграде или здесь под боком на Ростовской АЭС? Мда...

Тогда что? Остановить Чикатило? Тут я помню побольше, благо сериал весной вышел, выйдет, тьфу, короче в старом теле смотрел и запомнил. Ничего кроме анонимного письма, я здесь сделать не смогу. Это-то я попробую, главное чтобы не спугнули его из-за моего вмешательства. А то ляжет на дно до 90х, а там всем уже похрен будет на маньяков. И проверить до гласности никак, шифруют такие преступления от народа.

Что еще? Предотвратить развал СССР? А как? Выучиться на снайпера и грохнуть главные персоналии? Фигня получится. Только усугублю уже начатый процесс, так и до гражданской войны можно довести. С применением ОМП**. Нафиг такое счастье...

Про шпионов я ничего не знаю. Вроде и перечитал кучу литературы про попаданцев, где они десятками, по памяти, сдают шпионов. А в голове ни хрена не отложилось, кроме фамилии Калугин. Вроде генерал какой-то, на амеров работал. Не, не буду фигней страдать, пусть шпионов профессионалы ловят.

Армянское землетрясение? Помню что было. Был бы под рукой инет, глянул бы в вики. А так только общие сведения, даже без даты.

Зато вершины все помню. Анд, Альп и Кавказа с Памиром. Начал перебирать от восьмидесяти тысячников и незаметно провалился в сон.

Я ли свой не знаю город?

Дождь пошел. Я поднял ворот.

Сел в трамвай полупустой.

От дороги Турухтанной

По Кронштадтской... вид туманный.

Стачек, Трефолева... стой!

Как по плоскости наклонной,

Мимо темной Оборонной.

Все смешалось... не понять...

Вдруг трамвай свернул куда-то,

Мост, канал, большого сада

Темень, мост, канал опять.

Ничего не понимаю!

Слева тучу обгоняю,

Справа в тень ее вхожу,

Вижу пасмурную воду,

Зелень, темную с исподу,

Возвращаюсь и кружу.

Чья ловушка и причуда?

Мне не выбраться отсюда!
Где Фонтанка? Где Нева?
Если это чья-то шутка,
Почему мне стало жутко
И слабеет голова?
Этот сад меня пугает,
Этот мост не так мелькает,
И вода не так бежит,
И трамвайный бег бесстрастный
Приобрел уклон опасный,
И рука моя дрожит.
Вид у нас какой-то сирый.
Где другие пассажиры?
Было ж несколько старух!
Никого в трамвае нету.
Мы похожи на комету,
И вожатый слеп и глух.
Вровень с нами мчатся рядом
Все, кому мы были рады
В прежней жизни дорогой.
Блещут слезы их живые,
Словно капли дождевые.
Плачут, машут нам рукой.
Им не видно за дождями,
Сколько встало между нами
Улиц, улочек и рек.
Так привозят в парк трамвайный
Не заснувшего случайно,
А уснувшего навек.***

* эхинопсис — вид кактусов

** ОМП — оружие массового поражения.

*** «Сон» Александр Кушнер.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 3

Как я и просил, меня разбудили в половину восьмого. Сонный, на автомате, сходил в туалет и умылся в ванной. Всю ночь мне виделась тяжелые, бредовые сны. Родственники из той жизни. Мама, папа, бабушка, сестра, жена. Все по очереди приходили и отдавали бабе Тоне мои документы. Какие? А хер его знает. Сон. Куда ночь туда и сон, аминь, аминь, аминь.

Влез в треники, вбил ноги в кеды и как был с голым торсом выскочил на улицу. Солнышко уже во всю жарило. Народ не обращая на меня внимания тянулся на свои работы и к остановке транспорта.

В беге вокруг школы меня хватило только на два круга, после чего сделал разминку, подергался на турнике, отжался и побежал домой.

— Женька, ты куда, скаженный, подорвался? — Встретила меня недовольная бабуля.

— Ба, я решил тренироваться! Хочу космонавтом стать. Буду каждое утро бегать на школьную и заниматься.

— Ой, уморил. Космонавт.

— Я серьезно, ба! Зажги колонку, я ополоснусь, а то вспотел.

— Да бегай на здоровье, лишь бы не забросил через неделю. Иди мойся, колонка уже горит. И штаны свои в ванной оставь — сполосну.

— Спасибо, ба!

На завтрак были бутерброды с маслом и сыром и сладкий вкусный чай. Чай у бабули китайский, черный, паюсный. Ей однополчанка присылает из Хабаровска. Уже с десятков кирпичей скопилось.

Бабушка, как и обещала, замочила мои треники и майку безрукавку. Пришлось влазить в оранжевые супер-короткие шорты и в растянутую, и застиранную футболку бледно оранжевого цвета.

Не поленился, сходил полюбовался собой в зеркале шкапа. Рыжий в оранжевом. Вылитый Фаддей Сеткин из Верхоталья. Хотя Крапивин еще не написал «Оранжевый портрет в крапинку». Так что сравнивать пока не с кем.

На отработку мне к девяти, но из дома я выскочил раньше. По пути выкинул очистки. Несмотря на то что пришел пораньше, под школьным козырьком в тени винограда оплетавшего решетку, уже толпились школьники. В основном старшаки, Женькины одноклассники кучковались под большой раскидистой ивой.

Не все из его класса решили пройти отработку в июне, а потом гулять все лето. Кого-то послали по деревням к родственникам, кого-то в пионерлагеря, а кто-то просто забил и решил отработать в другие месяцы.

Всего из уже 4«б» было 9 человек со мной вместе. Братья-близнецы — Сергей и Андрей Лубенцы. Самая наверное распространенная фамилия в школе, их, Лубенцов, в школе было человек пятнадцать. Мафия короче.

Двое Сашек, не разлей вода друзей. Чудиков, комиков и шутов. Сашка Иванов и Сашка Свистченко. Оба воспитываются только матерями и оба имеют младших братьев. Постоянно пытались шутить, рассказывать какие-то вымышленные истории, в общем смешили и веселили класс как могли. «Свист» и «Ива» сегодня были грустными и цветными. Лица и

руки у них имели черно-фиолетовый цвет.

Сосед Женьки, Жмур, тоже имел вид несчастный и сонный. То, как он клевал носом, наводило на мысль, что этот ботан, опять всю ночь читал свою любимую фантастику.

И трое девчонок. Ленка Глыба, Ирка Петрухина и Олька Сидорова. Все задаваки отличницы и активистки. Хотя Сидорова, по остаточным воспоминаниям Женьки, даже очень ему нравилась. Но дальше мысленной симпатии и вполне реальных угроз пацанам, набить всем морды кто Сидорову обидит, дело пока у него не двигалось.

Подойдя к честной гоп-компании, со всеми поручкался. Даже с опешившими от такого поступка девками. Свисту и Иве пожимал лапки с опаской, черт знает в чем они уделались.

— Привет парни! В чём это вы?

На что они на меня вылупились удивленно, никак не меньше девчонок.

— Лис, ты чего? Мы же тютину лопали вот и вымазались.

В голове возник образ ягоды, знакомой ягоды.

— А! Шелковица!

На меня уставились подозрительно уже все. Даже Жмур проснулся, он и спас положение.

— Ага. Шелковица, она же тютина. Листья шелковицы, являются основным источником питания личинок тутового шелкопряда, куколка которого используется для производства шёлка.

Выдав эти сведения, Витька опять погрузился в сонное состояние. А народ наоборот возбудился и стал пытаться Сашек сколько личинок они съели вместе с ягодой. Яростные споры прекратились с приходом бывшей классной руководительницы Татьяны Ивановны.

Свою уже бывшую классуху предыдущий владелец этого тела ненавидел. Она ему из года в год ставила неуды по поведению и занижала оценки. А самое страшное произошло в конце третьего класса. Тогда все его одноклассники проголосовали за прием Женьки в пионеры. А классный руководитель надавила на старшекласницу — пионервожатую и мальчишка в списки принятых в пионеры не попал.

— Лисин! Тебе особое приглашение требуется?

— А? Что? — Я, задумавшись об взаимоотношениях учительницы и Женьки, откровенно пропустил всю информацию и требования мимо своих ушей.

— Иди со всеми в подвал, сегодня там работать будете, — снизошла и повторила мне задание на сегодня классная руководительница.

В начале лета, когда семиклассники занимались розарием, Вовке Боеву из 7«а», надоело таскать воду в ведрах. И он предложил поливать растения из пожарного шланга. Пацанам семиклассникам идея понравилась и они недолго думая кинулись искать пожарные рукава. Но так в этом и не преуспели. Ни в одном щите не было ни одного пожарного шланга.

Боев об этом рассказал вечером своему дедушке, председателю городского ВДПО*. Тот, возмущенный безответственностью и халатностью руководства школы, быстренько организовал проверку школы. Со стороны своей организации и штаба гражданской обороны города.

Вот эта объединённая комиссия и выяснила что в школе не только шлангов нет, и гидранты напрочь сломаны, а из всех проверенных огнетушителей сработал только один, но и о ужас — бомбер оказался напрочь завален всяким хламом и мусором.

Директору школы впаяли выговор, НВПшника**, который отвечал за противопожарные мероприятия и гражданскую оборону школы отправили на пенсию. А школьники на

отработке должны были теперь разгрести завалы в подвале и вернуть ему первоначальный смысл бытия.

Таскать хлам предполагалось через центральный вход, вокруг всей школы к зданию котельной. Ближний к подвалу запасный выход решили не открывать, видимо опасаясь что школота угробит розарий.

И первое что попало мне на глаза, это обрезки досок. В то время как остальные носили всякое за школу, я успел смотаться домой несколько раз, хорошо пополнив свои запасы деловой древесины. На счастье бабуля уже куда-то умотала и я без проблем выполнил этот квест.

Вообще, разбор хлама в подвале обогатил меня не только на древесину. Я нашел пару панелек на внутренние розетки. Круглую красную и квадратную зеленую. Никогда таких не видел. Раньше сталкивался в основном с черными и белыми. Надо будет проверить дома розетки, если внутренняя керамическая часть цела, то хватит замены панельки.

Заодно позаимствовал ржавый напильник, молоток без ручки и пару лампочек. Лампочки были странной вытянутой формы на шестьдесят ватт, и вроде бы живые. Работали мы до полудня. Все изгваздалось в пыли и грязи, но основную работу по очистке бомбера выполнили.

Как назло воды в туалете не было и мы всей усталой, и грязной толпой, поперлись в пионерскую комнату к старшей вожатой, получить запись в журнале отработки. После чего разбрелись по домам.

Ну как разбрелись? После выхода из школы у всех волшебным образом появились силы. Пацаны одноклассники даже забились сходить на пляж, звали и меня, но я предпочел пока отказаться. Хоть и тянуло глянуть на местную водную артерию.

Дома снова пришлось лезть в душ и выслушивать нотацию от бабули. Хотя она и ворчала на меня скорее для проформы, прекрасно осознавая что вычухался я не специально, а выполняя общественные работы.

Переоделся в высохшие по этой жаре треники и безрукавку. А шорты и майка подверглись замачиванию. На обед был вчерашний суп, для разнообразия с куриным желудком и печенью. А на второе холодный компот с пряниками.

— Так, Женька. Я пошла в совет ветеранов, там обещали дать импортный шампунь. А потом зайду в дворец культуры, — сообщила мне за обедом баба Тоня. — Смотри ничего не натвори, не потеряй ключ и если куда вдруг намылишься — оставляй записку.

Ага, ясно. Пошла петь свои казачьи песни. Бабуля активно участвовала в местном хоре «Донские казаки». Ну и ладно. У меня тоже день распланирован плотно.

Первым делом, обесточив квартиру, провел ревизию всей электрофурнитуры в квартире. Нашел применение двум найденным накладкам, заменив разбитые. Одну в своей комнате, а вторую в бабулиной, возле окна. Проверил — работает, теперь она точно может шить на машинке с настольной лампой.

Заодно из двух разбитых выключателей — собрал один, для ванной комнаты. Найденная лампочка как раз пригодилась. Хоть и странной формы и судя по полустертой маркировке, аж 1968 года выпуска, но засветилась как и положено.

Я же собрался проверить найденные вчера два расселенных дома на разные полезные ништяки. Нашел в шкапе старый вещмешок и вооружившись отверткой и ножом отправился на дело.

Снова выперся на улицу в самое пекло и опять забыл о головном уборе. Надо бы с

бабулей поговорить, может она мне панаму сошьёт. К жаре это-то тело было привычно, а вот схлопотать солнечный удар не очень хотелось бы. Особенно учитывая подверженность рыжих этой напасти.

Домики оказались вполне крепкими строениями из известняка. Не знаю зачем их расселили, может что-то планируют строить на их месте. Но они бы вполне спокойно простояли еще лет сто как минимум.

В каждом по две комнаты и кухня. Отопление печное. Также были входы в погреб и на чердак. Народ, уже при переселении, снял все самое интересное, остались только забытые ништяки и хлам.

С двух домиков мне обломилось только две древние наружные розетки, метров десять двужильного провода и чудом никем не скрученный электрический патрон на одном из чердаков.

Там же обнаружил квадратные листы матового стекла. Примерно шестьдесят на шестьдесят сантиметров. Каждый квадрат был в половину моего роста. Надо обязательно прихватить. Может световые окна в ванной и туалете застеклю. Тщательно упаковал оба стекла. Переложив их пенопластом и обернув картоном, получившийся сэндвич обмотал найденным проводом.

Уже собираясь уходить, вспомнил про питерский клад в стропилах с заначками. Решил и здесь проверить. Хоть и вычухался в побелке, в которой были балки стропил, но, как оказалось, не зря. В одном месте обратил внимание на странные кругляши. Оказалось что это донца гильз от калаша 7.62 мм.

Еле-еле их повыковыривал. В гильзах обнаружил сложенные купюры, десятки и двадцатипяти рублёвки 1961 года. Вот так удача! Четыре четвертака и пять десяток. Я стал богаче на 150 рублей. Хотя для меня это тот еще геморрой. Легализовать я их не могу, как и тратить в близлежащих магазинах. А то сразу бабуле стуканут — «твой оболтус, Ляксеевна, денжищами расплачивался, не иначе спёр у кого». Забил купюры назад в гильзы и ссыпал их в ситор, дома припрячу. Но впрочем, тоже неплохо, можно где-то разменять и по мелочи прикупать, мотивируя обменом.

Со стеклами через забор лезть не решился. Двинулся вглубь «Сельхозтехники», к забору из металлических полос, в котором местный народ уже наделал кучу дыр для удобства хождения на работу и обратно.

Выбрался во двор новой, десятиподъездной пятиэтажки, у которой по торцам располагались кулинария и сберкасса. Из этого двора Женька пока никого не знал и я немного напрягся, ожидая по питерской привычке возможного наезда местной пацанвы. Но двор был пустынен, лишь в беседке сидел какой-то тип лет тридцати.

— Эй! Пацан! Иди сюда, — крикнул он, а когда я повернул голову — еще и призывно махнул рукой. Я же просто проигнорировал его призыв и продолжил путь. Знаем, знаем — а покаж что это у тебя? А где взял? А это моё, я там оставил или забыл, спасибо — вали отсюда. Молча прибавил шаг и через минуту был уже на относительно людной улице.

Дома отжал штапики на окнах и бабушкиным матерчатым метром все измерил. Вышло 55x35 сантиметров, а найденные стекла были ровно по 60 сантиметров сторона. Нужен был стеклорез и желательна стремянка. Работать со стеклом на неустойчивом табурете мягко говоря не хотелось.

Согласно Женькиной памяти — стремянка была у соседа-участкового. Там же мог и стеклорез быть. Товарищ старший лейтенант соседом был неплохим и мог согласиться

поделиться на время требуемым, а то и помочь. А уж если дома только младший Померанцев, то его спокойно получится убедить.

Но всё оказалось наоборот. Витька то был дома один, но на просьбу поделиться нужными вещами ответил энергичным отказом.

— Жень! Можешь меня побить, но я не дам тебе стеклорез. Батя меня просто убьёт.

Пришлось сменить тактику и придумывать сценарий на ходу.

— Вить, а ты можешь работать стеклорезом?

— Ну, — замялся пацан. — Видел как батя резал, думаю смогу также.

— Тогда пошли ко мне. Я карандашом отмечу, а ты отрежешь. И стремянку прихвати.

— А её нафига?

— Мне застеклить кое-что надо, а с неё удобней.

Жмур как-то недоверчиво на меня посмотрел, помялся, но всё-же выдал:

— Она тяжелая, я один не утащу.

Пришлось тащить вдвоём. Застелил кухонный стол старыми газетами, при помощи линейки и длинной досочки — химическим карандашом прочертил нужные границы.

— Режь, — указал я на стекло Витьке. — Или мне доверишь?

— Давай ты, это же твое стекло.

Хмыкнув я взял в руки стеклорез и приступил к задуманному. Силенок мне явно не хватало, может стекло было толстое или я подзабыл процесс резки. Пришлось с обеих сторон резать, а потом аккуратно подбивать деревяшкой. Но всё обошлось без эксцессов.

Потом мы долго и со смехуёчками вставляли стекла, прибавляли штапики и убирали последствия ремонта.

— Жень? А можно, я заберу обрезки стёкол? — спросил сосед когда мы вдвоём притаранили стремянку к нему домой.

— А тебе зачем?

Пацан явно смутился, но тем не менее ответил:

— Хочу сам потренироваться резать стекло. Так дашь?

— Забирай. Только не порежься смотри.

— Не-не. Я аккуратно, — заверил меня мальчишка и спохватившись поблагодарил. — Спасибо.

Вот так. Попользовался чужими вещами, а меня за это еще и поблагодарили. Побродил полюбовался своей работой, да и занялся электрическим патроном в прихожей, тут же пожалев что отдал стремянку. Не, нафиг, не пойду просить.

Пришлось притащить из своей комнаты парту и уже на ней, вставая на цыпочки — работать. Было очень неудобно и темно, постоянно затекали руки, но разобрал, поменял керамику и прикрутил верхнюю часть с найденного патрона.

Вкрутил вторую странную лампочку, а что толку? Выключатель же тоже разбит. Пришлось разбирать и его. Ничего страшного там не произошло, все внутренности были живые, просто видимо сломалась сама клавиша и когда-то выпала наружу.

Естественно никто её сохранять и не подумал. Пришлось извращаться — вырезал клавишу из дерева и изолировал её верхнюю часть куцыми остатками изолянта. Как ни странно но всё заработало. Фух. Можно сказать, что план минимум выполнен.

Только успел поставить на место парту, заявила бабуля. Как обычно нагруженная полной авоськой и сумкой.

— Я тебе внучек крыжовника принесла, у Фадеича из нашего хора уже вызрел, он нам

целое ведро приволок, всем по кульку досталось.

— Спасибо, ба. А шампунь дали?

— А як же. Конечно дали. Куда они от меня делись бы, — с этими словами женщина выложила на стол четыре жестяных тюбика наподобие зубной пасты. — ГДРовские!

Взял один из тюбиков и с удивлением обнаружил что и правда шампунь. «FAN», я таких раньше никогда и не видел.

— Парочку себе оставим, а парочку поменяю на что-нибудь, — уверенно заявила женщина.

— Импортное в цене, может на ткань какую поменяю. А ты внучек чем занимался?

— Я, баб, тебе розетку починил возле машинки, чтобы мне быстрее шорты сделала. И в ванной, и в прихожей теперь свет есть, — похвастался я.

— Ну-ка, ну-ка. — бабуля ринулась проверять перечисленное мной, даже сумку неразобранной бросила на кухне. — Так! А это что? — она наконец заметила новые стекла.

— Стекла вставил, а то дуло когда купался.

— А где ты их взял, проныра? Спёр где-то? Мне милицию ждать?

— Ба! Вот те крест, — я размашисто перекрестился. — Не пёр я нигде и не у кого.

— Тьфу, нехристь, даже крестится не умеете.

— А что не так? — я еще раз перекрестился.

— Справа — налево надо, а ты оболтус слева — направо.

— Ааа! — допер я, я же в той жизни католиком был, вот и перекрестился. — Ба! А я крещёный?

— Крещёный, только помалкивай об этом. Я тебя в годик к попу носила. Так откуда стекла-то взялись, божественный ты мой?

— В сельхозтехнике два дома служебных расселили, вот я туда и лазил. Там и патрон электрический нашел и стекла на чердаке. А стеклили мы вдвоём с Витькой Померанцевым, у него и стеклорез есть, и он умеет им резать, — свалил я всё на соседа.

— Ох ты ж господи, — запричитала бабуля. — Как расселили? Там же сродственники наши жили — Донцовы. Куды же их переселили? Надо бы узнать. Жень, ты сумку разбери. Масло и молоко в холодильник, хлеб в хлебницу. И крыжовник помой сначала, а потом ешь. А я побегу узнаю куда их дели.

Баба Тоня обулась и шустро ускакала, оставив меня в недоумении — что за Донцовы?

*ВДПО — Всероссийское добровольное пожарное общество

**НВП — школьный предмет Начальная военная подготовка

Глава 4

Оказалось что бабуля, занимала этим Донцовым денег. И не банальные пятерку или десятку, а целых 250 рублей. Те обещали вернуть в этом месяце и моё сообщение об расселение этих домиков, повергло бабушку в шок.

Но как оказалось волновалась она зря. Их переселили в служебные квартиры совсем недалеко от прежнего места обитания. Так что она их нашла и деньги вернула.

— Они все там рады, что их из тех домиков переселили, — рассказывала мне за ужином женщина. — У них же туалеты на улицы были, а купались в тазике. А теперь и своя ванная и туалет теплый. Тася, больше всего радуется что трехкомнатную дали, а то они всемером в маленьком двухкомнатном домике уже не помещались.

— Кто такая Тася? — решил уточнить я.

— Тася, Анастасия Донцова, сестра моя двоюродная. Мы раньше вместе, в одном доме жили, в «Немецкой колонке».

— А, «Немецкая колонка» это что?

— Так Новоалександровка сейчас. До войны «Новый Путь». Там немцы жили, а после начала войны их всех в Сибирь вывезли. А я еще раньше уехала. В 38 году твой дед меня засватал и тогда же я перебралась в Азов. А Таська осталась в «колонке». Но мы с ней в одной казачьей дивизии служили. Можно сказать однополчанка, хи-хи.

— Ба, а расскажи.

— Чего тебе рассказать?

— Ну, как ты на войну попала, как служила, кем и где.

Как оказалось, в 1941 году, она вместе с мужем вступила в 116-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию РККА. Которую формировали в ноябре, в городе Сальске Годовалого сына, Женькиного отца, оставили на попечение бабушек и дедушек, а сами сбежали в армию.

Деда Колю, как безлошадного записали в расчёт МЗА* в первую Азовскую сотню 257-гс Азовского кавалерийского полка. А бабушку Тоню прикрепили к штабу дивизии в качестве переводчика, так как она отлично знала немецкий язык. Там же была и её двоюродная сестра Анастасия.

В 1944 году дед Николай погиб, а бабушку демобилизовали в июне 45-го. И она вернулась в Азов, а дед остался в братской могиле в Словакии.

В памяти Женьки этой информации не было. Или он не интересовался, или бабуля не спешила делиться своими воспоминаниями.

— Ба! А у тебя и награды есть?

— А як же. Конечно есть. Целых четыре медали, — Женщина покопалась в шкапу и извлекла старый, потертый, зеленый пиджак. — Вот внучек, смотри, здесь они все.

На пиджаке, с левой стороны, куцем рядом висели медали — «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и две юбилейные — 20 и 30 лет Победы в Великой Отечественной войне.

Я гладил и перебирал медали, а в голове крутилась какая-то мысль, что-то в рассказе бабушки Тони было крайне важно для меня. А, точно! Она же была переводчицей в армии, а значит хорошо знала немецкий. И это давало шанс легализовать моё знание немецкого

языка.

— Бабуль. А ты хорошо знаешь немецкий?

— Ну, с пяти лет на нём разговариваю, а с семи и пишу и читаю. У нас больше половины жителей русский и не знали. Менке, Херен, Блау, Гойер, Битнер — это фамилии тех, кого я помню. Мы жили в хуторе «Новый Путь», а они называли хутор — «Эйгенгейм» (Свой дом). Их дети учили русский, а взрослые нет. Вот и приходилось нам тоже учить немецкий, чтобы с ними общаться.

— Ба, а научи меня немецкому.

— Да как же я тебя научу? Я же не учителька. В школе тебя научат, куда тебе торопится?

— Ну, это когда еще будет. А я уже буду знать. Я буду показывать на предметы, а ты будешь их на немецком называть. Вот это как на немецком? — И я показал на сундук.

— Труе (Truhe), но это не только сундук, это еще и ящик и ларь. Ой, да не запомнишь ты. Выдумал на мою и свою голову.

— Запомню, ба! Ну пожалуйста! — стал просить я, идя за ней на кухню. — Вот! Холодильник! Как на немецком будет?

— Холодильник? — явно растерялась женщина. — Не знаю. Не было тогда у нас холодильников. Всё! Отстань репей — ужинать пора.

Отработка на следующей день была халявная, часа два ждали тракторную телегу под вчерашний мусор и потом еще час грузили её. И кто мешал вчера телегу к входу подогнать? На сегодняшнее предложение одноклассников сходить на пляж я решил согласиться. Надо знакомится с городом, да и на местную водную артерию посмотреть очень хотелось.

Договорились встретиться на спортивной площадке за школой через час. Дома никого не было, а значит и отпрашиваться было не у кого. Быстренько перекусил чаем с бутербродами и поскакал на место сбора.

Мысли о водных артериях напомнили мне о рыбе и рыбалке. Как же так, вроде река Дон и близкое Азовское море богаты рыбой, а в нашем с бабулей рационе рыба отсутствует как класс. Может бабушка её не любит, поэтому и не покупает? Но я то рыбу люблю. Надо бы выяснить где здесь лучшая рыбалка. Да и найденные деньги давали шанс на приобретение неплохой снасти.

Почти всю дорогу до пляжа мы проболтали на тему рыбы и рыбалки. Как выяснилось, большинство хороших рыбных мест требуют наличие велосипеда. Почти все пацаны были заядлыми рыбаками, но у всех были разные любимые точки ловли.

Чего мне только не называли! И реку Узьяк, которая кишит щуками. И различные ерики, Петровский и Широкий богатые верхоплавками и таинственными «карабасами».** Кто-то отдавал предпочтение ловле на закидуху, в Дону, в районе бывших каланчей.

Да-да, тех самых каланчей, которые в незапамятные времена перекрывали цепями реку. Теперь на их фундаментах высились гигантские опоры ЛЭП.*** И видимо электричество привлекало рыбу, и любители закидух хвастались небывалыми уловами.

Лубенцы вообще предпочитали экзотическую рыбалку — на подсак. Это по их рассказам такая сетка на четырёхугольной раме, которую забрасывают в воду и ждут проплывающую рыбу, а потом резко поднимают вместе с рыбой. Но для такой рыбалки нужна чистая прозрачная вода. А такая имелась только в реке Кагальник в селе Пешково и в соленой речке Бушуйке возле деревни Пеленкино.

Я все же смог вычленил из этой массы рассказов и хвастовства пару перспективных мест для рыбалки, куда можно было добраться пешком или на городском транспорте. Ибо

велосипед мне пока недоступен. Нет, купить я его могу конечно, но легализовать не получится, а хранить негде.

Так за разговорами и байками преодолели почти весь путь. Благо он был вполне удобный и прямой. По улице Спортивной до городского парка и дальше по проспекту Карла Маркса почти до самого Дона.

Городской парк на меня впечатления не произвел. Обычный пыльный провинциальный лесопарк с каруселями и аттракционами. Ненадолго залипли возле паркового фонтана, где два пацана запускали подводную лодку на дистанционном управлении.

По их словам, игрушка была из ГДР и умела нырять под воду и там двигаться. Никогда подобных не видел. Железную дорогу из ГДР помню, а таких корабликов — нет.

Выйдя из парка оказались на площади Ленина, с бронзовым памятником ему же. Так же на этой площади располагалась первая школа, бывшая когда-то мужской гимназией и городской дворец культуры, в котором и пела в хоре бабушка Тоня.

Свернули на главный городской проспект, заодно напились воды из питьевого фонтанчика и пошли дальше. Типография, почта, центральная библиотека и новенький кинотеатр «Октябрь». Особенно мне понравилась арт-композиция возле этого кинотеатра. Большая императорская корона проткнутая штыком. И всю эту композицию оплетали цветы. Металлические гвоздики и живой «вьюнок полевой» с распустившимися красивыми цветами в виде колокольчиков.

Дальше было здание педагогического училища, которое до революции было женской гимназией. А рядом с ним крохотный магазинчик канцтоваров, но торговал он исключительно марками. Возле него мы вновь залипли, рассматривая на витрине выложенные наборы марок.

Главный проспект упирался в улицу Московскую, за которой располагалась территория бывшей чулочной-перчаточной фабрики. Новые корпуса для фабрики построили на окраине города и теперь она переезжала туда. С грохотом и пылью. Ломали заборы, вывозили оборудование и имущество.

Мы испуганной кучкой проскочили вдоль красивого здания городского музея и обойдя весь этот творящейся бардак рванули к площади «Третьего Интернационала». Там был еще один памятник дедушке Ленину, универмаг, здание совмещенного горкома и горисполкома, и гостиница «Солнечная».

Быстро проскочив мимо всех этих нужных и несомненно важных мест, мы выскочили к обзорной площадке, с которой открывался изумительный вид на Дон, речку Азовку и на близкий Ростов-на-Дону. Ну как близкий? Километров пятнадцать от силы, а то и меньше. Прекрасно просматривались коробки высотных домов, трубы предприятий и игла телебашни.

Но просто спустится вниз к пляжу тоже оказалось проблемой. Власти затеяли строительство на месте бывшего спуска, всё намекало на то, что будут строить лестницу к реке. Нам же пришлось идти по дороге к судоверфи и уже оттуда добираться до подвесного моста через речку Азовка.

Мост был деревянный на стальных тросах, разноцветно раскрашенный. Он прикольно раскачивался от ходьбы по нему десятков людей. Справа от него находился яхт-клуб «Якорь» с водно-спортивной школой, лодочной станцией и прокатом водных велосипедов и лодок.

Слева в тополиной рощице была кафешка, откуда волнами наплывал одуряющий запах жареного шашлыка. Собственно сам пляж располагался на берегу Дона и производил мягко

говоря отрицательное впечатление. На мой взгляд. Инфраструктуры то на нём хватало. И беседки, грибки, лавочки, кабинки для переодевания, и даже различные аттракционы и карусели. Но все это портил обрывистый берег, отсутствие дорожек и указателей где и что, а от кабинок для переодевания откровенно разило мочой и калом. Никем не кошеные заросли, россыпи окурков и, местами, битого стекла.

Все остальные воспринимали всё как должное. Веселились, купались, загорали, играли в бадминтон и карты, пили разнообразные напитки, зачастую алкогольные, и катались на каруселях.

Наша компашка устроилась подальше от остальных и скинув верхнюю одежду, тут же ринулась в воду. Мутноватая теплая вода и илистое дно никого не волновали, да и меня впрочем тоже. Наплескавшись и нанырившись я вылез на берег и плюхнулся на травку обсыхать.

Увы с песочком на городском пляже была беда. Как пояснили пацаны, если хочешь песочка, то тебе надо или на машинный пляж, или на правый берег Дона. Туда можно было попасть взяв в прокате лодку. Но для этого нужен был паспорт и деньги. Паспорт оставлялся в залог, а час проката стоил один рубль.

Внезапно заболела голова, а перед глазами стало мутиться, и я понял что доигрался с солнцем своей рыжей внешностью. Постарался укрыться в тени близлежащей ивы, рядом с которой загорали мужчина и женщина.

Мужчина явно что-то заподозрил в моем поведении или внешнем виде. Поднялся с покрывала и направился ко мне.

— Бледный, рыжий, с мутным взглядом, — сказал мужик, и взяв меня за запястье, нащупал вену. — Странно, пульс нормальный. Голова болит?

— Да, — прохрипел я пересохшим горлом.

— Значит солнечный удар, а не тепловой, — мужчина метнулся к своему месту и принес бутылку. — Держи, выпей, это Боржом.

Я жадно выхлебал почти половину содержимого. Мне явно стало легче, а головная боль как-то притупилась и унялась.

— Спасибо, — уже более живо поблагодарил я мужчину.

— Что же ты без головного убора ходишь по такой жаре?

— У меня нет летнего, — я стыдливо опустил глаза, внутренне досадуя на свою глупость.

— Так сделал бы! Из газеты. Это-же просто. Или не умеешь?

— Нет, не умею.

— Наташа! Наташа! — громко позвал мужчина свою спутницу, а когда та посмотрела в его сторону, сказал: — Принеси нам «Труд», пожалуйста.

— А что это у вас тут случилось? — поинтересовалась женщина, передовая газету мужчине.

— Солнечный удар у мальчика. Сама же видишь — он рыжий и солнышко его любит, а головной убор не носит. Буду учить его делать треуголку из газеты.

— Не можешь — научим! Не хочешь — заставим! — съехидничала она.

— Мне уже лучше, может не надо? Может я так домой дойду? — попытался я отказаться от, как мне показалось, назойливой помощи.

— Не бойсь, пионер! Игорь Алексеевич плохому не научит. Он у нас врач и МЧС.**** — уже явно съязвила женщина.

— Ах да! Меня зовут Игорь, Игорь Алексеевич. А это моя супруга — Наташа, — указал он рукой на уже успевшую отойти к своему покрывалу, женщину.

— Очень приятно, а я Евгений. — промямлил я.

— Так. Смотри. Всё очень просто, — мужчина хитро сложил газету и получилась кепка-треуголка. — И головной убор, а если перевернуть то и кулёк под что-то сыпучее. Теперь давай сам пробуй.

Игорь Алексеевич развернул газету в исходное положение и заставил меня несколько раз сложить головной убор.

— Запомнил? Надевай и домой шуруй. Дома холодный душ прими. Если голова и дальше будет болеть — вызывайте скорую. С такими делами не шутят, можешь без мозгов остаться.

— Спасибо большое за помощь, — искренне поблагодарил я мужчину.

— Не за что. Давай, беги.

Я оделся, попрощавшись с пацанами и с супружеской парой, рванул домой, стараясь находится все время в тени. Дома, мой поход на речку не вызвал ни тени удивления у бабули. Видимо это было в порядке вещей. А вот бумажная шляпа привлекла её внимание.

— Женька, ты чего всякий мусор на голове таскаешь? Я же предлагала тебе панаму.

Покопавшись в памяти пацана не нашёл никакого воспоминания про панаму.

— Ты про что, ба? Я ничего такого не помню.

— Ах ты ж господи! Ты же заснул тогда, когда я рассказывала тебе, вот ты и не помнишь. Мне старая подружка с швейной фабрики, подарила для тебя три армейских панамы. Сейчас, погоди, найду.

После непродолжительных поисков в шкапу, бабуля извлекла песчаного цвета субтропический шлем но без ремешка. Я такой все два лета протаскал на голове, в городе Панфилов Казахской ССР, где проходил срочную службу в 68 ОМБ.*****

— Спасибо, ба! Чудесная панاما! — я сменил бумажную треуголку на привычный мне головной убор и сам от себя не ожидая такого, с чувством обнял бабушку.

— Та на здоровье, — отстранилась она. — Женька, хватит ластится. Тебе еще в прачечную идти. Или забыл?

Опять пришлось лезть в анналы пацанячьей памяти. Точно, два раза в месяц, Евгений носил белье и крупные вещи в стирку в прачечную. Которая располагалась возле городской бани номер один.

Баба Тоня, особо себя стиркой не утомляла. Простигнуть что-то лёгкое, вроде белья или Женькиных тренников — это пожалуйста. А все остальное — в прачечную. Для чего почти на всех вещах были пришиты номерки, которые фиксировали при сдаче и получении.

Получала же белье всегда бабуля. Ибо работники прачечной норовили подсунуть чужое или потерять своё. И тогда приходилось с ними ругаться. А бабушка Тоня и умела, и любила как ругаться так и торговаться.

Пришлось снова вбивать ноги в кеды и нестись с не тяжелым баулом в прачечную. Хорошо что пришёл с реки пораньше, а то стоял бы в очереди. А так по-быстрому сдал, сверил номера, вписанные в квитанции, да и поскакал обратно.

Дома сил хватило только на душ и ужин. Хотел почитать местную газету «Красное Приазовье», которую получала бабушка от совета ветеранов, но глаза сами собой закрылись и я заснул с газетой в руках.

Почему-то в детстве рисовал я

Только то, чего не мог увидеть, —
Например, сражения морские,
Только тех, кого у нас не встретишь, —
Например, индейцев и пиратов,
Только те края, где не был я, —
То есть горы, джунгли и пустыни.

А с природы брал я только солнце
С длинными и толстыми лучами.

Были у него глаза и губы,

И они почти всегда смеялись.*****

* МЗА — малокалиберная зенитная артиллерия.

** Карабас — серебряный карась.

*** ЛЭП — линия электропередач.

**** МНС — младший научный сотрудник.

***** ОМБ — отдельный мотострелковый батальон.

***** «Почему-то в детстве рисовал я...» — Валентин Берестов.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы

Глава 5

В пятницу проснулся раньше бабушки. Что и неудивительно, вчера вырубился часов в шесть вечера. Опять ранняя пробежка, гимнастика на школьном дворе и душ дома под ворчание бабули про «малахольного космонавта».

На завтрак манная каша и хлеб с чаем. Евгений оказывается эту кашу любил, а я кто такой чтобы отказываться! Слопал и добавки еще попросил. Не забывал донимать бабулю вопросами как и что будет по-немецки. Видимо она решила принять правила этой игры. Чем бы дитё не тешилось — лишь бы не вешалось.

В школе, моя армейская панама вызвала волну зависти. И всем вдруг захотелось померить необычный головной убор. Ну, мне не жалко, как говорится: «Мои вши — ваши вши». Так что панама пошла по рукам и головам и вернулась ко мне не сразу. Про вшей это конечно шутка, а перхоть чужую вытрясем. Сейчас наличие её не считается страшным гигиеническим преступлением и она порой плотным покрывалом лежит на плечиках школьных пиджаков и платиц. Особенно после сложных уроков.

Сегодня был экзамен у восьмиклассников, и нас, отработчиков выгнали из школы и заслали грузить макулатуру. Пригнали телегу, точную копию вчерашней, но с другим номером. Четвертые и пятые классы подтягивали связки газет и журналов, стопки книг и картона к телеге, а шестые и седьмые грузили.

Чего только там не было. И различные журналы, причем весьма редкие и специализированные, типа «Советское фото» или «Математика в школе». И книги классиков, как отечественных так и зарубежных. Много дореволюционной периодики с ятями, ерами и твердыми знаками.

Работа частенько останавливалась когда пацаны залипали на найденный, очередной, танк или броненосец из «Моделиста конструктора» или «Техники молодёжи». Хорошо что девок услали на розарий, а то и они тормозили бы, рассматривая «Крестьянку» или «Работницу».

Я с самого начала урвал себе учебник немецкого языка 1961 года, авторства Григорьева и Иванова. Вот и пригодился прихваченный из дому сидор, в который и отправилась находка. За час мы заполнили телегу с горкой, а бокс в гараже, выделенный под макулатуру, так и оставался почти полным.

Приехал трактор, привез пустой прицеп, а полный подцепил и утащил. Вновь закипела работа. Теперь таскать стало сложнее, почти вся бумага и книги шли россыпью. Вот копаясь в такой россыпи я и наткнулся на «эту» книгу.

Темно-зеленная обложка, хорошо сохранившиеся золотое тиснение букв — «On the Origin of Species» Darwin*. Все бы ничего, но под обложкой находились самое главное — Лондон, 1859 год, тираж 1250 экземпляров, а типографский номер книги — 18-й. Да ну нах? Я сейчас держу в руках под сотню тысяч фунтов стерлингов?

Подозрительно озираясь по сторонам, я припрятал её в свой сидор и обессиленно рухнул на стопку картона. Как? Вот как она оказалась здесь? Хотя о чем я? Детские шаловливые ручки и не такое сотворят...

Немного отойдя от полученного шока, я вновь взялся за работу, уже более внимательно перебирая бумагу и книги. Но больше ничего интересного не нашел, за исключением книги

«Ручное вязание» некоей Максимовой, которую прихватил для бабушки. Пусть лучше вяжет, чем на меня ворчит.

Причём, я был не одинок в подобных поисках и присвоениях. Мой сосед, Жмур, выискивал журналы с фантастическими рассказами и повестями, и так же как и я, подозрительно оглядываясь, прятал их в свою сумку. А малознакомый семиклассник в открытую собирал стопкой журналы «Катера и Яхты».

А дома меня уже ждали. Бабуся, естественно, всем подругам растрепала какой у неё внук электрик. И когда у четы Примаковых, которые живут над нами, перестал работать холодильник — то они прибежали к бабе Тоне. А подайте нам вашего чудо-электрика.

Я честно пытался отбрыкиваться от такого счастья.

— Я же не умею чинить холодильники! Зачем я вам там нужен?

— А я что? На дуру похожа внучек? Я лампу к ним настольную носила и проверила розетку. Не работает она. Внучек, ну, пожалуйста, посмотри что там. Квартальный электрик пьян сволочь, а у них в морозилке мясо пропадает. Жара какая на улице. Если не сможешь так и скажи. Бери что тебе нужно и пойдём.

Деваться было некуда, и я припрятав сидор с книгами в своей комнате и прихватив отвертку и нож, отправился к соседям. Поздоровался с дед Мишей и баб Зоей, обесточил квартиру да и разобрал розетку. На первый взгляд все было нормально. Все контакты целы, нигде ничего не погорело и не оплавилось.

Алюминиевая проводка вообще отличается прочностью и долголетием. Недаром в моём времени, до сих пор у половины населения старая советская алюминиевая электропроводка. Ну фиг его знает что с розеткой могло приключиться. На всякий случай отсоединил, зачистил и снова прикрутил контакты. Осталось только проверить.

Включили автомат и подключили холодильник к питанию. Новенький «Зил-63» почти бесшумно зашелестел компрессором. Чем привел в радость не только соседей, но и меня с бабулей.

— Вот спасибо, Женя! Чем же мне тебя отблагодарить? — запричитала передо мной баба Зоя.

— Рубля вполне хватит, — огорошил я честную компанию.

— Да что ты такое несёшь? — возмутилась моя бабуля и попыталась отвесить мне леща.

Я ловко увернулся, и выставив перед собой отвертку и попятившись в угол кухни, спросил:

— А сколько бы с вас электрик взял за ремонт? Решили меня маленького и глупенького за конфету развести? Ба, если я дома всё чиню бесплатно — это не значит что я буду бесплатно чинить всем твоим подругам и знакомым! Нашла дурачка? «А будет отказываться и побить можно»? Всё! Хватит!

— А мальчик ведь прав. — неожиданно сказал дед Миша. — Мы бы трешкой могли бы не отделаться. Ты, Антонина, должна внуком гордиться, хозяином растёт.

— Женька, а на что тебе деньги-то нужны, ирод? — решила вмешаться баба Тоня.

— Удочку хочу купить, паяльник, набор инструментов, — перечислил я свои хотелки.

— Ой, Миша, а у нас же удочка Стасика есть. Давай, Женечке её отдадим, — сказала баба Зоя и уставилось на мужа.

— А ведь точно. Будет нужно, Стасик себе новую купит. А то стоит в кладовке и постоянно крючками за всё цепляется. Это ты, бабка, хорошо придумала. Сейчас найду.

Врученная мне удочка неведомого Стасика, оказалась бамбуковой и состояла из трех

полутораметровых колен. Снасть тоже на ней присутствовала, но в таком перепутанном состоянии, что возникали сомнения в возможности её расправить.

Дома же состоялся разговор с бабулей. Ну как разговор? Скорее монолог. Винилась она передо мной.

— Прости меня внучек...

«Дуру грешную»**, - додумал уже я и еле сдержал смех. Бабушка тем временем каялась и божилась что меня и пальцем не тронет и прочее, прочее, прочее. В итоге сгребла меня в охапку и разрыдалась. У меня уже и самого глаза были на мокром месте, ведь обещал же себе выстраивать отношения с новой родственницей.

— Весь в деда. И характером и ухватками. Как я раньше этого не замечала? — и отстранив меня от своей тушки, полюбовалось мной красными и заплаканными глазами.

— Скучаешь?

— Ты о чём, Женя?

— Я о дедушке. Съездила бы, проведала его могилу.

— Да как же я поеду? Он же за границей, в Чехословакии.

— Так напиши просьбу в военкомат и в совет ветеранов, попытка не пытка, глядишь и получится.

— А тебя я на кого брошу?

— И меня с собой возьмишь, я тоже хочу на могилу деда посмотреть.

— Ну, ты как придумаешь. Никто же так никогда не делал. Но попробовать стоит. Какой ты у меня молодец, — и я был опять подвергнут обнимашкам.

Так, все, хватит. Я устал, я голодный. Пора как-то это прекращать.

— Ба, у тебя халат картошкой жареной пахнет, — а мой живот предательски заурчал.

— Ах ты ж, господи! Чего это я? Ребенок голодный, а я его тут тискаю. Пойдем, пойдем на кухню внучек.

На обед и вправду была жаренная с луком картошка, говяжьи котлеты и холодный бочковой квас. Вкусно — просто не реально. Но в мою мелкую тушку влезло только две котлеты и порция картошки. На второй котлете на меня напала сонливость и клюя носом я еле её доел.

С трудом выбрался из-за стола и, дойдя до своего спального места, вырубился раньше чем голова коснулась подушки.

Дневной сон хоть все и хвалят — сил мне не прибавил. Проснулся, я весь какой-то разбитый и мокрый от пота. Доплёлся до ванной и попытался прийти в себя с помощью холодной воды. Умывания не помогли, пришлось принять полноценный душ.

Слава богу, баба Тоня куда-то свалила, а то опять бы ворчала на полюбившего внезапно водные процедуры внука.

Налил на кухне стакан кваса и пошел разбираться с внезапно привалившим богатством. Долго ломал голову как и где устроить тайник. Так, что бы наверняка. Мебели в комнате почти нет, выпиливать кусок пола не хочется, да и заметно. К тому же сырость и грызунов от близкого подвала исключать тоже не стоит.

Остановил свой выбор на двойной стенке кресла-кровати. Тщательно завернул томик Дарвина в старые газеты и спрятал. Все найденные купюры извлек из разных гильз. Оставил на непредвиденные расходы одну десятку, а остальные решил отправить к книге.

И уже в самом конце, когда сворачивал деньги в трубочку, глаз зацепился за буквы перед номером купюры. ЯА — что-то такое я помнил про эти буквы. Типа они очень редкие

и там нет какого-то штампа и в моё время стоили очень прилично. Не так уж чтобы совсем дорого, но по пять тысяч рублей за купюру точно.

Проверил все четвертаки. Все четыре купюры были из серии ЯА и с одинаковыми номерами кроме последних. Надо будет их придержать и показать местным бонистам***, если таковые здесь конечно водятся. Или в Ростов потом отвезу.

Что-то мне щастит сегодня, как бы не прилетело в ответ чемнибудь отрицательным. Буду надеяться на лучшее, пусть и дальше везёт, я не против.

Уже все припрятав и даже распутав снасть на заработанной удочке, я зацепился взглядом за недоделанный кинжал. Так, что я там с ним планировал? Выжигание и изоленга? Точно! Надо бы пополнить запасы изоленга.

Источником этого материала был Каморовский дядя Юра, телемастер из мастерской в доме напротив. Ещё тот, прежний Женька, в свои уже далёкие восемь лет, клянчил у бабы Тони десять копеек. Чтобы купить небольшой моток изоленга у предприимчивого пацана из соседнего дома.

Бабушка, выяснив у внука на что ему нужны деньги, молча взяла его за руку и привела в телемастерскую. И сдала его в работу этому самому дяде Юре, за моток изоленга. С тех пор, при необходимости пополнить стратегические запасы этого магического материала, Женька шел в мастерскую, где безропотно вытирал пыль со всех стеллажей, выносил мусор и даже мыл полы.

И обе стороны были довольны. Женька радовался дефицитному материалу, а телемастер радовался наведенному порядку на высоких стеллажах, куда сам не очень мог достать из-за травмы ноги. А так как мастерская находилась в подвальном помещении, то пыль и грязь там были всегда, а значит и работа для Евгения. Тем более что он смог удержать свой язык за зубами и не разболтал друзьям и приятелям где берет этот дефицит.

Надо бы и мне наведаться туда. На бабкином будильнике было почти половина четвертого, ну и поспал я однако. А мастерская вроде до пяти работает, ещё успеваю. Сказано — сделано, оделся и обулся, и вперёд. Благо до мастерской от моего подъезда метров пятнадцать от силы.

— А! Явилась пропащая душа. Ты как раз вовремя, — своеобразно ответил телемастер на моё робкое «здрасти».

— У меня аврал тут, проверка завтра. Будь она неладна. Так что хватай тряпки и протирай пыль. Ну ты в курсе, чего я тебя учу?

Следующие полчаса я лазил по стеллажам с телевизорами и радиоприемниками и тщательно протирай их. Многие стояли здесь в ожидании отправки на заводы изготовители, так как были признаны не подлежащими ремонту. Другие дожидались заказанных блоков, транзисторов и ламп. А третьи просто ждали своей очереди на осмотр и возможный ремонт. Была ещё и другая категория, те аппараты которые дядя Юра взял в починку частным образом, а не по гарантии.

По идее в мастерской должны были быть и другие сотрудники, подсобный рабочий, уборщица и кассир. Но я видел всего двух работников, самого мастера и женщину лет сорока. Быстрее всего, они оба и совмещали все ставки. А может это я домысливаю и подобные гарантийные мастерские функционировали как-то по другому.

Закончив, я доложил об этом мужчине.

— Молодец. Вот, держи. — он мне протянул три полных кругляша красной изоленга. — Извини, другого цвета сейчас нет.

— Спасибо большое дядя Юра! — я никак не ожидал столь щедрой платы, в воспоминаниях Женьки всегда фигурировали небольшие мотки, от силы четверть от первоначальной величины.

— Да-да, иди. Хотя нет. Стой! — внезапно скомандовал он. — Жень, ты случаем не знаешь, кому нужен телевизор?

— Знаю. Мне с бабулей.

— А у вас что нету?

— И не было никогда. А вы что? Благотворительностью занимаетесь?

— Благо-тьфу блядь чем? Что за словечки?

— Ну. Безвозмездно, то есть даром. Как в мультике.

— Ха-ха-ха. Нет конечно. За деньги. Телевизор хороший, но старый и показывает только одну программу. Я с ним полгода бился, но так и не смог ничего сделать. А блоков на него уже не выпускают. Мне убрать его надо до завтра, он неучтенный. Вот там стоит, — он указал на приютившийся в углу аппарат.

«Верховина» — прочитал я название под переключателем каналов. Мопед такой знаю, у одноклассника в Ленинграде был, а телевизор с таким названием первый раз в жизни вижу.

— А вы другим предлагали? Может из деревень кто по дешёвке купит?

— Да никто не хочет брать. Один канал и пушка кинескопа у него сзади далеко выпирает. Неудобная модель.

— И сколько вы за него хотите? Я на велик копил, может хватит.

— И сколько скопил? — с надеждой посмотрел на меня мастер.

— Десять рублей, — решил начать я с маленьких ставок, а вдруг прокатит.

— Ха! Хотя... — мужик в задумчивости почесал подбородок. — У вас и правда нет телевизора?

— Да чтоб я сдох, — поклялся я.

— Ладно, неси деньги и забирай.

— Не-не. Я же его не утащу, он весит наверное больше меня. И бабуля тоже его не утащит.

— Мда, — мужик почесал репу, но обещанная десятка видимо пересилила. — Ладно, неси деньги, а я дотащу. Вы же на первой этаже живете в соседнем доме?

— Да. Сейчас.

И я понесся домой. Закинул в комнату изоленту, вытащил заныканную недалеко десятку и метнулся в комнату к бабуле, которая уже пришла и стрекотала на швейной машинке.

— Ба, там дядя Юра, нам сейчас телевизор принесет. Ты освободи место куда его ставить, — огорошил я её и унесся из квартиры.

— Вот. Десять рублей. Только, дядь Юр, не говорите ей про деньги. Она не знает про них. Скажите что избавляетесь от старого и ненужного. Она поверит.

— Ой. Связался я с тобой. Точно не ворованные? — с сомнение покрутил он в руках мою десятку.

— Не, бутылки сдавал, накопил и обменял.

— Ну ладно, ежели так. Ключи вот возьми, закрой мастерскую за мной.

Дядя Юра, кое-как хромя на поврежденную ногу, доволлок ящик телевизора до нашей квартиры и, сгрузив его на круглый стол, сказал опешившей бабуле:

— Вот, Алексеевна, принимай аппарат. А то он у меня стоит пылится, а вам, я смотрю, нужнее. Сейчас подключу и настрою его.

— Ты чего это, Юрка? У меня нет денег на этот телевизор, — запрочитала бабка.

— Антонина Алексеевна, успокойся. Это безвозмездно, то есть даром, — повторил он мои слова. — У меня завтра комиссия, проверка, а он не учтенный. А тут Женька твой пришел за изолянткой, и я сразу вспомнил что у вас телевизора нет. Мне его что, назад волочь?

Естественно, бабуля, после такого объяснения соблаговолила принять подарок. Порадовалась настроенной первой программе и даже затащила дядю Юру на кухню, где накормила и налила стопочку водочки. Уходя, мужик поманил меня пальцем.

— Пойдем Евгений, еще что-то дам, — но что именно — промолчал.

— Смотрю, бедно вы живете. Извини что не поверил, — повинился он передо мной. — Вон, на нижней полке приёмник «Фестиваль» стоит. Забирай его тоже. Я с него и дистанционный пульт снял и все электромоторы. Но как радио, он еще хорош. И не тяжелый, дотащишь.

— Спасибо большое, дядь Юр. — ухватился за радиоприёмник и опасно кренясь потащил его домой.

Кое-как, с двумя остановками добрался до квартиры, на входе в которую и был перехвачен бабулей. Приёмник был у меня отобран, но под мои яростные и гневные вопли — что это мне, был всё-таки сгружен в моей комнате.

Вот и пригодился найденный двухжильный провод, быстренько соорудил антенну — развесив провод по комнате, и включил радиоприёмник в сеть. Как им пользоваться я знал. У меня, в той жизни был такой в семидесятых. Но в полной комплектации, с пультом управления. Покрутил верньером в поисках станций.

На УКВ****, сразу поймал радио Маяк. И попробовал поискать на КВ****диапазоне. В самом конце полосы частот, где-то на 11 или 12 метрах набрел на RCI — международная канадская радиостанция. Как раз успел на начало какой-то музыкальной программы. Сидел, слушал и балдел. Это именно то, чего мне не хватало все эти дни. Разнообразной музыки. А из динамиков звучал голос Кенни Роджерса и его баллады «Lady», и я мысленно, что бы не застукали — подпевал ему...

* — «О происхождении видов» Дарвин.

** — Прости меня, Васенька, дуру грешную! Фраза из кинофильма «Шырли-Мырли»

*** — Коллекционеры денежных купюр.

**** — КВ и УКВ радиодиапазоны на радиоприёмниках.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы

Глава 6

Надсадно дыша я прорывался сквозь вязкую темноту подъезда. Все выше и выше, а за спиной неотвратимо топали берцы участкового. Лестница, чердак, всё, дальше некуда. Прижимая к груди пакет с драгоценными мотками красной изоленды, я затравленно заметался по крыше, испуганно шарахаясь от страшной пустоты.

Сейчас, вот сейчас, он выйдет на крышу и отберет мой груз, а казачьи кони останутся неподкованными. Ибо гвозди кончились и только моя изоленда могла спасти положение. Но выхода не было, я же не могу летать.

Хотя почему не могу? Могу! Я же уже летал! Да, точно, не помню когда, но летал! Разогнался и бесстрашно сиганул вниз, раскинул руки и полетел. Всё! Теперь меня не догонят. А казачьи кони с примотанными моей изолентой подковами, понесут своих седоков в бой. И я радостно, от всей души засмеялся. И так, от своего смеха и проснулся.

За окном было уже светло, а я лежал и улыбался после чудного сна. Ну, ладно полёты, летаю — значит расту. Но остальной бред откуда? Неужто биохимия и биофизика растущего организма так влияет на мои седые мозги? Ну и хрен с ними! Зато какие яркие и фантастические сны! Вот пусть и будут заменой потерянному доступу к фильмам и сериалам.

Утренняя пробежка, водные процедуры и завтрак. В одиночестве. Бабуля свалила на рынок. Пошла меняться шампунем на что-нибудь полезное. Как выяснилось он был с краской и нам точно не подходил.

Вчера вечером я толком и не успел насладиться музыкой и новостями, как впрочем и бабуля — телевизором. В начале восьмого вырубил электричество. Веерное отключение — как пояснила бабушка.

Какое забытое определение. Из глубин детства. Я, в прошлой жизни тоже был десятилетним, когда случилась авария на ЛАЭС*. Тогда, я помню, целыми микрорайонами свет отключали в Ленинграде.

После завтрака попытался выловить какуюнибудь музыку или западную волну, но эфир был плотно забит щелканьем и улюлюканьем глушилок. Пришлось ограничиваться Маяком. Сегодня последний день отработки, и сегодня же нам должны выдать новенькие учебники на четвёртый класс. Кто раньше отработает — тому и книжки поновее.

Так, надо не забыть взять с собой список книг заданных на летнее чтение. А список вполне приличный. Андерсен — «Стойкий оловянный солдатик» и «Снежная королева». Гайдар — «Горячий камень», «Голубая чашка», «Чук и Гек». Бажов — «Малахитовая шкатулка», «Ключ-Камень». Губарев — «Путешествие на утреннюю звезду», «Королевство кривых зеркал» и «Трое на острове». Давыдычев — «Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника». Все эти книги я читал раньше, но про что там хоть убейте — не вспомню. Придётся перечитывать. Интересно — а есть ли они в наличии в школьной библиотеке?

Сегодня мы таскали табуретки из столовой, она же актовый зал. Носили в рекреацию с умывальниками. Всей работы было на один час, после чего мы отметились в журнале отработок и были отпущены. Видимо никто не хотел с нами возиться в субботу.

В библиотеке, тоже все происходило быстро. У женщины-библиотекаря были уже

собраны стопки учебников и книг для чтения. Оставалось только назвать фамилию и получить свою стопку.

Книг для летнего чтения было в наличии немного. Только Андерсен и Гайдар, остальные посоветовали искать в городских библиотеках. Благо, их только в нашем квартале было две. К глубокому удивлению, меня в списках на получение учебников не было.

— Татьяна Ивановна, вычеркнула тебя из списков. Сказала — Лисин, должен получать учебники после всех, — поставила меня в известность молоденькая библиотекарьша.

— Как же так? Я же отработал! Это не справедливо. Вы должны мне выдать учебники.

— Ничего не знаю. Решай этот вопрос с Татьяной Ивановной.

Прежний Лис утёрся бы, затаил глухую злобу на бывшую классуху и всё спустил на тормозах. Даже бабуле не пожаловался бы. Но я уже не он. Пойду-ка права покачаю. Прямым ходом к директору школы.

Кабинет директора, располагался на первом этаже, прямо возле центрального входа. Пустая приёмная и приоткрытая дверь в нужный кабинет. Вот только Степаниды Карловны, «карла» как звали её ученики — в кабинете не оказалось.

За директорским столом сидел завуч**, «джорджик» — всплыло в памяти. Мать твою перемать, а ведь я даже не знаю его имени-отчества. Учитель физики к нам, начальным классам, не имел никакого отношения, а от старшаков Женька знал только его прозвище.

— Здравствуйте. Я Лисин Евгений из 4«б». Мне бы директора. Не подскажите где я её могу найти?

— Степанида Карловна на совещании в ГорОНО***, я за неё. Можешь говорить со мной.

— Нет. Я по личному делу. Извините, я не знаю как вас зовут, как к вам обращаться?

— Хм. Краснопольский Георгий Алексеевич. Что у тебя случилось? Может я смогу тебе помочь?

— Наверное сможете. Я закончил отработку, а нам пообещали после окончания выдать новые учебники.

— Да. Помню. Есть такое устное распоряжение директора, — подтвердил мужчина. — А что? Не выдают?

— Моя бывшая классная руководительница, запретила выдавать мне новые учебники.

— А что так? Ты старые потерял или угробил за год?

— Нет. Я все старые сдал. Я не знаю почему она запретила выдавать новые. Но это нелогично! Обещать за отработку и обмануть! Так учителя не могут поступать.

— Хм. Наверное ты прав. Я сейчас напишу записку — отдашь её библиотекарю и она все тебе выдаст. Так тебя устроит?

— Вполне! Спасибо большое, Георгий Алексеевич.

Волшебная записка завуча на листике с прямоугольным синим штампом школы — разрешило сразу почти все проблемы. К полному комплекту новеньких учебников внезапно нашлась и дефицитная дополнительная литература. Вся, кроме повести Льва Давыдычева.

Русский язык, литература, математика, природоведение, трудовое обучение, рассказы по истории СССР и карты к этим рассказам. Хорошо что авоську под это дело взял, в сидор такое количество книг могло бы и не влезть. Для полного счастья, осталось купить контурные карты, дневник, альбом и тетради.

Дома бабуля, пока меня кормила, делилась своими впечатлениями от похода на рынок.

— Никто эту шампунь буржуйскую не хотел брать. Но всё-таки я её сменяла, на

приличный отрез ситца. Трусов теперь тебе нашью, себе халатик.

— Ба, ты это. Не шей много трусов то. Я же еще расту, парочки хватит. И вообще, ты когда мои шорты закончишь?

— Ишь какой вумный сыскался? Учить меня будет! А гарнитур твой модный, я почти закончила, завтра будешь уже в нем красоваться.

— Мерить ничего не надо? — не подумав, ляпнул я.

— Да чего тебе мерить? Я тебя как облупленного знаю и размеры твои тоже. Так, погодь, чего я еще от тебя хотела? — бабуля вопросительно на меня уставилась. — А точно! Вот, — она извлекла из своего кошелька две пятерки и положила передо мной.

— На что это?

— Не на что, а за телевизор. Допытала я вчера Юрку. Ты же смотри, рупь он хотел содрать с соседней. А у самого десятка в заначке лежала. Но спасибо, что не пожалел на нужную вещь. Вот возвращаю. Красненькой у меня нет, так что — две синенькие.

— Не, баб, не надо, — я ребром ладони подвинул к ней две купюры. — Ты лучше стабилизатор за эти деньги купи.

— Стабихлизатор? Чего это? Что ты еще выдумываешь?

— Прибор это. В него телевизор включается, что-бы он не сгорел от перепадов электричества и таких внезапных отключений, как вчера.

— Нужная вещь, — сразу согласилась бабуля. — И ты думаешь я за десятку её куплю?

— Так, у дяди Юры спроси. Может у него есть.

— А и спрошу. — бабушка сгребла пятерки обратно в кошелёк, взамен выложив бумажный рубль и металлический. — Вот, сходи постригись.

— Так здесь же много, — опять возразил я, вспоминая что детская стрижка стоила максимум копеек пятьдесят, если не меньше.

— На остальные — в кино сходи, в парк, мороженное купи. В общем поздравляю тебя с окончанием третьего класса.

Подстричься мне точно не помешало бы, мои рыжие патлы меня уже начинали раздражать. Кататься на каруселях я конечно не пойду, как впрочем и в кинотеатр, а вот кое-что нужное прикупить надо.

Во-первых, маникюрные ножницы. Теми, что были дома, нормально подстригать ногти не получалось, а я привык к коротким ногтям. Во-вторых, для починки моего спального места нужны были болты, гайки и хотя бы универсальный велосипедный ключ. Или в простонародье — семейный.

За исключением ножниц, все остальное придется покупать на рынке. Сегодня я уже не успею, а завтра в воскресенье сбегаю на рынок, вместо пробежки вокруг школы. А сейчас надо сходить подстричься. А то после сытного обеда, опять потянуло полежать. Нафиг, нафиг, а то так — раз полежишь, второй, а там, глядишь, и пузико выросло.

Ноги меня сами принесли к ближайшей парикмахерской. Что и не удивительно — здесь Женька постоянно подстригался. «Ландыш» — всплыло в памяти её название. А еще есть «Магнолия» в центре, где бабуля делает завивку.

К моему удивлению, возле лестницы в это заведение ошивались братья Лубенцы. Увидев меня, страшно обрадовались, как будто мы не расстались всего два часа назад.

— Что? Тоже оболванивать послали? — кивнул я на парикмахерскую, после того как мы поручкались.

— Ага, — как то сразу погрустнели две одинаковые мордочки. — Налысо.

— С фи́га ли? Что? Других причёсок нет? Или вас в наказание?

— Не. Там в мужском зале, детей практикантка стрижет. А она может только под ноль.

— Так пойдёмте в другую парикмахерскую.

— Нам по двадцать копеек дали, а в других дороже. Да и батя сказал покороче.

— Ну, ваше дело. Я тогда в «Магнолию» побегу. Бывайте, — попрощался я с братьями.

Как всё-таки хорошо иметь здоровое и молодое тело. До центра доскакал минут за десять. По пути не удержался и разменял металлический рубль, купив в киоске фруктовый лёд в картонном стаканчике за десять копеек.

Очереди в мужской зал парикмахерской к моему удивлению — не было. Высокая улыбчивая женщина с внушительным бюстом усадила меня в кресло.

— Как стричься будем, молодой человек? Бокс, полубокс, канадка? — перечислила она.

Я задумался. Может что-то покороче, все равно ведь собираюсь таскать всюду панаму.

— А, ежик, можете?

— Конечно. Уши открываем?

— И уши, и виски, шею с лбом полностью, — счёл нужным уточнить я.

— Это модельная стрижка получается. Сорок копеек. Есть?

— Да, есть. Сейчас платить?

— В кассу иди. Скажи там — модельная за сорок. Чек принесешь и начнем.

Подстригли меня быстро, но качественно. На прощание, от души попшикали одеколоном. Остановившись в фойе парикмахерской, я с удовольствием полюбовался получившимся результатом. Получилось, надо сказать, своеобразно. Агрессивно. Этаким наглый, мелкий пацанчик из девяностых. Круто, надо будет запомнить мастера.

С сожалением напялил на голову панаму и отправился дальше по своим делам. Небольшой маникюрный набор с ножницами и пилочкой купил в киоске «Союзпечать». И на оставшиеся от железного рубля пять копеек вернулся домой на автобусе. Бумажный рубль так и остался лежать в карманчике треников.

Вечером, мне все-таки пришлось заниматься примеркой. Бабуля придумала какое-то новшество и хотела им похвастаться.

— Смотри, Жень. Я на кармашек жилетки тебе флажок пристрочила.

И правда, на клапане нагрудного кармана — гордо красовался флажок СССР. Такой, как на стройотрядовских штормовках.

— Ба, а ты где его взяла?

— Ой. Да у меня их много. Когда на швейной фабрике работала, прихватила на всякий случай. Красиво же, правда!

— Да. Классно. Бабуль? А ты можешь, еще такой-же пристрочить на боковой карманчик? Вот сюда, — и я показал на правый накладной карман на шортах.

— Конечно могу. А ведь и правда. И на жилетке будет и на шортах. Какой ты у меня вумный!

Бабуля притянула меня к себе, обняла, потом отстранила, и взъерошив и так короткую причёску, сказала:

— Как хорошо тебя подстригли. А пахнешь как! Запомнил мастера?

— Да, баб. Это в «Магнолии», в центре.

— Ну тогда понятно. Всё. Беги, пострел. Я пока второй флажок тебе пришью.

Мой новый костюм оценили и во дворе. Пацаны дня два выспрашивали где и кто мне его сделал, а потом просто потеряли к нему интерес. Но, как оказалось, не все. Сашка

Пархоменко из кооперативного дома, так разрекламировал своей матери мой костюм, что она заказала бабуле аналогичный перешив. А после неё и ещё несколько женщин заказали подобные переделки.

За оставшийся июнь я успел многое. Починил свое кресло и теперь не боялся ночного обрушения нелепой конструкции из ведра, которое заменяла ему задние ножки. Добрёл со своей удочкой до «Широкого» ерика и поймал с десятков карасей, в которых бабуля и опознала тех таинственных «карабасов».

С рыбой вообще получилось неожиданно. Бабушка с ходу отказалась к ней прикасаться и заявила, что чистить и готовить её не умеет. Как бы странно это не выглядело для данной местности и позиционирования себя казачкой.

Делать было нечего, почистил сам и сварил уху. Которую к моему удивлению бабуля ела вполне охотно, хотя и ворчала что это не правильная уха, не казачья, без томата.

— Ба, так казаков, выходит, из Америки завезли? — решил я приколоться над ней.

— Что ты несешь, пустозвон? — возмутилась она.

— Так ведь родина томатов же южная Америка.

— Ну и ладно. Значит мы с тобой тоже американцы. Ты уж, по цвету, точно.

Это она намекала на мой странный медный загар, которым я все же обзавелся. Обгорел, был намазан простоквашей, облез, затем опять обгорел и после второго сбрасывания кожи, приобрел цвет меди с патиной. Где в качестве патины выступали россыпи моих веснушек.

Мои поделки кинжалов и мечей из компьютерных игр, особого спроса не нашли. Все эти выступающие детали финтифлюшки лопались и разлетались при фехтовании. А тут еще, в очередной раз, по телевизору, показали фильм про Спартака. И «гладиус»**** стал основным мечом который мне заказывали и охотно меняли на пустые бутылки.

А еще, благодаря рекламе бабули и Примаковых, меня стали приглашать — «на починить электрическое». Каждый подобный раз, бабушка вслух корила себя за длинный язык и за опасную профессию, к которой подтолкнула единственного внука. Но по её виду, было заметно, что она гордится мной и собой, тем что именно к её десятилетнему внуку идут с подобными проблемами, а не к взрослым электрикам.

Звали меня в основном пенсионеры и одинокие, те, для кого электрика — тёмный лес с медведями. Розетки, вилки, патроны и даже замены спиралей в утюгах и плитках. За более сложное я пока не брался. Подрасту, тогда и придет черед более сложной работы. Да и брал я поменьше чем взрослые электрики, максимум трешку. И всегда, честно, половину заработанного отдавал бабуле. Да и трешка была в июне всего один раз, за замену двух розеток.

В конце июня, про меня внезапно вспомнил профком отцовой судоверфи. Мне, как сироте, выделили путевку в оздоровительный лагерь «Волна», что на Азовском море. Быстрее всего, кто-то из заводских детей не смог поехать, и я оказался лучшей кандидатурой, которой можно быстро сплавить горящую путёвку.

Причём горячей она была от слова — совсем. В четверг тридцатого июня нам её принесли, а ехать надо было в обед первого июля. На попытки бабушки выяснить у профсоюзного лидера — а как же медицинский обход и справки, ей ответили что всё улажено, мальчик на вид здоров и все нужные справки выпишет заводской врач.

Что характерно, отказываться от путёвки бабуля и не подумала. И сразу ринулась собирать ребятёнка в поездку. Кинулась что-то застирывать, гладить и подшивать. Мне же было выдано четыре рубля, и я был отправлен в магазин «Спорттовары» за новыми кедами.

А по пути должен был прикупить зубной пасты или порошка и детское мыло.

* — Ленинградская Атомная Электростанция. Осенью 1975 года на ней произошла радиационная авария, из-за которой были заглушены на тот момент оба реактора. Что привело к всеерным отключениям электричества в Ленинграде и области.

** — заместитель директора по учебно-воспитательной работе.

*** — городской отдел народного образования.

**** — древнеримский короткий солдатский меч до 60 сантиметров длиной.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы

Глава 7

«Были сборы недолги, от Кубани и Волги, мы коней поднимали в поход» — напевала вполголоса бабуля трамбуя мои шмотки в сидор. Мне вообще изначально предложили воспользоваться школьным ранцем. Но внезапно всплыло, что Женька, еще в мае, угробил одну лямку и скрыл это от бабушки. Она в гневе, чуть не аннулировала свой мораторий на телесные наказания.

Как альтернатива, мне были предложена авоська — «а чтоб все видели какой ты рукожоп», выдала она на мои возмущения. На что уже я обиделся и заявил — «что никуда не еду и вообще сбегу из дома».

«А моя ли это мысль»? — вдруг подумалось мне. Или это где-то из глубин, реальный Женька прорывается?

— Жень! Ау! Выходи мальчик, поговорим, — мысленно позвал я.

«А в ответ тишина. Здравствуй шиза. Тихо, шифером шурша, едет крыша не спеша. Надо заканчивать с самокопанием и признать что ты здесь один. А то быстренько переедешь в палату к Наполеону и Кутузову.»

Привела меня в чувство — бабуля. Походя, толкнула своим боком и потребовала:

— Тащи свой сидор, с ним поедешь. Убегальщик.

Слава всем богам и великому КПСС что она не заметила моей отрешённости, а то опять бы на свой счёт записала. И опять винится стала бы.

И вот теперь напевая — собирала мои немногочисленные вещи. Носки, пара трусов и маек, рубашка и шведка. Тренники решили не брать, слишком ушатанные. Вчера вечером, по моей просьбе бабуля сшила мне а-ля спортивные трусы. И даже с боковыми полосками и карманчиком.

Кеды я купил новые, попутно приобрел зубную пасту «Жемчуг» и «Детское» мыло. Вовремя вспомнил и про главные проблемы всех моих пионерских лагерей — комаров. Уже на свои деньги прикупил отрез марли и коробку канцелярских кнопок. А дома, целых полчаса, резал старые газеты на запас туалетной бумаги.

Бабушка хотела и скрытные кармашки для денег пришить, но я отказался. Зачем мне там деньги? На всё готовое же еду. Она поворчала, но согласилась.

Сбор в лагерь, был назначен на площади перед первой школой. Там уже толпилось под сотню разнополых и разновозрастных детишек и не меньше пары сотен провожающих.

— Лис! Привет, бродяга! — на меня налетел какой-то пацанчик и принялся меня обнимать.

Кое-как вырвавшись из объятий, я смог его рассмотреть. Вася Ким — подсказала память, лучший друг и школьный товарищ с которым Женька сидел за одной партой на камчатке*. Несмотря на фамилию, корейцем Вася не был, как и его родители. Зимой его бате дали квартиру в новенькой девятиэтажке от завода. И Василия перевели в первую школу.

— Привет, Вась. Тебя тоже в лагерь?

— Ну да. Я же каждый год в него езжу. Отец на КПО** работает, а это их лагерь. Я в четвертом отряде, просись тоже в четвертый.

— Всё! Хана лагерю. Вы на пару его разнесёте, ироды, — влезла в наш разговор бабуля.

— Ой, здрасте, баб Тоня, — Васька, только сейчас соизволил заметить бабулю. — Вам надо вот к тем столам, зарегистрироваться. — Махнул он рукой куда-то в сторону.

В той стороне и вправду нашлись представители лагеря. Бабушка сдала им мои документы — путёвку, медицинскую справку, показала свидетельство о рождении. Меня по возрасту записали в четвертый отряд, отчего Васька, трущщийся рядом, радостно заскакал как резиновый мячик.

Потом объявили посадку в выстроившиеся рядом разноцветные 672-е ПАЗики***. И начался сущий бедлам. Взрослые кинулись обнимать и давать наставления своим чадам. Вожатые и воспитатели надсадно орали, призывая свои отряды по автобусам.

Бабуля тоже меня схватила в охапку и разрыдалась. Такое ощущение, что провожают как минимум на фронт и больше никогда не увидят. Пообещала приехать на родительский день и заставила поклясться, что хоть одно письмо напишу домой.

В нашем отряде было 24 пацана и 20 девчонок. А автобус вмещал сидящими 23 человека. Так что нас трамбовали по трое на сиденье и завалили весь проход сумками, рюкзаками, вещмешками и чемоданами. Хорошо хоть я успел занять место с правой стороны автобуса, солнышко будет теперь поджаривать левосторонних.

Наконец наша колонна в сопровождении машин ГАИ**** тронулась, и в открытый люк и форточки заструился живительный ветерок. Я же, на автомате, слушал болтовню Кима, а сам с жадностью рассматривал проносящиеся мимо виды, впитывая местную географию. А вдруг пригодится.

В селе Кагальник мы попали в пробку. Через одноименную с селом реку был переброшен мост в виде однопутной двадцатиметровой железнодорожной фермы. Но только в качестве шоссейного моста. Вот и стояли, ждали пока через мост нам на встречу переберётся колонна комбайнов «Нива».

Где-то через час мы наконец свернули с асфальтированной дороги на боковую грунтовку. Автобусы медленно поползли по ней, подпрыгивая на каждом ухабе, чем вызывали восторженные вопли детворы. Особенно сильно подлетали и вопили едущие на задних сидениях. Через пару километров подобного аттракциона, мы наконец добрались до конечной цели нашего путешествия.

Процесс расселения и знакомства с лагерем был тоже не менее хаотичным. Всех мальчишек нашего отряда, поселили где-то на окраине, между пляжем и густой хвойной рощей. Одноэтажный щитовой домик на шесть четырехместных комнат и маленькой комнатухи для пионервожатого.

Удобства были на улице, две кабинки летнего душа, ряд открытых умывальников и моек для ног. Туалет располагался возле домика девчонок, метров за сто от нашего. Ой, чую я, что ночью всем будет страшно туда переться и позассут да и позасрут территорию вокруг.

Часа два носились по лагерю, получали бельё и одеяла. Даже выдали шорты и пилотки как комплект формы. «Фу — девчоночьи» — сразу возмутились пацаны при виде темно-синих шорт без мотни и с боковыми застежками. Но вожатый был непреклонен и заставил всех надеть их.

Вожатым у нас был молодой парнишка, проходящий практику от педагогического училища. Андрей — как представился он нам. Пацаны сходу прозвали его — «Молоток», видимо из-за высокого роста и выдающихся размеров носа.

Шорты оказались слишком велики нам, на три — четыре размера. На наших тощих ягодицах они не держались и спадали. Некоторых спасали прихваченные из дома ремни. Но

таковых было не больше половины.

По совету «Молотка» многие подвязывали шорты верёвочками и даже кусочками бинта. И никто не роптал на подобный ужас. В общем, всё это смотрелось убого и непрезентабельно. Я не стал связываться с лагерной одеждой и остался в своих новых шортах, перешитых из школьных штанов. Перед общим тренировочным построением нацепил на шведку свой поцарапанный октябрятский значок.

Примерно час мы дружно маршировали и орали речёвку нашего отряда:

Раз-два! Три-четыре!

Три-четыре! Раз-два!

Кто шагает дружно в ряд?

Это — смена комсомола,

Пионерский наш отряд!

Изначально, я с иронией воспринимал всю эту муштру. Но потом словил дзен и понял — вот оно, реальное дежавю. Не то краткое, когда тормозишь и пытаешься понять — почему тебе что-то знакомо. А вот такое, глобальное накатило — даже на душе приятно стало. Кайф, короче.

На общем построении, нашу готовность проверял какой-то бородатый мужик. Или директор или старший вожатый, начальство в общем. И вот именно он, обратил внимание на мой внешний вид.

— Это ещё что такое? Мальчик, ты почему без галстука и не в форме?

— Здравствуйте, — поздоровался я. — Я еще октябрёнок, а выданные шорты с меня спадают.

— Ну, остальные как-то же нашли из этого выход? — он оглядел наш отряд.

— Извините, не знаю как вас зовут. Но я, товарищ взрослый, не хочу позориться.

— Тимофей Алексеевич, — представился он. — Объясни, что значит позориться? — мужик явно начал внутренне закипать.

— Так сами посмотрите. Половина отряда подвязана веревками и в одежде на несколько размеров больше нужной. И это на шестьдесят шестой год советской власти, — меня уже откровенно несло, ну, будь что будет. — На открытии нас будут фотографировать в местную газету. А оттуда фотография может попасть куда угодно. Буржуи украдут и в своих газетах напечатают, с заголовком: «В СССР проблемы с детской одеждой»! С кого потом спросят наши органы? С меня? Нет. Я был хорошо одет. С вас и спросят.

Вокруг меня разлилась удивительная тишина. Ребята и девочки молча, с отвисшими челюстями смотрели на меня. Наш пионервожатый увлеченно жевал кончик пионерского галстука. А многоуважаемый Тимофей Алексеевич грозил мне указательным пальцем правой руки, но при этом тоже молчал. Или это у него тик такой был?

Наконец, где-то через минуту этой тишины, в задних рядах кто-то громко пукнул. И весь отряд сорвался на смех. Даже взрослые заулыбались.

— Так, Андрей, веди отряд по домикам и пусть переодеваются в своё парадное, — наконец принял решение Тимофей Алексеевич. — А шорты собрать и сдать завхозу. Пилотки оставь. А этого активного, — он указал пальцем на меня, — назначь ответственным за стенгазету.

На этом его месь в отношении меня не закончилась. На торжественном открытии, меня вызвали поднимать флаг лагеря и оставили стоять возле флагштока в почетном карауле.

Хорошо что через час меня сменил очередной караульный, а я побежал на ужин.

Творожная запеканка со сметаной и парочка оладушков с вареньем. Вроде и наелся, но по совету пацанов, взял несколько кусков хлеба на вечер.

После ужина нам показывали кино. И я с удовольствием пересмотрел фильм «Чапаев». Последний раз смотрел его, ещё в той жизни, в армии. Ничего так, зашло. А после фильма был большой пионерский костёр. Все отряды разместились вокруг него и пели гимн пионерии:

Взвейтесь кострами, синие ночи!

Мы пионеры — дети рабочих.

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: "Всегда будь готов!"

Радостным шагом с песней веселой

Мы выступаем за комсомолом.

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: "Всегда будь готов!"

Грянем мы дружно песнь удалую

За пионеров семью мировую,

Будем примером борьбы и трудов.

Клич пионера: "Всегда будь готов!"

Мы поднимаем алое знамя.

Дети рабочих, смело за нами!

Близится эра светлых годов.

Клич пионера: "Всегда будь готов!"

Я же, придуриваясь, тихо запел на немецком «Хор солдат» из оперы «Фауст» Шарля Гуно*****. В общем оре, мою выходку никто и не заметил. А я немного повеселился.

Слава великой пионерии что сразу по вселению в комнату я, под удивленные взгляды пацанов, затянул форточку марлей. И сейчас, перед отбоем, мы не гоняли комаров как в соседних палатах.

А лежали и слушали страшилки, которые рассказывал завсегда́тай этого лагеря — Ким. Согласно местным слухам, та хвойная роща, что росла напротив нашего окна, не просто роща. Это старое немецкое кладбище. И иногда в глубине неё слышны странные звуки и видят всякое. Короче хрень — хренью. Я зевнул, укрылся простынкой и заснул. А во сне мне снились сникерсы и почему-то зубная паста блендамед.

Я клыками похож на голод,

Ты — на «SNICKERS» в цветастой обёртке;

Не застрянешь в прожорливой глотке,

Коль обёртку стянуть под шёпот.

Шоколадная суть обольщенья

Так приятно хрустит, подломившись,

И вонзаюсь, ничуть не смутившись,

В карамель твоего ощущенья.

Стонет вязкость, и голод вторит;

Разурчались греховные плоти,

Тормозить на твоём повороте

Мне уже не под силу. Не стоит.

Я всегда задавался вопросом:

Как «наестся» можно так скоро? –

И тянусь я неспешно, упорно

Вглубь за солодом. Это не просто.

Пожалел я, что сдёрнул обёртку,

Думал, съеденной хочешь быть. Грешен!

Но наткнулся на твёрдый орешек...

Положу теперь зубы на полку.

Да и кариес, будь он не ладен,

И лежу с «BLEND-A-MEDом» в палате. *****

Зубная паста мне снилась неспроста. Проснулся я от жжения на лице и шее, давно забытое ощущение от воздействия зубной пасты на кожу. Намазали — суки!

В соседней комнате поднялся крик и я понял что мазательные террористы еще в нашем домике. Выскочил в коридор, но успел подловить только последнего убегающего. Ничего лучше не придумав, сходу толкнул его в бок. Того занесло, он не удержавшись на ногах, со всей дури грохнулся на деревянный пол. Вскрикнув от боли, тем не менее почти мгновенно поднялся на ноги и убежал.

Ничего, судя по всему, колени и локти он себе разбил, завтра найду. Намазали, как выяснилось, всех пацанов. Некоторые, как и я, закутались в простынь и им досталась паста на голову. Другим пришлось хуже. В той комнате, где подняли крик, эти хулиганы пытались выдавить остатки пасты одному мелкому прямо в рот.

Почти час мы отмывались холодной водой посреди ночи. Нашего вожатого, кстати, не оказалось в домике. Где-то загулял. Потом еще час возбужденно обсуждали итоги налёта старшаков на нас.

Кто-то опознал в убегающих пацанов из третьего отряда. Ну, двенадцать — тринадцать лет, не такие они уж и старшаки. Строили планы на мечь и заодно слопали весь хлеб, прихваченный с ужина. Разогнал нас по койкам внезапно вернувшийся «Молоток».

На второй заход мне уже ничего не снилось. Или я не запомнил. Проснулся, по уже установившейся привычке, в семь утра и рванул на местный стадион побегать и размяться. В половину восьмого сыграли побудку, и я во второй раз сделал зарядку, но уже вместе со всеми. Издевательство какое-то, десяток приседаний, наклонов и разведения рук в разные стороны. Но возмущаться не стал, а то еще физоргом назначат. Инициатива, она такая, на мне вон уже стенгазета висит.

После завтрака нас, наконец, повели на море. Шикарный песчаный пляж, чего нельзя сказать о самом море. Да, оно есть. Но жутко мелкое и с илом под ногами. Я разочарованно добрёл до заградительных буйков, а воды мне было всего по грудь. Мда.

Народ же, не обращая внимания на подобные проблемы, во-всю плескался, нырял и даже умудрялся плавать на перегонки. Побултыхавшись для приличия и даже побрызгавшись с пацанами, я пошел загорать. Надо будет записаться в лагерную библиотеку и взять какое-нибудь чтиво для пляжа.

От нечего делать, шлялся по берегу и искал страдальцев со свежими побитыми коленками и локтями. Но, или мне не везло, или ночной мазальщик умудрился не получить травм, но никого так и не высмотрел.

За целый день, мы так и не вычислили с пацанами кто конкретно нас намазал. Ну и хрен с ними. Дети, что с них возьмёшь? Никто не пострадал, а придут еще раз — получат. Мы уже спланировали какой сигналкой оборудуем дверь. И даже на тихом часе опробовали,

вроде работает.

Сегодня после ужина, для разнообразия были танцы. Мда, и как я раньше на подобных мероприятиях танцевал? Красные Маки, Сергей Беликов, Аркадий Хоралов попеременно с итальянскими «Богатыми и Бедными» и западногерманскими «Арабесками». В основном танцевали первый и второй отряды. Но мы тоже поскакали под задорный рок-н-ролл от Билла Джоэла.

Ложились спать все в боевом предвкушении. Щаз как вломим пришедшим. Но минуты текли за минутами, никто на нас не покушался, и пацаны, исчерпав все темы для общения, потихоньку вырубались.

Я же лежал и маялся животом. Кто-то откуда то притащил зеленых абрикос, или как тут их называют — жерделы. Вот и поддался общему настроению и сгрыз пару штук. Остальным хоть бы хны, а я уже пару раз в туалет бегал. Чувствую, скоро и в третий раз побегу. Где там мои запасы бумаги?

* — камчатка — задние ряды парт в классе.

** — КПО — сокращение завода кузнечно-прессового оборудования.

*** — 672-е ПАЗики — советский автобус малого класса, производившийся Павловским автобусным заводом в 1967–1989 годах.

**** — ГАИ — Государственная автомобильная инспекция.

***** — «Хор солдат» из оперы «Фауст» Шарля Гуно — Александр Жаров и Сергей Кайдан-Дёшкин, при создании песни «Взвейтесь кострами, синие ночи», взяли за основу музыку и поэтический размер стихов из фрагмента оперы «Фауст» композитора Шарля Гуно.

*****- стих «Snickers» поэта Дмитрия Дубова

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы

Глава 8

Уже почти вышел из туалета как услышал приглушенные мальчишечьи голоса. Ага, а вот и мазатели пожаловали. Чуть выждал и пошел следом, сейчас как в тыл к ним выскочу. А там? А там — бой покажет.

Но к моему удивлению посторонних в домике не было, мирно сопели пацаны по своим кроватям. Может их кто спугнул? Тот же «Молоток»? Тогда куда же они делись? Мимо меня точно не проходили. Наверное в рощу свернули и там ждут. Пойду-ка проверю.

Так, мою белую майку видно издалека. Ну, это дело поправимое. Замотался в зеленое одеяло, в темноте неплохая маскировка, и с опаской вошел в рощу. А вдруг противник сразу за первыми деревьями сидит. Но мои опасения были напрасны, ночная гоп-компания устроилась подальше.

Отдаленный свет фонарей, и густые хвойные заросли, не давали возможности разглядеть или сосчитать их. Примерно человек семь или восемь. Стояли кучкой, ко мне спиной и слушали горячечный бред их товарища. Который соловьем заливался про эту рощу-кладбище и бродящих по ночам фашистов.

Я стоял за две ели от них и офигевал от полета фантазии мальчишки. Внезапно в голову пришла прикольная мысль. А почему и нет? Накинул одеяло на голову, поплотнее закутался, и начал шумно ломится в их сторону. Попутно, громко и хрипло выкрикивал немецкие слова. Все подряд что пришло в голову — тревога, внимание.

На «Der Ruf an die Waffen» (призыв к оружию), лес содрогнулся от мощного вопля ужаса. Компания ломанулась в разные стороны не разбирая дороги. Прямо передо мной, двое мальчишек столкнулись, рухнули на четвереньки и так и рванули в глубину рощи на карачках.

Я же, внутренне уххатываясь от проведенной диверсии, отправился назад к домику. Но попасть в него сразу, не получилось. На дикие вопли из леса, все наши пацаны выскочили из своих комнат и столпившись на крыльце, настороженно вглядывались в мою сторону. Выходить мне было сейчас нельзя, как минимум еще и своих перепугаю. Пришлось обходить домик вокруг.

Подойдя к мальчишкам сзади особого внимания к себе не привлек, так, пара человек всего обернулась, и сразу потеряли ко мне интерес. К моему удивлению, в лесу продолжали орать, причем с трех разных сторон. Да, доприкалывался ты, Саня, очень надеюсь, что ничего страшного с ними не произошло. Тьфу ты, опять сбился на свое старое имя. Ничего, привыкну, второй месяц только в новом теле.

Внезапно появившийся пионервожатый пересчитал нас по головам и разогнал по комнатам. В отличии от пацанов, которые продолжали бурно обсуждать произошедшие, я почти мгновенно вырубился.

С утра весь лагерь бурлил, а слухи и домыслы поражали воображение. К обеду уже почти весь лагерь знал, что на мальчишек из третьего отряда ночью в лесу напали мертвые немцы. Причем нападавшими командовал то ли Мюллер, то ли Борман, а по некоторым рассказам и сам Гитлер.

Пацаны героически сопротивлялись, но понесли потери. Один сломал ногу, второй пропорол задницу об гвоздь на заборе, а третий получил сотрясение мозга и выбил пару

зубов, столкнувшись в темноте с сосной.

Был еще и четвертый, он в одних трусах и кедах добежал до автобусной остановке на трассе, где его и нашли взрослые. По одним слухам, в основном среди мелочи из пятого и шестого отрядов, его туда притащили немцы чтобы выяснить главную военную тайну. По другим слухам, от старшаков, он очень испугался и бросив своих товарищей, решил сбежать домой.

На тихом часе пацаны, собравшись в нашей комнате, бурно обсуждали что нам делать и как защитится от фашистов. Ибо следующей жертвой должны были стать мы, из-за близости рощи. Страсти кипели нешуточные, половина отряда уже во всю смазывали лыжи к реальному бегству домой. Я уже несколько раз мысленно проклял вчерашнюю свою выходку. И тем покой и здоровье угробил, и этим отдых испортил. Надо бы спасти положение, а то так и до массового побега недалеко.

— Пацаны! Нам нужен тот, кого фашисты боятся, — выдал я свою наскоро обдуманную новую идею. Мальчишки притихли и вопросительно уставились на меня.

— Нам нужен Сталин! Он в войну их победил и поэтому они должны его бояться.

— А кто это, Жень? — спросил меня кто-то сбоку.

— Ты чё, дурак? — вмешался другой мальчишка. — Сталин — это младший брат Ленина. Они даже в одном мавзолее лежали. — И видя не верящие взгляды пацанов, поклялся. — Да чтоб я сдох, мне дедушка рассказывал, а он у меня майор.

— Так Сталин же грузин, — не выдержал еще один. — Это значит Ленин тоже грузином был?

— Да пофиг, где мы Сталина искать будем? Он же помер давно, — подал голос мой дружан Ким. — Колись, Лис, чего придумал?

— Нам нужно изображение Сталина. Картинка или фотография. Надо всем в библиотеке покопаться и стянуть если найдётся. И клей нужен будет. Мы потом над входом, под коньком крыши её приклеим. И тогда фашисты точно в наш домик не войдут.

Пацаны облегченно зашумели, замелькали улыбки, проблема, считай решена. Распределили роли — кому в библиотеку, а кому в пионерскую комнату за клеем.

Я же лежал на кровати и офигевал. Мальчишки почти наизусть знают ближнее окружение Гитлера — благодаря телесериалу «Семнадцать мгновений весны», который крутят по советскому телевидению каждый год. А Сталин для них один из персонажей киноэпопеи «Освобождение». И то могли этого персонажа мимо сознания пропустить. Что-то знают на уровне слухов и небылиц. Мрак.

К вечеру, наши поисковики притащили трёх Сталинов. Два портрета и одну небольшую киноафишу. На портретах, явно вырванных из каких-то книг, был именно он, а на афише — актер сыгравший его в фильме «Падение Берлина».

Время до ужина провели очень интересно, в попытках пристроить портрет под конёк крыши. Сначала пытались с тумбочки, потом притащили кровать и водрузили уже на неё тумбочку. Но сетка прогнулась и высоты опять не хватило.

Были предложения залезть на крышу и даже построить гимнастическую пирамиду. Но тут, кто-то вспомнил про деревянную лестницу возле бани. Быстренько сгоняли и с деловым видом, у всех на виду, лестницу утащили. Её высоты наконец хватило, чтобы приклеить генералиссимуса к нам на домик.

Второй портрет решили оставить в тумбочке на входе. Чтобы тем кому приспичит в туалет ночью, брали его с собой для защиты.

— Вы, главное, в темноте не перепутайте бумажки и не подотритесь им. А то до утра от страха в тубзике сидеть будете, — предупредил их я.

Все дружно посмеялись над подобной перспективой и повинувшись командам нашего вожатого, который соизволил появиться, начали строиться на ужин.

У нашего «Молотка» в лагере явно была любовь. Он постоянно пропадал. И днём и ночью, бросая нас на произвол окружающего мира. Но мы не жаловались а, наоборот, радовались внезапной свободе.

После водружения Сталина на наш домик, пацаны успокоились и всё потекло в прежнем русле. Я как мог, скрашивал свой досуг. И книги в библиотеке брал и во всяких конкурсах и соревнованиях участвовал, но свободного времени все равно оставалось прилично.

Пацаны сами себя занимали. Играли в нехитрые игры, ловили насекомых, плавил полиэтиленовые пакеты на медальоны-сувениры. Мне же с ними было откровенно скучно. Нет, я конечно и в общеотрядной жизни участвовал. И в спортивных соревнованиях тоже. Но, подобрать сучок похожий на пистолет и носится вокруг домика, играя в войнушку, или собирать жуков для аэродинамических опытов — я просто не мог.

Валяясь на песочке пляжа и пытаюсь перечитывать Лескова, поймал себя на мысли, что страдаю хернёй. Ведь у меня есть куча времени, которое можно потратить с большей пользой, создав задел на будущее. Найти в лагере немецкоговорящих и практиковаться? Вряд ли я здесь найду достойного собеседника.

Тогда что? Изучать предметы за предстоящие классы? Хорошая идея, но не в лагере. Пацаны не поймут, такое надо дома, вдали от посторонних глаз. Может экономику по изучать? В той жизни, финансами нашего турагентства супруга занималась. А в этой видимо мне самому придется отдуваться. Но как её изучать? И есть ли учебники по ней в лагерной библиотеке?

Учебников не нашлось. Нашлась странная книга — «Экономическое учение Карла Маркса» авторства Карла Каутского. Карл о Карле. Смешно. И знакомая фамилия. «Я не про Маркса, а про Каутского.» По моему из далекого курса краткой истории КПСС, что преподавали нам в институте.

С сомнением взял эту книгу и неожиданно увлекся. Все двести двадцать пять страниц осилил за несколько дней. А потом пошел перечитывать и анализировать прочитанное. Хорошо, но мало. Надо будет поискать в городе подобную литературу.

С повешенной на меня обязанностью по стенгазете, справился за пару дней. В той жизни, в седьмом классе меня записали в редколлегию школьной газеты и я кое-что еще помнил. Плюс, не прошло даром обучение в ЛЭТИ* и навыки писать шрифтами и рисовать.

Заголовок в виде номера отряда, девиз, речёвка, списочный состав. Уголок для поздравлений именинников в виде обрезанного конверта, чтобы менять имена. И по всему полю газеты различные элементы, в виде костров, палаток, велосипедов и прочих бадминтонов.

На самом деле, справился я за один день. Но руководство возмутилось и потребовало вторую копию для домика девчонок. Пришлось еще один день потратить.

На родительский день бабуля так и не приехала. И я, к своему удивлению, понял, что уже скучаю по ней. По человеку, которого знаю всего около двух месяцев. Полдня ходил мрачный и обдумывал это. А потом плюнул и написал домой большое письмо. Хотел небольшое, а получилось аж на двойной листок.

Участие в конкурсах и соревнованиях меня обогатило не только на грамоты, но и на призовую канцелярию. К концу смены у меня скопилось: пятнадцать тонких тетрадок в клеточку, восемь в линию, шесть стёрок, два набора цветных карандашей, акварельные краски, альбом, три шариковых ручки и аж два школьных дневника. А все выигранные мной коралловые линейки я, отдавал пацанам на дымовухи.

Особо много призов мы получили за собранные шишки. Все остальные отряды наш лес избегали и поэтому сбор шишек для пионерского костра у них провалился. Мы же, пустили вперед Кима, который нёс перед собой второй портрет Сталина. А уже за ним в лес пошёл и наш отряд. Шишек набрали несколько мешков. Нам за это и призов перепало и мороженое дали.

В последнюю, «королевскую» ночь, я опасался что старшаки, набравшись храбрости, придут нас мазать. И поэтому спал плохо, вполглаза. Но никто к нам так и не заявился, зато наших девчонок намазали от души.

Опять полдня носились, сдавая бельё и одеяла назад на склад. Заодно пресекли несколько попыток спереть у нас то наволочку, то простынь. Своё добро хитрые детишки где-то посеяли, а теперь пытались спереть у других отрядов.

Навели полный порядок в домике, так как начальство обещало ходить и проверять их. Ждали долго, видимо наш дальний дом решили оставить напоследок. Наконец явились наш воспитатель, вожатый и директор лагеря.

Быстро осмотрели помещение и остались довольны. «Молоток» построил нас, а директор поблагодарил за соблюдение порядка и за то что мы не боялись страшного леса в отличии от других отрядов.

— Так нас, дядя Сталин защищал, — пискнул кто-то из задних рядов.

— Что? Кто? Какой Сталин? — опешил директор.

— А вон, под крышей висит, — показали пацаны на прикрепленный портрет и подхватив свои вещи пошли за вожатым, оставив удивленное начальство пялиться на бывшего вождя.

Автобусы за нами уже пришли, и мы начали посадку и погрузку. В город ехали с песнями, которые разучили во время смены:

Вместе весело шагать по просторам,

По просторам, по просторам

И, конечно, припевать лучше хором,

Лучше хором, лучше хором.

Спой-ка с нами, перепёлка, перепёлочка,

Раз иголка, два иголка — будет ёлочка.

Раз дощечка, два дощечка — будет лесенка,

Раз словечко, два словечко — будет песенка.

Вначале, я пел вместе со всеми. Но бессонная ночь и размеренные покачивания автобуса начали меня усыплять. Я не стал бороться со сном, а сложил свою панаму и пристроил её между стеклом окна и головой.

Но толком поспать не получилось. Кочки, детский ор, толкание соседей не давали шансов сну. Так, в полудрёме и доехал до города.

Привезли нас всё к той же первой школе. Там уже клубились встречающие родственники. Опять обнимания и теперь уже радостный плач. То один, то другой пацан подбегали попрощаться и уходили с родными по домам.

Но моей бабули среди встречающих не было. И я начал уже волноваться, а не случилось ли что? На родительский день не приехала, ответного письма не написала. Блин, лишь бы все хорошо было.

Воспитателям и вожатым особо возится со мной, ждать мою бабушку или провожать до дому, тоже, видимо, не хотелось. Поэтому на мою просьбу отпустить меня — «я сам дойду», выдали мне отрывной талон от путёвки и отпустили.

С отрывным талоном вообще хохма получилась. По приезду в лагерь нас взвесили и внесли полученный вес в отдельную графу. Мой вес на начало лагеря был 27 килограмм 500 грамм. А в день закрытия, при взвешивании, весы показали точно такие же цифры. Я то знал, что прилично сжигаю набираемого веса на своих утренних тренировках. Но медики лагеря пришли в панику и перевешивали меня несколько раз. Потом плюнули и просто приписали мне лишние 500 грамм.

Домой я мог попасть и на автобусе, но пешком было быстрее. И я, накинув ляжки сидора на плечи и поудобнее перехватив сверток со своими призами, быстрым шагом пошел домой. И с каждым метром всё больше и больше накручивал себя всякими ужасами.

Дошёл-добежал я минут за десять. Ничего вокруг не видя и никого не замечая. Почти ворвался в подъезд и толкнул дверь — закрыто. Это испугало меня еще больше, бабуля, когда была дома, днём редко запирала двери. Хотя я её и ругал за это.

Кинул на пол свёрток и заколотил в дверь кулачками, а потом привстав на цыпочки дотянулся до кнопки звонка. Внезапно дверь распахнулась и на меня уставилась заспанная и недовольная баба Тоня.

— Ты чего оглашенный трезвонишь?

Я же, увидев перед собой живую и невредимую бабулю, бросился вперёд, обнял её и разрыдался. Женщина втянула меня в квартиру и, отодрав от себя, спросила:

— Ну и что случилось? Чего ревешь как маленький?

Смотря сквозь слезы на её озабоченное лицо, я и сам, своим взрослым разумом не мог найти объяснению случившемуся. Если Женьки во мне нет, то что это за фокусы? Простая детская биофизика и биохимия? Хотелось бы надеяться — что да.

— Извини, я приехал, а тебя нет. Я и письмо писал, а ты не ответила. И на родительский день не приехала. Я очень, причём по тебе соскучился, а потом заволновался.

— Прости меня, Женечка. Не могла я приехать. Петровна с третьего этажа померла и я похоронами занималась. А потом навалилось то — то, то — сё. Я тоже по тебе скучала, но ты же у меня уже взрослый и самостоятельный. Так, а ну марш в ванну, сморкаться и умываться, — внезапно переключилась она.

Перед походом в ванну, не забыл про брошенный пакет в подъезде. А то, знаю я, сопрут и не поморщатся.

Насколько помнил Женька, Петровна была маленькой суховатой старушкой и лучшей подругой бабули. Именно к ней она постоянно и ходила смотреть телевизор. Также ветеран, но не воевала, а была авиационным техником. Неплохо относилась к мальчишке, угощала конфетами и пряниками, а на кутю** и рубль могла дать.

Ограничивать себя сморканием и умыванием не стал. Наскоро принял душ, смыл с себя пот, пыль, слёзы и переживания.

— Вот теперь узнаю своего внука. Не успел домой с моря приехать, как купаться полез. А то сначала подумала, что подменили на какого-то нюню, — подколола меня бабуля. —

Пойдём, хвастаться буду. Теперь у тебя в комнате всё как у людей! — с этими словами она открыла дверь в мою комнатушку и подтолкнула меня в спину.

Парта исчезла, вместо неё был письменный стол. На месте моего кресла стояла классическая советская шестиподушечная софа. А где мой клад? Где моя записка? Я растерянно оглядывал комнату. Ааааа! «Всё, всё, шо нажил непосильным трудом, всё же погибло!»*** А может ещё нет?

— Ба! А где моё кресло?

— Ха, оно у меня в комнате, с него удобней телевизор смотреть.

Фух, как гора с плеч. Надеюсь, в процессе переноски мой тайник не обнаружили.

— А откуда это всё, бабуль? — я обвел обновки рукой.

— Так Петровна же померла. А у неё же никого не было, вот я прибрала кое-что. Телевизор только с холодильником в совет ветеранов забрали. А так — и диван, и стол, и часть нормальных вещей. Даже карнизы с шторами прибрала. Тебя только ждала — вешать.

— Повесим, ба. Обязательно повесим, — пообещал я.

* — ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт.

** — Кутя (Кутья) сладкая каша из цельных зёрен пшеницы, ячменя, реже пшена или риса с добавлением сухофруктов или изюма. Готовится на рождественский сочельник (6 января) и разносится по родственникам, соседям и знакомым. В советское время это заменило традиционное южнорусское «Щедрование». Из всех стихов, куплетов и частушек, осталась фраза — «Мама с папой вечерю прислали».

***- «Всё, всё, шо нажил непосильным трудом, всё же погибло!» — известное высказывание Антона Семёновича Шпака в фильме «Иван Васильевич меняет профессию».

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы

Глава 9

Оказалось, что баба Тоня просто перепутала дни. Она ожидала меня из лагеря завтра. Оно и не удивительно, ведь столько на неё навалилось сразу. И сиделкой успела в больнице у Петровны побыть и душеприказчиком потом.

Помощь от совета ветеранов свелась к организации технической стороны похорон — автобус, грузовик, оркестр и аренда столовой для помин. Наследников у усопшей не было и наследством она не заморачивалась.

Единственной просьбой, которую она постоянно твердила бабе Тоне, было передать все скопленные деньги местному детскому дому. Сберкассам она не доверяла и все накопления держала дома. А сумма там была приличная, около двух тысяч рублей.

Передачей денег тоже занялся совет ветеранов, а заодно отжал в свою пользу цветной телевизор и венгерский холодильник. Да бабуля особо и не возражала, она занималась перетягиванием мебели получше. Для чего даже наняла мужиков за две бутылки водки. Ну и часть носильных вещей получше тоже прихватила. Всё равно, всё оставшееся уйдёт государству.

Вот так мотаясь туда и сюда, она однажды забыла оторвать лист с датой у отрывного календаря. И потеряла один день. Собиралась отоспаться, прибраться и наготовить вкусняшек для меня. А тут внезапно я сам приперся, да еще и на день раньше. Теперь становилась понятна её раздражительность.

Весь вечер мы с бабулей попеременно хвалились успехами. Она показывала что нам с ней перепало от Петровны, а я хвастался выигранной канцелярией.

— Вот, Женька, посмотри, — с этими словами, бабушка достала и стала разворачивать газетный свёрток.

Мать моя женщина, коричневые джинсовые комбинезоны от фирмы Кархарт (Carhartt)*. С классическими лямками и нагрудными карманами-потранташами. Один комбинезон был как новый, у второго низ штанин был чем то заляпан.

— Она же в войну, на аэродроме с американцами служила. Вот ей и выдали, — объяснила мне бабуля на мой вопросительный взгляд. — Ты малость подрастешь и они тебе впору будут, а заляпанное я отрежу и шорты получатся.

— Ба. А у Петровны награды были какие?

— Да. Победа и две юбилейных медали. Я их тоже в совет ветеранов отдала, обещали в музей передать. А часы наручные её я оставила. Закончишь хорошо полугодие, тебе отдам.

— А что за часы? Покажи, ба, — стало просто нестерпимо интересно, а вдруг там что-то редкое.

— Вот неугомонный. Сейчас, подожди, — она полезла в шкаф и вытащила газетный кулёчек. — Только ремешок порван, надо будет потом заменить.

Поцарапанный стальной корпус и мутноватое стекло, отдельный циферблат под секундную стрелку. Kenwell — прочитал я название. В моём будущем, вроде бы была такая российская компания. Чайниками и сковородками торговала, но точно не часами. Так что, надо смотреть поближе, разбирать, а там может что-то и всплывет. Без сожаления вернул часы бабушке.

Во время моего отсутствия к бабуле постоянно обращались за помощью в электрике.

Она всем обещала, «что внук, как только, так сразу» и записывала просьбы и кто в тетрадку. Её она мне уже перед сном и отдала, с наказом обойти всех.

С утра и вечером обошёл записанных в тетрадке. Диспетчер из бабули оказался еще тот. Понять что написано я смог только с её помощью и переписал своим почерком. Чтобы не бегать к ней за расшифровкой, а то она начинала уже злиться.

Почти половина из обратившихся не стали ждать моего приезда и решили свои проблемы. С остальных мне перепало пять рублей с полтиной. Заодно наведалься в телемастерскую и помог дяде Юре с уборкой. От изоленды я отказался, а попросил за работу ссудить нам с бабулей его электродрель и пару свёрл.

— А вам зачем?

— Карнизы хотим повесить, а гвозди на удачу вбивать в стены не очень хочется. Кто их знает, войдут, не войдут. А так просверлим и чопик с гвоздиком загоним.

— Однако. Это получается ты чопик вырежешь и гвоздь в него забьешь. А как потом эту конструкцию в отверстие загоните, что бы гвоздь не забился по шляпку? Или на раствор будете крепить?

— Не, дядь Юр. Обрезок железной трубки на гвоздь и спокойно забиваем.

— Бррр, нихрена не понял, — он аж замотал головой. — Подробней объясни.

— Хм. Вырезаю чопик, закрепляю его в настольных тисках, забиваю в него на две трети гвоздь. Беру обрезок металлической трубки равный по диаметру чопику. Надеваю трубку на гвоздь, упираясь нижним концом трубки в деревяшку. Подношу к высверленному отверстию получившуюся конструкцию и ...

— Ага, теперь почти понял. Дальше не надо. Так, пойдём к вам, покажешь как это работает. Заодно я сам вам отверстия сделаю, а то запорете мне машинку ещё.

В общем, на это я и рассчитывал. Вот так мы с бабушкой и дядь Юрой за один вечер повесили все три карниза. Заодно бабуля накормила помощника и налила ему традиционные сто грамм.

Оставшийся август промелькнули одним днём. Сначала мотался на улицу Спортивную, на которой находилась контора с названием «Заготзерно». И к ней, с самого раннего утра, выстраивалась громадная очередь из бортовых грузовиков с пшеницей и кукурузой. Каких там только грузовиков не было — я даже парочку американских студебекеров видел.

Я ходил вдоль этой очереди с трехлитровым бидончиком и выпрашивал у водителей «чуть-чуть» кукурузы или пшеницы. А куда было деваться? Бабуля вручила бидон и отправила на дело. По воспоминаниям Женьки, это было ежегодное и обязательное мероприятие. А потом, в конце августа еще и семечки пойдут.

Затем зарядили дожди почти на полторы недели. И я от нечего делать перечитал все выданные книги и учебники. Особенно уделил время учебнику математики. В своём времени, в четвертом классе я изучал арифметику.

Математика оказалась более обширным по объёму и материалу учебником, и даже с основами геометрии. Из каждой главы и раздела я для восстановления знаний решил по задачке и по несколько примеров.

Моя неожиданная тяга к знаниям не на шутку взволновала бабулю. Первые пару дней она отнеслась к моим занятиям более или менее спокойно. Но потом стала проявлять озабоченность, постоянно заглядывала ко мне в комнату и тяжело вздыхала. В конце дождливой недели она не выдержала:

— Женька, марш на улицу! Сколько можно дома сидеть и в книжки пялиться?

Я покосился в окно, на улицу, где продолжал идти мелкий дождик.

— Ба, там же дождь.

— И когда это тебя останавливала, ирод? Шлялся где непоподя, грязный как чушка приходил домой. А теперь сидишь в книжки пялишься. Как будто подменили тебя.

Ой-ей, это хреново. Палишься, Санёк. Тьфу, Женёк. Пацан же был раньше — оторви и выбрось. Дождь не дождь, весь день на улице. Надо как-то объяснить бабуле причину внезапной тяги к школьным учебникам. Хотя, она же сама намекала с часами.

— Бабуль, я часы хочу получить. Вот и готовлюсь к школе.

— Шантажист ты, Женька. Я думала ты сказився, а ты вон чего удумал. Ладно, будут тебе часы. Пойдём, отдам.

Когда получил часы, пришлось выгуливать свою тушку ежедневно, даже под дождиком. Капюшон на жилетке у меня был, панама широкополая и почти непромокаемая. Чаще всего просто отправлялся на рыбалку.

Часы при разборке оказались швейцарскими. Видимо из тех многочисленных, довоенных часовых заводиков, которые не пережили кризис или были поглощены более живучими собратьями.

Прикупил дешевый ремешок из кожзама за семьдесят копеек и теперь был постоянно со временем. Внешний корпус часов был в непрезентабельном состоянии, потемневший от времени, со сколами и многочисленными царапинами. Стекло тоже было потерто и поцарапано. Так что за безопасность можно было не переживать особо. Мало кто позарится на этот, с виду, хлам.

В субботу, 20 августа, бабуля потянула меня за покупками. Обошли несколько магазинов, пока не подобрали мне школьный костюм. Да и тот был на размер больше.

— Ничего. Подверну и подошью, и тебе на пару лет хватит, — на всякий случай успокоила меня бабушка.

Я был с ней полностью согласен. Потом еще час искали пальто или куртку на зиму. Бабуле постоянно все не нравилось, то материал, то цена. В итоге, я выбрал сам и настоял на покупке клетчатого пальто на пуговицах и с погончиками. Чем-то оно мне напомнило моё пальто от «Paolo Pesa Milano». К тому же, продавали его с уценкой, так как был утерян пристегивающийся меховой воротник.

— Ну что за неслух? Сам смотри, — вертела она взопревшего в этом пальто меня. — Горло открыто, даже шарф не поможет.

— Так сделай мне снуд**, - ляпнул я и прикусил язык.

— Что еще за суп? — перековеркала новое слово бабуля.

— Не суп, а снуд. Домой придём, покажу. Ну, ба! Ну давай купим это пальто, — пришлось включить детскую надоедливость.

Бабуля особо не сопротивлялась, уж очень цена была привлекательная. А мне надо было еще спортивный костюм купить, носки и кальсоны*** на зиму.

Под её недовольное ворчание я за свои скопленные деньги приобрёл у барахольщиков зимнюю шерстяную водолазку машинной вязки. И вязанный рукав от старого взрослого свитера, продаваемого явно на нитки для вязания. Из него, как раз парочка снудов неплохих получится. Когда стал приглядываться к вязанным шапкам, бабуля осадила мои хотелки.

— Женька, донашивай свою шапку, с бубоном. Кто мне в прошлом году обещал её три года носить?

Я точно ей этого не обещал — подумал я. Но спорить не стал. Будем носить что есть.

В общем потратили мы прилично, а купили еще не все. Не смогли подобрать мне зимнюю обувь. Ну, до холодов время еще есть. Да и старые ботинки пока еще не жмут и точно могут продержатся еще один сезон. Тем более что взрывной рост начнется только через год — два, а то и позже. Я за всё лето, прибавил в росте пару сантиметров да в плечах немного раздался.

Дома, пришлось бабуле показывать что такое снуд и как его носить.

— Хитро, — одобрила та. — Ты где про такой интересный шарфик узнал?

— Да в лагере вычитал, в каком-то журнале, — отбрехался я.

— Ба. Ты мне лучше рюкзак в школу сшей. Я тебе сейчас его нарисую.

Набросал технический рисунок рюкзака с одной косой лямкой, чтобы носить через плечо. Мы с ней долго спорили над моей задумкой, даже поругались один раз. Но всё-таки пришли к соглашению. Брезент на рюкзак у неё был, с меня только поролон на лямку требовался и длинная молния.

— Не заскучаю я с тобой, внучек. Постоянно ты меня чем-то занимаешь, — в конце нашего разговора пожаловалась бабуля.

Поролон я нашел быстро, в июне, когда обносил два расселенных дома, заметил длинные обрезки этого материала. За это время им так никто и не заинтересовался. А вот молнии пришлось поискать. В галантерейных магазинах были только короткие. Я даже у всех знакомых пацанов во дворе спрашивал. Нету — дефицит.

Повезло случайно. На рынке у барахольщиков купил обрезки высоких войлочных сапог с металлическими молниями. И то длины не хватало. Пришлось вставлять обе, с движением навстречу друг другу. Так, даже более прикольно получилось.

А через неделю, настала пора идти в школу, на организационный сбор. Моему 4«б» в качестве классного, достался кабинет № 14 «Литературы и Русского языка» на втором этаже. Окна кабинета смотрели на северо-восток, а точнее на частный сектор по улице Крымской. С моего места на последней парте, зимой, когда облетит листва на деревьях, по идее можно увидеть окна нашей с бабулей квартиры.

Но это так. Я такими идиотскими мыслями отвлекал себя от другой неприятной новости. Нашей классухой назначили Женькину первую учительницу, которая обучала их все три класса начальной школы и у которой к нему, а теперь, выходит, и ко мне сложилась непонятная неприязнь.

Татьяна Ивановна, оказывается, училась заочно в институте. И теперь закончив его, перешла на работу с начальных в средние классы. И первым делом, посадила рядом со мной вместо ушедшего от нас Кима — Ольку Сидорову. Уж не знаю, чем ей не угодила девчонка, но она её без сожаления отправила ко мне на камчатку.

— Привет. Хочешь к окну? — попытался я сбегать место, которое зимой точно станет не комфортным.

На приветствие — мне кивнули, а на предложение поменяться местами — отрицательно покрутили головой. Девочка, явно сама была в шоке от свалившихся на неё неприятностей.

Тем временем, классный руководитель, на доске записала наше примерное расписание на сентябрь. И мы дружно принялись переписывать его в дневник. Заодно, нам подробно рассказали в каких кабинетах у нас будут проходить занятия. В отдельном разделе дневника мы записали под диктовку фамилии, имена и отчества наших будущих преподавателей.

На все шесть дней учебной недели у нас оказалось по пять уроков, но по пятницам

добавлялся еще и классный час. На вторник тридцатого августа было назначено первое родительское собрание. О чем мы также сделали записи в дневники и потянулись к классному руководителю за её подписью.

— Вот теперь, Лисин, ты можешь пойти и получить учебники, — сказала мне классуха, после того как расписалась в дневнике.

— Зачем, Татьяна Ивановна? — притворно удивился я. — Я же, получил их еще в июне, после отработки.

— А кто тебе позволил? Я же запретила библиотекарю выдавать тебе учебники! — удивилась она.

— Краснопольский, Георгий Алексеевич, завуч этой школы. Если он не прав — спорьте с ним. Я могу идти? — и не дождавшись её ответа выскочил из класса, у меня еще были планы зайти в спортзал.

В спортзале сегодня собирался школьный туристический кружок. Когда я прибежал, там уже было несколько старшеклассников и лысый, бородатый мужик. Наверное руководитель кружка.

Школьники и взрослый, до моего появления что-то азартно обсуждавшие — замолчали и удивленно на меня уставились.

— Тебе чего мелочь? — спросил один из старшаков.

— В туристический кружок хочу записаться, — смело выпалил я. — Это здесь?

— Здесь, — согласился со мной лысый дядька. — Но я принимаю в секцию только с восьмого класса. Так что подрасти и приходи.

Под ехидные смешки мальчишек я и поплёлся на выход. Опять облом. И что делать? В таком расстроенном состоянии я на автомате и пришел домой. И тут же попался на глаза бабуле.

— Женька. Ты чего как в воду опущенный? Что случилось? Натворил чего опять? Ой, беда с тобой, — начала заводится бабушка.

— Не, ба. Все нормально, ничего не натворил. Просто в кружок туристический не взяли.

— Ой. Нашёл о чём грустить. Этих кружков в городе больше чем блох на соседской кошке. У нас в ГДК есть, во дворце пионеров должны быть.

А ведь точно! Чего я раньше времени грущу по своему потерянному хобби? Как я мог забыть про всякие внешкольные детские организации?

— Спасибо, ба. Ты самая лучшая, — и я искренне обнял её.

— Ой-ей. Точно что-то натворил, а сейчас ластится, — пробормотала бабуля, тем не менее продолжая гладить меня по волосам.

А из радиоточки на кухне доносилась песня, которую пел звонкий мальчишеский голос в сопровождении детского хора:

А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер,

Веселый ветер, веселый ветер!

Моря и горы ты обшарил все на свете,

И все на свете песенки слышал.

Спой нам, ветер, про дикие горы,

Про глубокие тайны морей,

Про птичьи разговоры, про синие просторы,

Про смелых и больших людей!

Кто привык за победу бороться,

С нами вместе пускай запоет.

Кто весел — тот смеётся,

Кто хочет — тот добьётся,

Кто ищет — тот всегда найдёт!****

Кархарт (Carhartt)* — американская компания — производитель одежды, основанная в 1889 году. Carhartt во многом известен своей рабочей одеждой, в частности это: куртки, пальто, комбинезоны.

Снуд** — шарф-кольцо.

Кальсоны*** — мужское нательное бельё, представляющее собой длинные исподние штаны

Весёлый ветер**** — песня из кинофильма «Дети капитана Гранта» В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 10.

Новое четырехэтажное здание Дворца Пионеров вселяло надежду, что здесь, наконец, я найду то, что так долго искал. Добирался я до него по памяти мальчишки, который был в этом учреждении всего один раз. Когда пришлось самому сходить за новогодним подарком от судоверфи.

Вдоль новой и длинной девятиэтажки спустился к кинотеатру «Родина». А там, куча милицейских «бобиков»* и автобус «Кубань»**. Из кинотеатра выводили людей и сажали в автобус. Я подошел к двум старушкам наблюдающим за этим со стороны:

— Здравствуйте. Скажите пожалуйста, а что там случилось? Террористов поймали? — поинтересовался я вежливо у них.

— Каких трактористов? Это тунеядцы! — с возмущением пояснила одна из старушек. — Прогульщики. Вместо работы в кино ходят. Вот их сейчас на работу и отправят.

— Да. В овощехранилище. Пусть картоплю гнилую перебирают, — дополнила вторая и грозно на меня посмотрела.

— Спасибо, — мявкнул я и постарался смыться с их глаз как можно быстрее. Хорошо что мой возраст и каникулы не позволяли записать меня в тунеядцы.

Точно, 83 год, Андропов, как я мог забыть? Сам, в той жизни, один раз спасался от такой облавы в Ленинграде. Ничего, полгода ему осталось, плюс-минус месяц.

Так, за размышлениями, пробираясь дворами, я и уткнулся в задний двор искомого учреждения. Обошел кругом. Бабулька на ресепшене, на мой вопрос про туристический кружок, послала меня на третий этаж, в триста третий кабинет. Даже странно, я по своему опыту знал что, такие секции должны быть рядом со спортивным залом.

В кабинете кроме парня лет двадцати никого не было. Столы, стулья, два окна, смотрящие во двор, и дверь ещё куда-то.

— Здравствуйте. Мне сказали что здесь туристический кружок находится. Я по адресу?

— По адресу, — как-то грустно ответил парень. — Хочешь записаться?

— Да. А возьмёте? Мне всего десять лет.

— Конечно. Но ты пока первый, — он открыл журнал лежащий перед ним. — Как тебя зовут? Фамилия, имя, отчество, адрес проживания, полная дата рождения и класс со школой.

— Вы собираетесь меня первого в журнал записать?

— Да. А что? Передумал?

— Нет. Просто моя фамилия — Лисин. А вдруг кто-то придёт с фамилией на «Б» или на «В». вы лучше запишите мои данные в отдельную тетрадь, а потом когда группа соберётся, перенесете в журнал по алфавиту.

— Хм. Точно. Мне завуч так и говорила, выдавая журнал, а я забыл. Ты-то откуда это знаешь?

— Я много чего знаю про туристическую работу. Не стесняйтесь, обращайтесь.

— Наглость — второе счастье. Молодец. Далек пойдешь. Только вот, кружок наш невезучий. Зря, наверное, ты к нам пришел.

— А что с ним не так? — я уселся на стул напротив парня и, сложив руки на своём тощем животе, потребовал. — Рассказывайте.

Предыдущий руководитель секции много лет терпел происходящее и из года в год

воспитывал новых и новых юных туристов. Наберёт он по школам города перспективных мальчишек и девчонок, за год их натаскает и на очередном городском турслёте займёт его группа призовое место. А с нового учебного года перетянут его воспитанников в школьные команды и всё надо начинать снова.

Терпел, терпел, да и ушёл на пенсию. И несколько лет секция была только на бумаге, никто не хотел связываться с бесперспективной работой. Куда проще вести кружки моделизма, танцев или бокса, их-то в школах нет и твои призёры от тебя не улетят.

А тут вдруг на работу устраиваться пришёл молодой специалист. Партянов Владимир Владимирович, закончил местное педучилище, отслужил в армии и поэтому распределения избежал. Успешно поступил на заочное отделение Краснодарского физкультурного института. Но в городском управлении образования вакансий учителей физкультуры не было.

Идти же работать по профессии, учителем начальных классов, он откровенно боялся. Поэтому с руками ухватился за вакансию Дворца Пионеров. Ухватиться-то ухватился, но что делать дальше он просто не знал. Не было у него опыта, ни туристического, ни педагогического.

Летом он, конечно, проходил практику. Но уроки в начальной школе он вспоминал с тихим ужасом, а работа вожатым в детских лагерях мало отличалась от командования взводом в советской армии. Инструктаж-то с ним провели сотрудники учреждения, выдали журнал и закрепили за ним кабинет со складом туристического снаряжения. А что дальше?

Вот это всё он и выдал мне, ничуть не возмущившись моей наглой просьбе, и теперь с какой-то надеждой заглядывал мне в глаза.

Ну что-же, это мой шанс. Создать секцию под себя любимого, опыт у меня есть, лишь бы он поверил и доверился. В начале девяностых, когда с доходами стало совсем швах, мне пришлось вести секции горного туризма от городской станции юных туристов. А один год даже пешеходную секцию вёл. Ничего сложного там нет.

— Владимир Владимирович, ты... Ничего что на «ты»? Или на «вы» лучше?

— Ну, когда мы одни, я думаю, можно...

— Не, нафиг, я сам запутаюсь. На «вы» буду сразу. Так вот. Я тебе, тьфу, вам, помогу с организацией, с документацией и планированием. Но с одним условием.

— И кого надо убить? — как-то вымученно пошутил он.

— Обойдёмся пока без убийств. Моё требование очень простое и всего одно. Пока я буду заниматься в вашей секции, я буду постоянным капитаном команды.

— Не вижу препятствий, тем более ты первый.

— Дело не в том кто первый, а в том кто больше знает. Я, например, знаю почти полсотни различных узлов, туристических и морских. А сколько знаете вы?

— Вопросец... — парень почесал в затылке. — Наверное один — «прямой». И то не уверен.

— Вот. Календарно-тематическое планирование я вам на год составлю. А под каждую тему уж вы сами распишите, ну там цели и задачи, и прочие закрепления материала.

— Ты-то откуда про такое знаешь? И кстати, как тебя зовут? А то я представился, а ты нет.

— Ой. Простите. Лисин Евгений Пантелеевич. Записали? — спросил я и получил утвердительный кивок продолжил, уходя от вопроса про мои знания. — Так, кроме моего планирования, спросите в учебной части старые планы предыдущего тренера. По вашим

словам, он много лет отработал здесь, значит что-то должно было остаться.

— А ведь и правда, как я сам до этого не додумался, — удивился парень.

— Тут интересно не то что вы не додумались, а то что вам более опытные коллеги не подсказали. Быстрее всего, просто хотели посмотреть как вы выйдете из этого положения. Вот и проявите свои знания, подсказанные мной. И вам хорошо и они будут уверены в вашей профессиональной подготовке.

— Хм. Как-то это нехорошо, ведь это ты мне подсказал.

— Ничуть. Будет лучше если вы им заявите, что действуете по подсказке десятилетнего пацана и даже не пионера ещё?

— О. А почему ты не пионер?

— Давайте потом об этом. Тетрадь откройте и записывайте что вам надо сделать. Первое — для набора в секцию, выясните какие школы постоянно не участвуют в туристических соревнованиях.

— Ага, понял, — сказал он записывая мои слова. — Если набрать детей в этих школах, то их не сманят, потому что некуда. Хитро.

— Не надо всех набирать из одной школы. Берите небольшими группами из нескольких. Желательно из четвертых классов.

— Почему?

— Я из четвертого, мне будет легче работать со сверстниками. Будет у нас младшая команда и будет она пять, а может и семь лет. И с каждым годом всё опытнее. Все соревнования выиграем. Вы у нас еще и директором этого дворца станете.

— Заманчиво. Что дальше?

— Не берите освобожденных, ну, там сердечников и легочников. Второе, сходите в городской отдел образования, найдите ответственного за туризм и возьмите все имеющиеся у него нормативные документы и методическую литературу. Положения и правила проведения соревнований, карту местности на спортивное ориентирование, ну и прочее что будет. Узнайте у него же адрес и телефон областной туристической станции. Если будете покупать какую-то методическую литературу, берите всегда товарные и кассовые чеки и предъявляйте в учебную часть для компенсаций.

Парень усердно строчил всё мной диктуемое. Дописал и изумленно на меня уставился.

— Евгений, а ты кто такой? Ну, откуда ты всё это знаешь?

— Я — пришелец. С Тау-Кита. Послан развивать туризм на планету Земля, — и картинно помахал растопыренной ладошкой в жесте приветствия.

— Ха. Ну, пришелец так пришелец. Значит мне повезло. Людей не ешь, надеюсь?

— Таких старых — нет, — успокоил я его.

— Хм. Смешно. Значит в пионеры тебя не приняли из-за того что ты пришелец?

— Нет. Весь мой класс проголосовал чтобы меня принять, а классуха запретила старшей вожатой. Вот так и хожу в октябрятах.

— Ты знаешь? Я могу тебе в этом помочь, — задумчиво произнес Владимир Владимирович. — Пойдём.

— Куда? Зачем? — опешил я.

— Пойдем говорю, тут рядом, через кабинет, — он практически вытолкнул меня в коридор и ухватив за плечо потянул дальше.

«Пионерская комната» — гласила табличка на дверях, куда меня привели. За дверью обнаружилась высокая и пышнотелая девица, одного примерно возраста с моим

руководителем кружка. Не заметив нас, она со свернутой газетой на кого-то охотилась.

— Верочка, а мы к тебе, — громко и почему-то радостно произнес парень, из-за чего девушка испуганно подпрыгнула и уронила газету.

— Ой, фу, Вовка, напугал, сволочь! Тебя вообще учили стучаться? — накинулась она на парня, но заметив меня, стушевалась. — Тебе чего мальчик? Или вы вместе?

— Знакомься, Вера, это мой капитан команды, Лисин Женя, — представил он меня. — А это наша старшая пионервожатая и комсорг Дворца Пионеров Вера Павловна. — представил он уже её мне.

— Не надо меня по отчеству, — возмущилась вожатая. — Оно меня старит, и все почему то вспоминают Чернышевского.* Зови просто, Вера. Так что у вас случилось?

— Жень, расскажи Вере, историю твоего приёма и не приёма в пионеры, — попросил Владимирович.

Пришлось снова делиться Женькиными воспоминаниями.

— Какой ужас! Как она посмела? Надо обратиться в городской комитет комсомола, — возмущилась Вера. — Я обязательно помогу вам в этом, я сейчас же позвоню туда...

— Вера! Остановись! — громким голосом парень прервал возмущения девушки. — Не надо никуда жаловаться. Просто прими мальчика в пионеры.

— Ой, точно! — радостно воскликнула она. — Сейчас, сейчас. — Девушка кинулась что-то искать в стеллажах и шкафах.

Сначала на столе передо мной появился какой-то журнал, затем новенький пионерский галстук и пионерский значок.

— Только значки у меня старые остались, — повинулась она.

И действительно, вместо лысой и бородатой головы Ильича, на красной пятиконечной звезде, выше пионерского лозунга «всегда готов» были скрещенные серп и молот. Ух, ты, какой раритет. Наверное еще сталинских времён. Как они вообще сюда попали? Ладно, терпит, потом выясню. Сначала надо разобраться с приемом в пионеры, так вообще можно? Вот этот вопрос я и озвучил.

— А почему нет? У нас такая же пионерская дружина как и в школах, и мы можем принимать в пионеры, — ответила Вера Павловна. — По правилам, я должна собрать совет дружины и на нём тебя принять. Но в начале учебного года это практически нереально. Так что мне проще пойти на небольшое нарушение. Ты сам готов стать пионером? А ну-ка прочти законы пионеров.

Я поднялся со стула, зачем-то одернул вниз края своей жилетки, сосредоточился и законы пионеров сами всплыли в моём сознании:

Пионер — предан Родине, партии, коммунизму,

Пионер — готовится стать комсомольцем,

Пионер — держит равнение на героев борьбы и труда,

Пионер — чтит память павших борцов и готовится стать защитником родины,

Пионер — настойчив в учении, труде и спорте,

Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду,

Пионер — товарищ и вожак октябрят,

Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран.

— А торжественное обещание выучил?

«Я, Лисин, Евгений, вступая в ряды всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина перед лицом своих товарищей торжественно клянусь горяч

любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия, всегда выполнять законы пионеров Советского Союза!»

Вера Павловна подошла ко мне почти в плотную и молча повязала на моей голой шее пионерский галстук, а затем приколола значок на клапан кармана жилета.

Отступив от меня на шаг, она вскинула вверх руку в пионерском салюте и сказала:

— Пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!

На совершеннейшем автомате, я вскинул свою руку и ответил:

— Всегда готов!

— Поздравляю Женя, теперь ты член пионерской организации нашего Дворца Пионеров. Сейчас я запишу в журнал приёма твои данные и составлю акт приема, — вещала пионервожатая.

Её голос пробивался ко мне с трудом, я молча стоял и, погружившись в мысли, пытался понять что я ощущаю. Я со страхом ждал волну радости, ведь предыдущий владелец тела, был одержим идеей стать пионером. И если бы меня захлестнула волна радости, то это дало бы понять что я не один в этих мозгах. Ведь слова законов и клятвы всплыли в голове настолько ярко и отчётливо, что сразу закрадывалось подозрение о помощи со стороны.

Привел меня в чувство осязаемый хлопок по плечу.

— Я же говорил что помогу! — радостно воскликнул мой руководитель кружка. — Теперь и ты не забудь про своё обещание, пришелец с Тау-Кита. — ухмыльнулся он.

— Не забуду, Владимир Владимирович. На следующее занятие принесу.

— Вова, подожди. Дай я все документы заполню, а потом будешь дальше общаться со своим капитаном.

Минут пятнадцать ушло на заполнение анкеты, написание заявления на приём в пионеры и прочую партийную бюрократию. А в голове крутилось и крутилось, что я, прямо сейчас, создал ещё одну проблему. Ведь не поверят в школе. Надо бы какуюнибудь выписку что-ли попросить. Об этом и спросил, когда мы закончили оформлять документы.

— Точно. Как я про такое не подумала? Выписку говоришь? Нет. Есть вариант лучше.

— ...?

— Вот! — Вера, торжественно извлекла из стола какой-то узкий бланк нежно розового цвета. — Удостоверение Азовского Дворца Пионеров. В разделе примечания я напишу что ты принят в пионеры нашей пионерской дружины и комсомольским штампом заверю. Ну как я придумала?

Я молча рассматривал удостоверение, да, это выход. Только вот цвет его меня смущал. Слава пионерии, что сейчас ещё не сложилась цветовая дифференциация по половому признаку. Ну, розовое и розовое, что здесь такого?

— А тут место для фотографии. А у меня её нет, — обнаружил я соответствующий квадратик в документе.

— Пфф. Нашёл проблему! — фыркнула Вера и потянулась к телефону. — Юрий Викторович, здравствуй. Да, я. Не отвлекла? Мальчик от меня сейчас к вам придет. Да, на удостоверение. Хорошо. — закончила она разговор и положила трубку, как я догадался, внутреннего телефона. — Женя, иди на второй этаж в двести седьмой кабинет. Там тебе сделают фотографии. Потом их ко мне принесёшь и я закончу твоё удостоверение.

— Ага. Спасибо, — и я поскакал фотографироваться.

В двести седьмом кабинете, как я и подозревал, находился кружок фотодела. Юрий Викторович был седоватым дядькой со смешными тонкими усиками. Из двух десятков

мальчишек и девчонок занимавшихся непонятной мне фигнёй, он тут же выделил парочку пацанов лет двенадцати или тринадцати и отправил их со мной в соседнее помещение.

Те быстренько приволокли треногу и древний пластинчатый фотоаппарат. Усадили меня на стул перед белой простынёй и скомандовали:

— Вдохнуть! Не дышать!

Совсем как на флюорографии в поликлинике. Я невольно улыбнулся и тут же раздался щелчок фотоспуска.

Пришлось на этом стуле просидеть минут двадцать пока юные фотографы проявляли, закрепляли и печатали фотографии. В итоге, на руки я получил шесть мелких, три на четыре сантиметра, черно-белых фотографий со своей моськой, и один портрет, десять на пятнадцать. Отдам его бабуле, может повесит куда.

Оформление удостоверения тоже не заняло много времени. И минут через двадцать я стал счастливым обладателем первого моего личного документа.

«бобик»* — милицейский автомобиль из семейства УАЗ.

автобус «Кубань»** — Г1А1 автобус на базе шасси ГАЗ выпуска Краснодарского механического завода нестандартного оборудования.

Вера Павловна Розальская*** — центральный персонаж романа Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?»

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 11

Первое сентября у меня наступило в шесть тридцать утра. Уже традиционная пробежка на школьный двор, разминка, упражнения и бег вокруг здания школы. Последний круг заканчивал под удивленными взглядами старшеклассников вытаскивающих парты под радиоаппаратуру.

Возле входа уже кучкуются ранние ученики, в основном первоклашки и их родители. Хоть сегодня и не учебный день. Так, торжественная линейка и классный час. Но многие участвуют в праздничной самодеятельности, вот и пришли почти за час до мероприятия.

И, вообще повезло, что в этом году первое сентября припало на субботу. Значит каникулы стали длиннее еще почти на полтора дня.

Дома уже шкварчит яичница на сковородке и ворчит на скаженного космонавта недовольная бабуля. Ну, это уже почти традиция, я и не обращаю внимания.

Сегодня с утра опять придавила жара. Хотя до этого было почти неделю не выше двадцати пяти градусов. Значит на линейку пойду в одной шведке, без пиджака. Вчера бабуля купила мне рубашки и эту шведку. Долго меня мучила, вода по магазинам.

Но белые рубашки все были мне или малы или неприлично велики. Купили две школьные повседневные рубашки, темно-зелёную и нежно-голубую, а из белых подошла только шведка. Красивая, с золотыми пуговицами и яркой пионерской эмблемой на коротком рукаве.

А в обувном магазине мы с бабушкой даже поссорились. Она хотела купить мне на сменку желтые сандалии. И не могла понять почему я от них отбрыкиваюсь и отказываюсь — «все же носят». Выручила знакомая бабуле продавщица предложив чехословацкие кеды «Цебо».*

Прежний Женька, спокойно бы таскал любую купленную обувь, в том числе подобные сандалетки. Многие, и из более старших классов, носят их. Я же не мог. Очень уж они мне напоминали сандалетки из детского сада. Комплексовал, короче.

В день после принятия меня в пионеры я успел еще заскочить в парикмахерскую. И ожидая своей очереди, пришел к выводу, что короткая прическа рыжим не подходит. Но так и не смог подобрать определенный вид из представленных в парикмахерской фотографий детских причесок. В итоге, мне сделали короткую модельную, как в июне. За предстоящий учебный год зарасту, вот тогда и подумаю о длинных прическах.

У бабули, тоже были проблемы. В пошивке заказанного мной рюкзака. Она так и не смогла понять концепцию косой одиночной лямки. И сшила с двумя лямками, благо и брезента и поролон было предостаточно. Ну, значит не время для прогресса.

Ожидая повышенный интерес к моему удостоверению со стороны одноклассников, да и просто опасаясь за непрочную текстуру бумаги, я соорудил чехол. Из кусков жесткого, прозрачного целлулоида. С помощью паяльника и выжигателя. Утюг мне бабуля не дала портить. Получилось топорно и кустарно, и далеко по качеству от ламинирования в будущем. Но от шаловливых и грязноватых детских ручонок вполне спасёт.

Из дома мы вышли вместе с бабушкой. Ей тоже хотелось поприсутствовать на первом звонке и заодно пообщаться с знакомыми и подругами. В отличие от других детей я шел на линейку без цветов. Да и кому их там дарить? Уж точно не моей классухе.

Не успел войти на территорию школы, как на меня налетел Сашка Медведев, пацан с нашего двора и из параллельного 4«б» класса.

— Лис, привет! — запрыгал он возле меня. — Прикинь! Мою сеструху, Таньку, выбрали для первого звонка!

— Поздравляю, — растерянно выдал я.

— Угу, — угукнул пацан и унесся дальше делится своей новостью.

На спортплощадке уже во всю формировалось каре из выстраиваемых классов. Я, пробираясь через этот людской муравейник и временами отвечая на приветствия, наконец нашел свой класс.

Почти со всеми успел поздороваться и поручкаться, как кто-то заметил на мне пионерский галстук. Пришлось рассказывать историю с приёмом в пионеры во дворце пионеров. Показал своё удостоверение, которое тут же пошло по рукам и вернулось ко мне только минут через десять. И я себя похвалил за предусмотрительность. Так как пластик был прилично захватан руками, а в одном месте даже виднелся след укуса.

— Кто грыз мое удостоверение! — крикнул я, пытаюсь перекричать стоящий вокруг детский гвалт.

Несколько человек, стоявших рядом со мной, засмеялись, но никто так и не признался. Наконец появилась Татьяна Ивановна и начала энергично строить нас. Получалась это у неё просто на загляденье и уже через пять минут, мы стояли тремя ровными рядами.

Оглядев нас строгим взглядом, она наконец заметила мой галстук.

— Лисин! Сними немедленно галстук!

Я лишь отрицательно покачал головой. Классуха решительно шагнула через ряды ко мне. Но за что-то запнулась и также решительно грохнулась лицом вниз, подмяв под себя двух пискнувших девчонок. Сверху на них завалился Виталя Романов, по прозвищу «жиртрест» самый крупный и самый нерешительный пацан у нас в классе. Видимо в процессе падения ему подбили ноги и теперь он сверху дополнил композицию этой кучи-малы.

На место чрезвычайной ситуации сразу набежала куча спасателей в виде учителей и старшеклассников и про меня благополучно забыли. Особо никто не пострадал. Виталик получил чисто психологическую травму из-за того что валялся на классном руководителе. Девчонки тоже отделались только испугом, помятыми платьями с передниками и практически уничтоженными букетами цветов.

А вот Татьяне Ивановне досталось прилично. Уж не знаю на что она лицом упала, но под правым её глазом наливалась кровью небольшая гематома. И был выбит передний верхний зуб, а также повреждена губа.

Еще минут двадцать у начальства ушло на ликвидацию всех последствий. Жиртреста успокоили, девчонок отряхнули от пыли, а классуху отправили домой. Нас же временно возглавила Любовь Давыдовна. Старенькая уже, учительница, ведущая группы продленного дня.**

Затем была сама торжественная часть линейки. Директор и оба завуча толкнули речи, под гимн советского союза подняли на импровизированном флагштоке государственный флаг. Первоклашки, волнуясь и заикаясь, прочли стишки, постоянно путая и перевирая текст, чем искренне радовали собравшихся. От смеха почти тысячи школьников мелкие краснели и заикались еще больше.

Потом, двухметровый десятиклассник, пронес на плече мелкую Таньку Медведеву,

которая со всей своей радостной дури трясла бронзовый колокольчик на деревянной ручке. Слава великой комсомолки, звонок выдержал это испытание и никуда не улетел из энергичных детских ручек.

Десятиклассники подхватили за руки порученных им первоклашек и повели в школу. А за ними потянулись и остальные классы. Сначала классными коробочками, а затем, расплываясь и смешиваясь с другими классами, просто неорганизованной толпой.

Мой класс тоже добрался до нашего нового кабинета и всю обсуждал происшествие на линейке. Я же в обсуждении не участвовал, сидел и думал о последствиях, и постоянно прокручивал в голове варианты развития отношений между мной и классным руководителем. Ведь это она ко мне тянулась перед тем как упасть, а значит, в её глазах, я самый главный виновник произошедшего.

От мрачных мыслей отвлекла пришедшая Любовь Давыдовна. Все встали и поздоровались с ней на её приветствие. Ирка Петрухина, которая так и осталась у нас старостой, встала и отчиталась по присутствующим и отсутствующим.

Учительница сказала небольшую речь, поздравляя и напутствуя нас. Объявила что сегодня у нас занятий нет и раздала каждому по пять бесплатных билетов на аттракционы в городской парк. После чего нас отпустили, напомнив старосте об уборке класса.

Билеты в парк раздавали каждый год и не только на первое сентября, а иногда и на девятое мая, и на последний звонок. Оставив убирать кабинет расстроенных девчонок с первой парты первого ряда, весь остальной класс неуправляемой толпой вылетел из школы и рванул по домам переодеваться.

Я же отправился на поиски старшей пионервожатой, надо было официально подтвердить мой статус пионера, подстраховаться на случай неизбежных наездов. В этом учебном году вожатая была уже другой нежели в памяти Женьки.

Предъявил своё удостоверение, рассказал о месте приема и кто принимал. Мне поверили сразу и безоговорочно. Девчонка-десятиклассница хорошо знала Веру, так как занималась в журналистской секции УПК***, которую та и вела.

Бабули дома еще не было. Самое странное, что на линейке я её тоже не заметил. Так что быстро переоделся и поскакал в парк развлекаться. Несмотря на то, что нас отпустили со школы раньше других, в городском парке было уже не протолкнуться от детей из других школ.

Шум, гам, орущая из динамиков музыка и гудение аттракционов. Это то, чем встретил меня парк. Пытаться попасть на популярные аттракционы, такие как «Автодром», цепочный «Вихрь» или «Иллюзион» было практически невозможно. Нет, если конечно час или два в очереди отстоять, то можно. Но мне-то оно зачем? У меня и так начинала болеть голова от ужасного шума вокруг.

И я, не задумываясь, потратил все свои пять билетов на пять кругов, на «Колесе обозрения». На него очереди практически и не было. Старшеклассники еще не подтянулись в парк, а гиперактивной мелюзге моего возраста медлительный аттракцион был, видимо, не по душе.

Тем более, что пускали на него только с десяти лет или в сопровождении взрослого. У меня-то документ был, с указанием моих даты и года рождения. А у всех остальных только усы, лапы и хвост, как у кота Матроскина.****

С высоты сорока метров я, наконец, сложил общую мысленную карту города. Эти пять неспешных кругов, дали мне больше визуальной информации чем три месяца изучения города снизу. Вот если бы еще кто рядом сидел и давал объяснения что я вижу, где какой

завод и район. Ну, ничего, не всё коту масленица.

После чего, еще побродил по парку, пытаюсь найти одноклассников или знакомых, но так никого и не встретил. Слопал мороженное, отстояв за ним небольшую очередь. Зашел в тир и сразу вышел — толпа и духота. В салоне электронных и механических игр тоже не протолкнутся, к тому же в кассе кончились пятиалтынные.***** Везде облом и дискомфорт. И я пошел домой.

А третьего сентября у нас начались полноценные занятия. К моему удивлению, Татьяна Ивановна не цеплялась ко мне из-за моего галстука. Может быть старшая вожатая её просветила на мой счёт. Её синяк был искусно загримирован и если особо не присматриваться, то ничего и не было заметно. А вот отсутствие зуба, она скрывала наклоном головы и разговором через губу.

На двойных уроках труда, которые вел трудовик по прозвищу «Кабачок», первым делом с нас потребовали специальную форму. Халаты с беретками или фартук с нарукавниками. Вечером озадачил этим бабулю, на что она презрительно фыркнула и за один вечер пошила и халат и берет, из темно-синей ткани.

Постепенно я втянулся в учебный процесс. Первоначально, моя новая соседка, Ольга Сидорова, старалась закрыть от меня свою тетрадь. Особенно на математике. Думала что я буду списывать. Я же только посмеивался на подобное, но постепенно стал замечать что, наоборот, Ольга стала подглядывать ко мне в тетрадь. Ну и пусть, мне не жалко.

Не забыл я и про обещанное планирование для Владимира Владимировича. Думал, буду долго и мучительно вспоминать — ничего подобного, вспомнил сразу и за один вечер накатал годовой план первого года обучения.

— А почему первого года? — удивленно спросил меня он. — У старого тренера, на каждый год одно и тоже. Хотя да, извини, глупость сморозил. Он же каждый раз новую группу начинал обучать.

— Да они практически и не отличаются, — пояснил я. — Первый год основной, дальше идёт закрепление материала и всё усложняющиеся пешеходные походы. Сначала степенные, а затем категорийные.*****

Проблема с классной руководителем вылезла там, где я её и не ждал. В конце недели, на уроке русского языка, нам раздали тетрадки с проверенным домашним заданием. Все выполненные мной упражнения были перечеркнуты крест на крест красной ручкой, а под ними красовался жирный кол. На моё возмущение, Татьяна Ивановна заявила:

— Это не ты писал, это не твой почерк. Я твои каракули за три года изучила наизусть. Уже бабушку заставляешь за себя работать?

Упс. У предыдущего Женьки почерк был действительно выдающийся, более или менее понятный, но с внезапными изменениями наклона в разные стороны и произвольно гуляющими размерами.

Мой же почерк, был практически идеальным, благодаря многолетней практике с чертежными шрифтами в начертательной геометрии и инженерной графике. Как-то я упустил эту проблему из вида.

Попытка объяснить, что я все лето работал над своим почерком и предоставление, как доказательство, рабочих тетрадей по остальным предметам ничего не дало, от меня отмахивались как от назойливой мухи.

Оставлять всё просто так я был не намерен и сразу после окончания уроков, решительным шагом направился в кабинет директора.

На этот раз, я внимательно ознакомился с табличкой на директорской двери. Калиниченко Степанида Карловна. Теперь я хоть знаю к кому иду, а не как в прошлый раз, летом.

Директор оказалась на месте, не прогнала, внимательно выслушала мою проблему. Сравнила почерки во всех тетрадях. А затем выдала двойной листок бумаги в линию и усадила писать диктант.

К моей удаче, директор была еще и учителем русского языка и литературы в старших классах. Поэтому, профессионально выбрала небольшой текст диктанта на девяносто слов. А после проверки изрекла:

— Твердые четыре-три, если не придирается то четыре-четыре. С орфографией у тебя нормально, а вот пунктуация хромает. Но почерк красивый. Я переговорю с твоим классным руководителем, Женя, можешь спокойно идти домой.

— Спасибо, Степанида Карловна, — поблагодарил я и почапал куда отправили.

Дома же мою задумчивую тушку отловила бабуля.

— Чего такой смурной? Побил кого или окно разбил? — поинтересовалась она, поигрывая тяжелой даже на вид толкушкой.*****

Пришлось делиться новостями и рассказывать, что ходил разбираться к самой директрисе.

— Правильно сделал, внучок, — бабуля притянула меня к себе и взъерошила и так короткий ёжик волос. — Нельзя этой твари с рук гадости спускать.

— Ба? А чего она ко мне привязалась?

— Да, любовница она первая твоего отца. Погулял он с ней, да и бросил, и к твоей мамке перебежал. Кобель. Тьфу. Прости, Господи.

— А? — начал я вопрос.

— Рано тебе об этом знать, Женька! Но смотри! Станешь как Пантелей — вот этими самыми руками удушу, — предъявила она мне свои жилистые и морщинистые руки.

Я не найдя что сказать в ответ, просто обнял её и закопался своей макушкой куда-то ей в подмышку.

Цебо* — сокращение от чешского бренда обуви (*České boty*) народного предприятия Svit.

Группа продлённого дня или продлёнка** — это группа для дневного пребывания после уроков для учеников 1–4 классов. Продлёнка организуется на территории школы. С детьми, которые там остаются, занимается учитель.

УПК*** — Учебно-производственный комбинат — организация, обеспечивающая старшеклассникам начальную профессиональную трудовую подготовку.

Кот Матроскин **** — вымышленный антропоморфный кот, персонаж, придуманный детским писателем Эдуардом Успенским. Впервые появился в его повести-сказке «Дядя Фёдор, пёс и кот» (1973), а позже — в снятых на её основе мультфильмах: «Дядя Фёдор, пёс и кот» (ТО «Экран», 1975), «Трое из Простоквашино» («Союзмультфильм», 1978), «Каникулы в Простоквашино» (1980).

Пятиалтынные.***** — монета в 15 копеек. Разговорное название — пятиалтынный или пятиалтынник, которое происходит от слова «алтын», эквивалента трёх копеек.

Степенной туристский поход***** — это туристский поход с обучающимися, имеющий уменьшенные параметры по протяженности и продолжительности похода по сравнению с категориальными маршрутами.

Категорийные походы***** — сложные и длительные походы, требующие предыдущего опыта, тренировок и специальной технической подготовки. Бывают от первой (придется попотеть) и до шестой (полная жесьть) категорий.

Толкушка***** — пестик в виде гранаты, для приготовления картофельного пюре.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 12

Разговор с директором школы, видимо, принес свои плоды. Классная руководительница меня теперь игнорировала и не третировала. Даже оценки за работы выставляла вполне адекватные.

Учеба меня не слишком напрягала. Что сложного в курсе четвертого класса? Главное не умничать и не вылезать за рамки простого ребёнка. На музыке поём, на рисовании рисуем, на физкультуре бегаем и прыгаем. Более сложные предметы начнутся ещё не скоро, поэтому просто наслаждаемся.

Но не тут-то было, на перемене перед математикой поймал соседку за откровенным у меня списыванием.

— Оль? Ты чего? — озадачился я.

— А тебе, что, жалко? — насупилась девчонка.

— Пфф, да списывай на здоровье. А сама что? Там же всё очень просто.

— Ты как моя сестра старшая говоришь, — проворчала соседка, списывая с по хозяйски придвинутой моей тетрадки, нужное ей упражнение.

— А кто у нас сестра?

— Бухгалтер, вернее экономист. В этом году институт закончила и её сразу в универмаг* на работу взяли, — похвасталась Олька.

«Ой как хорошо», — подумал я. У неё же должны оставаться конспекты и учебники с обучения. Идею с получением хотя бы теоретической базы по экономике я не забросил. Наведался в несколько близлежащих библиотек, но везде получил от ворот поворот. На меня смотрели как на больного, когда я просил учебники или пособия по экономике. Самый вежливый ответ был — подрастёшь, тогда и приходи.

— Закончила? — спросил я у девчонки и дождавшись кивка, заявил. — После уроков иду с тобой, знакомится с твоей сестрой.

— Зачем? — удивилась она.

— За надом. — огорошил я её. — Хочу попросить у неё конспекты или учебники по экономике.

Олька, вылупившись на меня, покрутила указательным пальцем у своего виска.

— Ты совсем что-ли ку-ку?

— Нет, еще не совсем. Сестра твоя дома? По субботам не работает?

— Должна быть дома. Мы собирались после обеда пойти в парк вместе.

Последним уроком у нас было пение. И мы всем классом, под аккомпанемент учительницы игравшей на пианино, разучивали и пели песню «Орлёнок».**

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца,

И степи с высот огляди.

Навеки умолкли веселые хлопцы,

В живых я остался один.

Окружающие меня детишки, больше дурачились чем пели, так и не осознавая о чём поют. Учительница не удосужилась рассказать даже историю песни. А может и не знала её.

После урока, не дав Сидоровой удрать, отобрал у неё портфель и почти повел её домой. Благо, жила она через дом от нас по улице Комсомольской. Уже на выходе, попался нам мой

сосед Жмур. Который углядев, что я тащу Олькин портфель, противным голосом пропел нам в спину — «тили-тили-тесто, жених и невеста».

На совершеннейшем автомате развернулся и костяшкой сложенного указательного пальца, ткнул в «солнышко», не ожидающего ничего подобного от меня Витьке. Пацан сложился почти пополам и, плюхнувшись на задницу, тонко заныл. Я же, подхватив опешившую Сидорову под ручку, потянул её дальше, приговаривая на ходу:

— Видишь? За тебя уже пацаны дерутся и портфель тебе носят. Гордись.

Ольга отчаянно покраснела, но попыток вырвать руку или как-то возмутится не предприняла.

С её сестрой Тамарой я договорился быстро. Она конечно была удивлена, что какому-то мелкому пацаненку понадобились её конспекты.

Не все конечно. Дискретная математика меня не заинтересовала, а вот два курса микро и макроэкономики я взял. Шесть толстых тетрадей. Плюс, у неё еще был учебник «истории экономических учений» и «основы экономического анализа». И разрозненные конспекты по финансам и бухгалтерскому учёту. Ничего, разберусь.

Вот и разбирался с доставшимся почти до вечера, под недовольное ворчание бабули. Странная она, занимаюсь — ворчит, не занимаюсь — лодырем и неучем обзывает.

А потом пришел Жмур с красными, заплаканными глазами и с не менее красным левым ухом.

— Жень, — начал он как-то неуверенно, оказавшись у меня в комнате и прикрыв за собой дверь. — Ты это. Прости меня. Я не хотел, оно само как-то.

— А с ухом что? — спросил я, проигнорировав его просьбу.

— Батя надрал, — мрачно сказал Витька. — Когда я на тебя пожаловался. Выпытал, за что ты меня стукнул, надрал ухо и отправил к тебе, извиняться, — обреченно признался сосед.

— Ну что с тобой делать? Прощаю тебя. Но ты, Витька думай, прежде чем чего ляпнуть.

— Спасибо, Жень. Я обязательно... Ой, а это что у тебя такое? — и не дожидаясь моего ответа, схватил с моего стола книгу и прочитал. — Алексей Толстой, «Гиперолоид инженера Гарина».

— Так, дай сюда, — я с раздражением вырвал у него из рук книгу. — Фантастика, неужто не читал?

— Нет. Первый раз вижу. Классная? Дашь почитать? Ну пожалуйста, — заканючил сосед, сделав умильные глаза.

— Ой, ладно, бери. В понедельник отдашь.

— Спасибооооо! — Витька схватил книгу и под свой крик унесся домой.

«Вот и почитал на досуге» — подумал я. Хорошо что еще другие не оставил, а сразу спрятал.

С книгами получилась прям детективная или даже шпионская история. В один прекрасный четверг, шел в дворец пионеров. И возле всё того же кинотеатра «Родина» опять попал на ловлю тунеядцев. Знакомых бабулек в этот раз не было и я один наблюдал за этой спецоперацией.

Людей выводили из здания то по одному, то группами и сразу сажали в автобус. И вот при выведении очередной группы, какая-то женщина, сунула в кусты свёрток. Бомба, оружие, наркотики, деньги? У меня аж мурашки по телу забегали. Пока думал не пойти ли к милиционерам и рассказать им о свёртке, те закончили свою работу, погрузились в

транспорт и укатили.

Я минут десять пялился на эти кусты, сомневаясь — посмотреть, не посмотреть? Потом плюнул на это дело и поскакал во дворец пионеров. Но все время только об этом свертке и думал. Всё-таки решил проверить, что спрятано, на обратном пути. Когда решился — то почти бежал, а вдруг забрали? Сверток был на месте и оказался простой тряпичной сумкой с завернутыми в газеты предметами, надорвал — вроде книги.

Но какие книги! Дома, уединившись в комнате, стал разворачивать газеты. Первой оказалась повесть Михаила Булгакова «Роковые яйца» издания 1928 года в городе Рига. И именно «роковые», а не роковые. Интересно. Пролистнул, текст оказался с дореволюционной орфографией.

Второй был роман Евгения Замятина «Мы»***, издательства имени Чехова в городе Нью-Йорк 1952 года.

Затем, на свет появился томик Аркадия и Бориса Стругацких — «Гадкие лебеди», западногерманского издательства «Посев»****. Ну, это мы читали. Правда в самиздате. И в той жизни.

Четвертая книга оказалась вновь принадлежащая перу Булгакова — «Мастер и Маргарита», всё того же издательства «Посев».

Зато пятая была самая простая и советская. Алексей Толстой и его «Гиперболоид инженера Гарина». Правда, издания типографии РККА 1939 года, но зато стотысячным тиражом.

Все первые три под запретом в стране. Распространяются только самиздатом, а тут полные оригиналы. Чую тетка та непростая, дай боже никогда с ней не столкнутся, а книжки запрятчу подальше. Единственно «Мы» почитаю, не читал никогда раньше, да и Толстого оставил. На которого уже Жмур запал.

Каким боком Алексей Николаевич попал в единый пакет с запрещенными в СССР книгами — тайна сия велика есть.

А вообще, очень опасно хранить дома такую литературу. Мне-то по малолетству ничего не будет. А вот бабуле может прилететь, да и опеки лишат, и поеду я в детский дом. Стоить после перестройки эти книги будут немного. Их время и цена — только сейчас. Если не найду куда их пристроить, то просто закопаю.

— Чего Витька винился? — отвлекла меня от мыслей, нарисовавшаяся бабуля. Точно подслушивала, гиперопека полная.

— Побил я его в школе. За дело, — сознался и сразу начал оправдываться я.

— Интересно. Ты его побил, а он у тебя еще и прощения просит? Брехня какая-то.

Пришлось пересказывать бабушке хронологию этого события.

— Ишь, ты. Ранний ты у меня. А Оля — хорошая дивчина. Знаю её родичей. Хороший выбор, — похвалила меня бабуля и свалила к себе в комнату.

М-да, без меня меня женили...

Тем не менее, слухи о том, что я ухаживаю за Сидоровой и побил за дразнилки Померанцева, облетели не только весь класс, но наверное и всю нашу параллель. В поддержание этих слухов приходилось раз или два раза в неделю провожать девчонку домой. Мне не трудно, ей приятно, а остальным завидно.

Нашел я, наконец, и бониста***** в городе. Им, к моему удивлению, оказался Юрий Викторович, ведущий кружок фотодела во дворце пионеров. На мои предложения 25ти рублевых, серии ЯА — обещал поузнавать. Сам он, больше специализировался по

дореволюционным и заграничным банкнотам. Спешить мне некуда — подожду.

Зато, нумизматов в городе, оказалось несколько десятков. Оно и не удивительно в городе с такой историей. Тем более что каждый год, на огородах или при стройках выкапывали из земли разные монеты.

Я и сам обратил внимание на эту историчность города совсем недавно. На одном из занятий секции увидел крепостной вал из окна. Буквально в двухстах метрах от дворца. Ну ничего себе, что же я раньше не замечал эту громаду? После, наверное часа два, изучал этот «турецкий» вал и приданные ему «Алексеевские» ворота.

И пришел к выводу, что это заброшенное фортификационное сооружение никакого отношения к «османской империи» не имеет, а передо мной кусочек земляного бастиона звёздчатой крепости***** более позднего времени. Как минимум — конца восемнадцатого, начала девятнадцатого веков.

Вся эта фортеция выглядела хоть и массивно, но довольно убого. Оплывшие и осыпавшиеся земляные фасы и куртины, растущие на них деревья и кусты. Ворота тоже нуждались в хорошем ремонте. Раньше дорога проходила прямо через ворота. Но потом вал разрезали и проложили мощенную дорогу в объезд ворот.

Ошизеть, это же сколько интересного скрывается под этой кучей земли? В мою голову полезли схемы простых металлодетекторов. Не-не-не, связываться с такими людными местами себе дороже. А вообще идея собрать детекторы и пройтись хотя бы по пляжам — вполне интересная. Но не сейчас. Позже, когда подрасту. Да и элементную базу попробуй еще найди.

Владимир Владимирович, набрал по разным школам десять пацанов и пять девчонок. И я теперь выполнял своё обещанное, потихоньку их обучая. Сначала, пока стояла хорошая погода, занимались спортивным ориентированием, попутно изучая лес за городским пляжем, который и являлся полигоном для этих соревнований. Топознаки, привязка их к примитивной карте, работа с компасом и курвиметром.

Компасы были самыми простыми и реагировали на любую помеху в магнитном поле. То еще удовольствие ориентироваться с их помощью. Вообще, снаряжения было много, но было оно убогое и довольно ушатанное. Хорошо еще веревки и репшнуры были синтетические, а не из растительного волокна. Но и то, жесткая и дубовая статика.***** Почти сотня железных карабинов с резьбовой муфтой, треугольники и трапеции. Несколько старых брезентовых палаток, ватные спальные мешки и шестидесятилитровые абалаковские рюкзаки.*****

Я накидал список тренеру, что нам нужно из снаряжения для успешных тренировок и соревнований. Список получился большой и объемный. Не забыл прикрепить объяснительную записку, естественно от лица Владимира Владимировича. Он отнес этот запрос директору, теперь осталось только ждать решения.

Небольшой ручеек доходов от починки электрики почти иссяк. Всё, что накопилось такого, несложного электрического, я уже починил. Да и штатный квартальный электрик из запоя вышел и отобрал часть клиентов. Хорошо если рубль в неделю набегал, а иногда и ничего не было.

Так, за учебой, тренировками и работой, незаметно пролетела первая четверть. И я неожиданно оказался в десятке самых успевающих учеников класса. По всем предметам за четверть я получил пятёрки, за исключением «русского языка» и «родной литературы». По которым мне, ведущая эти предметы классуха, выставила четверки. И удовлетворительно за

поведение.

Когда на классном часе, Татьяна Ивановна диктовала нам четверные оценки, которые мы заносили в свои дневники. То при каждом объявлении моей фамилии и оценки за предмет, Лисин — пять, весь класс оборачивался и смотрел на меня удивлёнными глазами.

Бабуля сначала даже не поверила, озлобилась, отобрала дневник и чуть не побила полотенцем. Но после родительского собрания пришла довольная-довольная. Обняла меня, потрепала по волосам и заявила:

— Весь в деда, тот тоже был умник-разумник.

— Так я же обещал отработать за часы, — не подумав ляпнул я.

На что бабуля тут же окрысилась:

— Это за часы значит? А дальше опять двойки пойдут?

— Не-не, бабуль. Я за ум взялся. Я хорошо буду учиться, — непонятно почему стал оправдываться.

— За ум он взялся. Ты смотри мне, Женька, — и погрозила мне своим кулачком.

И я остался в непонятках, то ли похвалили, то ли поругали. Какая-то странная у меня бабуля. Вроде, я у неё один-единственный родной человек. И отношение должно быть соответствующее. А на деле, хрень какая-то. Хотя, я вспомнил, как они с дедом в войну бросили годовалого сына и отправились на фронт. Так и меня воспитывает видимо, выплывет — значит сильный, а потонет — значит так тому и быть. Брррр.

— Ба? — пошел я вслед за ней на кухню. — Что там за меня еще на собрании говорили?

— А ничего. Сказали что, молодец, хорошо учиться, старается. И всё, а что-то ещё выяснять, у этой вашей лахудры я не собиралась. Ты же знаешь что мне запретили с ней ругаться.

— Не. Не знаю. Кто и за что тебе запретил?

Бабушка, как-то подозрительно на меня посмотрела и притянув мою тушку к себе. И ухватила своими пальцами моё правое ухо. Но драть не стала, а провела пальцами по длинному шраму. Откуда он у Женьки, в памяти пацана этой информации не было.

— Шрам на месте, я уж подумала что подменили тебя, — как-то зло и колюче посмотрела она мне прямо в глаза.

Отчего у меня по телу заходили строем стада мурашек. Я сам провел пальцами по шраму и сказал:

— Я не помню откуда он. Честно.

Бабушка, как-то устало вздохнула и ответила:

— Значит забыл. Бывает такое. Когда плохое напрочь из головы выкидываешь. Твоя училка, в первом еще классе, порвала тебе ухо своими ногтищами. Швы потом накладывали.

— Нифига себе, — вырвалось у меня. — Да её могли за это посадить!

— Во-во. Мать твоя, Наташка, даже не дёрнулась. Пришлось мне идти разбираться, и я не сдержалась. Вырвала ей несколько клоков волос и глаз подбила. Но у неё нашлись знакомые, которые могли мне устроить веселую жизнь. Хорошо за меня комитет ветеранов вступился и военком наш. Уладили кое-как. Вот так теперь и живем, смотрим друг на друга змеями, но не кусаемся. А то мне быстро припомнят и еще опеки лишат. А куда же я без тебя? — бабуля схватила меня в охапку и разрыдалась.

Универмаг* — (универсальный магазин) крупный магазин, осуществляющий торговлю широким ассортиментом продовольственных и/или промышленных товаров.

«Орлёнок»** — песня написана в 1936 году поэтом Яковом Шведовым на музыку

композитора Виктора Белого к спектаклю Театра Моссовета «Хлопчик» драматурга М. Даниэля. На самом деле, перевод и переделка с идиш, стиха Марка Даниэля из его пьесы «Зямка Копач».

«Мы»*** — роман-антиутопия Евгения Замятина, написанный в 1920 году. В СССР не печатался до 1988 года как «идеологически враждебное» и «клеветническое» произведение. Повлиял на творчество многих известных писателей XX века, в том числе на Олдоса Хаксли, Джорджа Оруэлла, Курта Воннегута.

«Посев»**** — издательство, учреждённое в Германии российскими эмигрантами из Народно-трудового союза и выпускающее книги (в том числе художественную литературу) на русском языке, а также журналы «Посев» и «Грани».

Бонист***** — коллекционер бумажных денег и бонов.

Звездчатая крепость*****- (от лат. *Fortalitia stellaris*) бастионная система фортификационных сооружений, пришедшая на смену средневековой фортификации.

Веревка статика***** — разновидность туристических веревок. Обладают высокой прочностью и относительно низким статическим удлинением.

Абалаковский рюкзак***** — был разработан легендарным альпинистом и туристом того времени Виталием Михайловичем Абалаковым. Рюкзак выпускался советской промышленностью массово.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 13

На седьмое ноября погода выдалась холодной и дождливой, и директор школы своим решением отстранила от участия в демонстрации четвертые и пятые классы. Кто-то пошел на демонстрацию с колоннами предприятий своих родителей. А остальные продолжили бездельничать в самые короткие каникулы.

Вторая четверть началась для меня с драки. В первый учебный день, на объединённом уроке физкультуры с параллельным четвертым «Г» классом. Ко мне подвалил Федька Борисов по прозвищу «Комар», неформальный лидер их класса. И сразу наехал на меня:

— Рыжий. Я слышал, ты заучкой стал? — и нагло уставился на меня.

Ага, а вот пошли и ягодки из-за моей отрешенности к местному сообществу. Раньше Женька целые дни проводил на улице в различных компаниях. Нередко дрался и совершал прочие бесшабашные глупости, чем несомненно повышал себе авторитет.

Я же сократил почти до минимума общение с прежними друзьями этого тела. Чем, со временем, вызвал падение своего авторитета. А уж улучшение оценок, опрятный вид и более взрослое, ответственное поведение в школе, дали повод и к подобным наездам. Тем более «Рыжим», никто из бывших дружков, Женьку не называл, опасались. Значит и сейчас придётся ответ дать безбашенный, в старом стиле.

Без размаха ткнул согнутыми пальцами в солнечное сплетение мальчишке, совершенно не ожидавшему ничего подобного. Но, в отличие от столкновения со Жмуром, нынешний мой удар не привел к нужному эффекту. Пацан лишь хекнул и немного наклонился ко мне. Пришлось бить по ушам ладонями, сложенными лодочками.

«Комар» ойкнул и, схватившись за уши, повалился на пол и, неожиданно для меня, заплакал. Столпившиеся вокруг нас детишки во все глаза молча пялились на произошедшие. Я же, в душе ругая себя последними словами, отцепил руки, испуганно дернувшегося Федьки, от его ушей и смог спокойно вздохнуть. Крови не было, а значит перепонки не повреждены.

Тем временем, Борисов, размазывая сопли и слезы по лицу кулаками и ладонями, всхлипывая, нес какой-то бред:

— Лис. Я не хотел. Извини. Я просто. Я думал. А ты. Сразу. Пацаны сказали. А ты. А ты.

Я помог подняться причитающему и всхлипывающему мальчишке. Приподнял рукой подбородок вновь перепугано дернувшегося Федьки и, заглянув в его настороженные и красные глаза, спросил:

— «Комар», как меня зовут?

— Жженья, — немного заикаясь выдавил он.

— А прозвище у меня какое?

— «Лис», «Лисёнок», — уже более спокойно ответил он.

Хм, про «Лисёнка» я и не знал. Видимо так Женьку, звали в компаниях в его отсутствие.

— А ты? Как меня назвал ты? — изменив интонацию на более строгую, спросил я у него.

— Жень, прости. Я не хотел. Оно само. Я понял, — глаза у мальчишки опять оказались

на мокром месте. — Я больше так не буду! — Выдал он главную волшебную фразу всех нашкодивших детей.

— Верю. Прощаю, — я похлопал его по плечу, и поборов брезгливость, пожал его ладошку, которой он недавно размазывал по лицу слезы и сопли.

Окончательно нас всех разогнал пришедший учитель физкультуры. Построил, пересчитал, сделал с нами разминку и, разбив на команды, отправил играть в «пионербол»*. Но видя наши жалкие потуги на нормальную игру, свернул сетку и разрешил играть в вышибалы.**

А в конце этой учебной недели, я уже не сдержался на уроке «Рассказы по истории СССР». Учитель истории, Сергей Никифорович, зачитывал нам наши самостоятельные работы по его предмету. Причем он не стеснялся в выражениях, описывая наши перлы.

— Крепостные крестьяне жили в крепости. Имели орудия и прочие пушки. Вот как? Как ты это понял, Лубенец? — докапывался он до одного из близнецов.

— Ну, орудия это же большие пушки, — лепетал в оправдание побледневший пацан.

— Сельские орудия, а не военные. Ты разницу понимаешь? — не унимался учитель.

Андрюха в ответ лишь отрицательно и обречённо покрутил головой.

— Садись, два.

— Сергей Никифорович, это несправедливо, — решил вмешаться в происходящее я. — Вы сами нам не дали определения что относится к сельскохозяйственным орудиям. У меня в тетраде и в учебнике этого нет. И у остальных тоже нет. Или есть? — спросил я у класса

— Нет, нет, нет, — зашелестели голоса одноклассников.

— Мы все знаем, что такое сельхозинструмент, — продолжил я. — Это лопаты, грабли, тяпки и прочие вилы. А что такое сельхозорудия — нет.

— Спасибо, Лисин. Я тебя понял. Признаю, моя вина. Результаты самостоятельной работы аннулируются, — пошёл на попятную учитель. — Но к тебе Лисин, у меня остался вопрос с этой работы. Почему на вопрос «Что дала крестьянам революция?» ты ответил — лампочки и радио?

Упс. Попал. Надо было наверное указать побольше.

— Ну, "Лампочка Ильича", радио в каждом доме, поэтому так и ответил. А надо было перечислять все? Телевизоры, мотоциклы и магнитофоны?

Преподаватель на мои вопросы почему-то поморщился.

— Я не об этом? — ответил он. — Я про свободу, землю и возможность работать в коллективе.

— Свободу им вроде в 1861 году дали, — начал я...

— Нет. ты опять меня не понял, — перебил он мой ответ, но тут прозвенел звонок и спас меня.

Всё, на истории больше не выёживаюсь. Отвечаю строго по учебнику. Не хватало мне еще обвинений в контрреволюционной или антигосударственной деятельности. А то расскажет историк на школьном педсовете о моих неправильных взглядах на советскую историю. и быстренько меня пропесочат на том же педсовете, да еще и бабулю привлекут. Нафиг- нафиг.

В середине ноября долбанули морозы и пошёл снег. Я думал, что Азов это южный город, но холода в минус пятнадцать или даже в двадцать быстро меня избавили от этого заблуждения. А уж постоянные ветра только добавляли холода.

Народ поспешно заклеивал окна. Как в школе, так и дома. Мы с бабулей клеили щели

медицинским лейкопластырем, а промежуток двойных рам забили старой, серой ватой. В комнатах сразу стало теплей.

Еще через неделю полностью замерз Дон. И я с удивлением смотрел с высоты «турецкого» вала, как по льду спокойно снуют-туда сюда грузовики и легковушки. В нашем квартале, на месте автостоянки, жители организовали каток. Сформировали снежные валы и залили кипятком с помощью шланга из котельной. Ледовое покрытие получилось почти идеально ровное.

На этом катке, постоянно шли хоккейные баталии и просто катались местные жители. Когда я дома рассказал бабуле о катке, она предложила купить мне коньки и, в ответ на мое согласие, выдала мне двадцать пять рублей. Даже странно, не похоже на неё.

Коньки я купил на следующий день, специально выбрал на два размера больше, на вырост. Сейчас разницу в размере нивелировала пара теплых вязанных носков. И я теперь с удовольствием бегал на коньках, заменив тем самым простой бег, который стал мне недоступен из-за сугробов и гололёда.

Бабушка стала всё чаще вести себя странно. То обнимет и поцелует внезапно, а то и просто войдет ко мне в комнату, сядет и смотрит как я уроки делаю или паяю чего. А на выходные, внезапно целый трояк дала на развлечения. У меня даже стали возникать нехорошие подозрения насчёт её здоровья. Собирался расспросить её, но не знал как сформулировать вопрос.

Бабуля меня опередила. После ужина зазвала к себе в комнату и огорошила:

— Девятнадцатого поедешь к тетке Зине в Ростов, на неделю.

— Зачем? — опешил я.

— Разрешили нам поездку в Чехословакию. Ионов, один из наших ветеранов, оказывается был адъютантом у маршала Устинова. Вот он ему и отписал, что, мол, казачки хотят посетить могилы своих мужей, — она замолчала и о чём-то задумалась.

Ой. Устинов? Он же должен вот-вот преставится. Как бы их поездка не сорвалась.

— И что? — поторопил я её.

— Разрешили. Самолётом министерства обороны вылетаем девятнадцатого декабря из Ростова, назад — двадцать четвертого. Жить и питаться будем в военном городке.

— А документы? Паспорта? — удивился я.

— Сказали, что ничего не надо. Всё на себя военные взяли. И по сто крон*** выдадут на мелкие расходы.

— А я?

— А тебя не разрешили взять. Ты к тетке в Ростов поедешь.

— Да не хочу я к ней ехать. У меня конец четверти, контрольные и диктанты. Кружок, наконец. Я дома останусь.

— Сам? Чтобы я там себя поедом ела — что с тобой?

— Да всего четыре дня. Ты же знаешь что я сам и еду могу приготовить. Да всё кругом знакомое. Знаю куда, если чего, обращаться. Вон участковый за стеной живет. Ну, баб. Ну, пожалуйста. Ну не надо меня в Ростов. У меня девятнадцатого контрольная по математике, — выложил я последний козырь.

— Ой, не знаю. Подумаю что с тобой делать, — вздохнула бабуля.

На этом наш разговор и прервался. Я же, узнав подобную новость, стал прикидывать, где бы достать чехословацкую валюту бабуле на различные ништяки. Выходило, что помочь в этом может только знакомый фотограф-бонист.

Юрий Викторович, до которого я смог добраться на следующий день, оказался не занят. Сидел за столом и резал негативы. При виде меня он почему-то поморщился и, после взаимных приветствий, сказал:

— Узнавал я по поводу твоих четвертаков ЯА серии. Никого они особо не заинтересовали. Может позже найдутся желающие.

— Спасибо, Юрий Викторович, — поблагодарил его я. — А можно у вас проконсультироваться?

— Слушаю, — улыбнулся мужик.

— Можно ли где купить или обменять современные чехословацкие кроны?

— Хм. А тебе зачем? — удивился он.

Пришлось рассказать про поездку бабули и что хотелось бы получить максимум с этой поездки.

— Вообще-то, молодой человек, это уголовная статья, — построжел лицом фотограф.

— Угу. Восемьдесят восьмая, «нарушение правил о валютных операциях», — подтвердил я знание этого факта.

— Даже так? — дядька явно растерялся от размеров моих познаний. — А почему ты обратился ко мне? Тебя кто-то направил?

— Нет. Вы просто единственный бонист, которого я знаю в городе. Я видел в вашей коллекции один фунт стерлингов с Исааком Ньютоном. А это тоже валюта, а вы не боитесь почему-то.

— На такие мелкие купюры органы обычно закрывают глаза, — разъяснил он мне. — Тебе же требуется сумма куда крупнее. Я конечно могу спрашивать, но никто связываться с продажей не будет. Если только обмен на какуюнибудь равноценную вещь. Но такая вряд ли у тебя будет, мальчик.

Я молча покопался в рюкзаке и выложил перед мужиком томик «Мастера и Маргариты». Тот молча притянул книгу к себе, раскрыл её, и у него от удивления полезли брови вверх. Он зачем-то оглядел пустой кабинет, вскочил и запер дверь. И только после всего этого обратился ко мне.

— Это откуда? — постучал он ногтем по книжной обложке.

— Из рюкзака, — ответил я. А что?

— Да нет, ничего, — мужчина задумался, а его пальцы стали подкручивать кончики его маленьких усиков.

С каждой минутой наше обоюдное молчание делало пространство вокруг нас всё более вязким и напряженным. На четвертой минуте его молчания я, не выдержав, потянулся за книгой, собираясь её забрать и уйти. Но на моё запястье, тут же опустилась мужская рука.

— Подожди. Женя? Да? Я не путаю имя? — спросил хриплым голосом Юрий Викторович.

— Не путаете, — я убрал руку с обложки книги, оставив её лежать на столе.

— Скажи, Женя. А еще книги этого издательства у тебя есть?

Блин. А вдруг он заодно с той теткой из кинотеатра? И они ищут пропажу, а тут такой красивый и рыжий я с их книгами. Или это паранойя? А с другой стороны, что я теряю? Вдруг и правда выгорит.

— Есть, Юрий Викторович. «Гадкие лебеди» Стругацких, — и выложил перед ним вторую книгу.

— Две тысячи крон за обе, — после недолгого молчания почти прошептал он.

— Согласен, — не веря своей удаче, сразу согласился я.

— Подожди несколько минут, — мужчина оставил сидеть меня в кабинете, а сам отправился в соседнее помещение.

Предлагать или не предлагать оставшиеся книги? — думал я, ожидая его возвращения. Нет. Пусть будет запас. Мало ли что. Зато теперь знаю кому можно их предложить.

— Вот, — выложил передо мной стопку купюр вернувшийся бонист. — Пересчитай.

В стопке оказались две красненькие пятисотки с солдатами, вооруженными ППШ****, пять зеленых стольников с рабочим и крестьянкой и десять красно-коричневых полтинников с тоже какими-то военными, но уже с ППС*****.

— Спасибо большое, Юрий Викторович, — поблагодарил я его, пряча купюры в тайный кармашек рюкзака.

— Надеюсь я не пожалею о нашей сделке, — пробурчал в ответ мужик, выпуская меня из кабинета.

Домой я летел как на крыльях, радуясь вполне удачной сделке и не особо задумываясь откуда у него такая сумма в кронах. Меня сейчас волновала другая проблема. Как объяснить бабуле откуда у меня вся эта валюта?

Единственное, что придумал, это распихать иностранные купюры по гильзам, в которых были найденные еще в июне советские деньги с чердака наших родственников Донцовых. Тоже выдам за найденное, но в соседнем доме. Чтобы не подставлять родственников. А то у бабули хватит ума потащить валюту в милицию.

Слава советской армии, обошлось. Бабушка поверила или сделала вид, что поверила в мою историю. На мои же нотации и предупреждения, что это валюта, и об этом не должны знать посторонние, она меня быстро осадила:

— Ты меня-то за дуру не держи, внучек. Я и без твоих сопливых советов разберусь как быть и что делать. Лучше скажи что привезти тебя в подарок?

— Купи себе ГДРовскую швейную машинку «Веритас» и ткани разной, и молний, а мне мультиметр, — произнес я, загодя отрепетированную фразу. Хорошая и мощная машинка была одним из элементов моего плана. На ней шить туристическое снаряжение было сподручнее и проще, чем на слабеньком «Зингере».

— Про машинку это ты хорошо придумал. У нас на швейной фабрике эти веритасы стояли, хорошо шьют и удобные. Надо будет поискать. А что такое этот твой мультик? — бабуля как обычно переврала непонятное ей слово.

— Вот, — я протянул ей бумажку. — Написал, по-русски и по-немецки. Прибор это такой, небольшой, для электрики.

— Поищу, — пообещала она.

Вернулся в свою комнату, собрал учебники на завтра в рюкзак и завалился спать. Но сколько ни ворочался, никак не мог заснуть. В голову постоянно лезли разные мысли, одна хуже другой: вдруг, фотограф — агент КГБ, и скоро ко мне придут? Или вдруг купюры фальшивые, и бабушка с ними попадет в неприятности? Я-то на свет смотрел и вроде водяные знаки есть, но мало ли. Отправит ли она меня в Ростов или поверит и оставит на хозяйстве одного? В общем, всякий бред. Но именно этот бред возбуждал нервную систему и не давал уснуть.

Пришлось воспользоваться старым и проверенным способом. Включил и дал прогреться радиоприёмнику. И начал медленный серфинг сквозь улюлюканье глушилок. Почти сразу наткнулся на знакомую песню, но, буквально через несколько секунд, определив кто это и

что это, продолжил поиск. К моим нервным мыслям сейчас как раз очень не хватало песни «Гости» группы ABBA*****.

Уже почти разочаровался и собирался вернуться к прежде найденной станции, но внезапно наткнулся на выпуск новостей «Радио Канада»*****. Пока регулировал громкость и забирался под одеяло, новости кончились и из динамиков полилась песня «Сестра Кристиан» американской группы «Ночной Странник». О взрослении, любви и прочей лабуде. Под неё и заснул.

Пионербол* — подвижная игра с мячом, схожая по правилам с волейболом. Зародилась в СССР в 1930-х годах и предназначалась прежде всего для детей школьного возраста.

Вышибалы** (доджбол) — динамичная игра с мячом. Рассчитана на несколько человек.

Крона ЧССР*** — менялась по установленному в 1975 году по курсу: 10 советских рублей за 100 крон. Одна крона состояла из ста геллеров.

ППШ**** — 7,62-мм пистолет-пулемёт образца 1941 года системы Шпагина.

ППС***** — 7,62-мм пистолеты-пулемёты образцов 1942 и 1943 годов системы Судаева.

The Visitors (Гости)***** — песня шведской группы ABBA про испуг женщины от ночного визита неизвестных, которые пытаются проникнуть в её жильё.

Радио Канада***** — канадская международная радиостанция, принадлежащая Канадской телерадиовещательной корпорации (Canadian Broadcasting Corporation, сокр. CBC)

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 14

В половину восьмого утра девятнадцатого декабря за бабулей заехали на РАФике*. Она обняла меня, чмокнула в макушку, отстранила от себя, перекрестила и не говоря ни слова молча вышла в подъезд. Я вышел следом и стоял до тех пор, пока микроавтобус не уехал в снежную темноту зимнего утра.

До последнего не мог поверить, что, меня оставят одного на целую неделю. Но вот, оставили. Если бы бабушка окончательно решила отправить меня в Ростов, я бы не сопротивлялся. Мне и так нужно было попасть в этот город.

Во-первых, выполнить данное себе обещание, отправить в милицию письмо про Чикатило. А во-вторых, я недавно подслушал разговор двух торговков на рынке. Об открывшемся недавно магазине на проходной бумажной фабрики, расположенной напротив пригородного железнодорожного вокзала. В котором можно, пока о нём мало кто знает, купить вполне нормальные обои и обойный клей.

Мне до жути надоели серые крашенные стены. Хотелось чего-нибудь повеселее. Вот и планировал совместить приятное и полезное. Главное, выждать сегодня-завтра, а то еще вернутся из-за нелетной погоды или еще из-за чего.

К написанию письма про Чикатило я подошел крайне серьезно. Ещё в том, в моём времени, я читал книги про попаданцев и как они писали письма правителям. Чтобы и отпечатков не было, и перхоти, и чернила ручек подбирали, бумагу и конверты. Делали всё, чтобы их не опознали.

Ну, и я тоже решил пострадать паранойей. Готовился давно, с лета. На макулатуре нашел старую тетрадь с фиолетовыми штампиками Новочеркасской средней школы номер один, на листах. Вырвал из неё пару листиков. Текст писал карандашом, чертёжным шрифтом «тип Б» без наклона. Специалист сразу определит.

Конверт склеил тоже сам, из простой, серой, оберточной бумаги. Негашёная** почтовая марка была куплена у филателистов. Простая марка с советским гербом, но без года выпуска. А на гербе 16 союзных ленточек***. К бумаге, конверту и марке голыми руками не касался. Или через другую бумагу или в вязаных зимних перчатках. От попадания перхоти, волос и кусочков ткани это не спасало, но особо меня и не волновало. Не о государственных секретах пишу.

Главной проблемой, оказалось узнать адрес областной милиции. Но справился и с этим. Даже узнал данные на начальника. И письмо адресовал непосредственно ему. Коновалову Алексею Николаевичу, начальнику УВД Ростоблисполкома. Надеюсь письмо дойдёт и поможет.

В понедельник же и бригаду на предстоящий ремонт собрал. В лице Оли, Жмура и братьев Лубенцов. Очень надеюсь что у нас получится не как у Петрова с Васечкиным, фильм про приключения которых еще только снимают. Хоть я и Петров в прошлом, но Васечкина среди нас нет.

Инструмент в наличии тоже был. Несколько шпателей и одна кельма****. Даже малярный валик для клея. Все это мне досталось от одной старушки в уплату за починку утюга. Её покойный дедуля, видимо, работал на стройке и приволок домой много всякого интересного.

Поехал я в Ростов, как и планировал, в среду. Нас еще на прошлой неделе предупредили, что в этот день будет только два первых урока. А вторая смена вообще не учится, во им свезло! В школе должны были состояться городские методические объединения учителей предметников.

Вот сразу после второго урока я и рванул на железнодорожный вокзал, боясь опоздать на десятичасовую электричку. Но добрался вовремя и опасаясь, что мне мелкому в разгар учебного дня могут не продать билет в кассе, купил его в автомате. Третья зона — сорок копеек. Как раз два двугривенника*****.

В это время, вагоны электропоезда оказались пустоваты. Я долго подыскивал себе комфортное место, чтобы и не дуло из окна и от печки не поджаривало. За окном до Батайска ничего интересного не было, заснеженные поля и посадки. А сортировочная станция Батайска была очень похожа на сортировку Октябрьской железной дороги, в районе родной мне ВЧДр-5*****. Прямо на воспоминания потянуло и до боли захотелось в родной Ленинград. Так, за воспоминаниями и до Ростова-на-Дону доехали. Более или менее пришел в себя под грохот колес электропоезда на мосту через замерзший Дон.

Почтовые ящики обнаружили на стене перед входом в здание пригородного железнодорожного вокзала. Один ящик был классического синего цвета, а второй, красного. Ага, синий это межгород, а красный — внутригородской. Вот в него письмо и кинул. Ну, всё что мог сделать для поимки этого маньяка — я сделал.

Ростова-на-Дону я не знал от слова совсем. Готовясь к поездке, пришлось изучать город с помощью карты-схемы города, которая нашлась в «Атласе Ростовской области». Судя по ней, мне нужно было перейти через реку Темерник, пересечь улицу Сиверса, и первое же строение слева по проспекту Энгельса и было нужной мне бумажной фабрикой.

Проходную я нашел без труда, и магазин готовой продукции оказался там же. Но вот дальше всё пошло не по плану. Продавать мне обоим продавцы наотрез отказались.

— Мальчик, это тебе не детский мир, — заявила мне продавщица. — Приходи с взрослыми и покупай.

— Почему? Я же не водку с сигаретами покупаю, а бумажные изделия, — не сдавался я.

— Тебе же по русски сказали — мал ещё.

Я понуро поплёлся на выход. Нет, конечно можно было и поспорить, и права покачать. Вполне возможно мне бы и продали нужное, но быстрее всего пришел бы дюжий дядька с проходной и за шиворот выставил на улицу. А то еще и милицию вызвали бы. Нужно мне это?

Я медленно брёл вниз по улице, когда глаза внезапно зацепили знакомое лицо. Ба, да это же тот мужик с пляжа. Который помог мне во время солнечного удара и бумажную шляпу научил делать. Как же его звали? Сергей? Игорь? Точно, Игорь! Игорь Алексеевич, врач и младший научный сотрудник. Тем временем, мужчина поравнялся со мной, скользнул по мне рассеянным взглядом и поспешил дальше.

— Здравствуйте, Игорь Алексеевич! — громко выкрикнул я ему в спину.

Спина вздрогнула, мужчина остановился и обернулся ко мне.

— Гм. Здравствуй, — ответно поздоровался он. — Мы знакомы?

— Да. Я — Женя, из Азова. Ну, помните? Пляж, рыжий, солнечный удар.

— А, точно. Не узнал, богатым будешь. Извини, я очень тороплюсь. — он развернулся ко мне спиной и собрался уйти.

— Подождите! — выкрикнул я. — Мне нужна ваша помощь. Всего десять минут.

— Что у тебя случилось? — вновь обернулся он, досадливо посмотрев на наручные часы.

Я кратко описал свою проблему в магазине. Мужик искренне удивился поведению работников торговли, но тем не менее согласился помочь.

Ему без вопросов продали нужные мне четыре рулона обоев по два рубля за каждый и бумажный пакет с фасованным клеем КМЦ*****. Затем он помог обернуть купленные рулоны прихваченными мной газетами и увязать шпагатом для переноски. И только выйдя на улицу со мной, ещё раз посмотрел на часы и грустно сказал:

— Теперь я точно опоздал.

— А это что-то очень важное было? — пролепетал я, только сейчас поняв, что этот человек, выручая меня, сам мог попасть в неприятности. — Может, можно как-то исправить?

Мужчина странно на меня посмотрел, будто решая, можно мне что-то рассказать или нет.

— Заседание кафедры у нас, — он посмотрел на часы. — Через полчаса. А я пешком не успею.

— Вон такси стоят, — я кивком головы указал на парочку желтых волг с шашечками, стоящими рядом с одиннадцатизэтажным домом.

— Я на работе кошелек забыл, у меня только четыре копейки на троллейбус в кармане, — смутившись пояснил он. — Всё, до свидания Женя, пойду я.

— Пойдите, погодите, — кинулся я за ним следом. — Вот, возьмите три рубля на проезд, за помощь в покупке.

Мужик остановился как вкопанный. Резко обернулся и уставился на меня злыми и колючими глазами.

— Мальчик. Ты не прав. Я тебе помог чисто по человечески, а не из-за денег, — он резко шагнул вперед ко мне. — Ты это понял?

Я же испугавшись столь быстрой перемене в его поведении, шагнул в сторону и внезапно поскользнувшись, подбил одной своей ногой вторую, и грохнулся спиной на тротуар. Слава труду, что на свой школьный рюкзак. Связка обоев совершив полет по немыслимой траектории, плюхнулась сверху на мою тушку.

Игорь Алексеевич кинулся поднимать и отряхивать меня. Прохожие, активнодвигающиеся вверх и вниз по тротуару, опасливо обходили нас стороной. Я же немного придя в себя, все же рискнул предложить ему деньги, но по другому:

— Вы мне их вернете, я вам адрес дам. Пришлете письмом.

— Ты опять про деньги? — нахмурился он.

— Вот, — я поспешно сдернул рюкзак и криво вырвав из черновика кусок листа, карандашом написал адрес и свои данные. — Держите. Только письмом отправляйте, а то это мои личные.

Мужчина, поморщившись, все же взял протягиваемые мной листик и мяту трешку.

— Я верну, — кивнул он мне утвердительно и побежал через дорогу к уже единственному таксомотору.

Проследив как он отъезжает на такси, я потопал вниз по улице в сторону близкого вокзала, мысленно удивляясь произошедшему. Банальный поход в магазин за обоями, превратился прямо в мексиканский сериал. А если бы мы ещё пели и танцевали, то в индийский. От этой мысли я довольно громко захихикал, перепугав старушку, идущую мне

навстречу. Та испуганно шарахнулась от меня и стала креститься. Чем еще больше меня развеселила.

Час до нужной мне электрички я просто тупо слонялся по вокзалу. Рассматривал большие картины на втором этаже, бродил по остекленному переходу и развлекал себя, листая старый справочный автомат. Прикольная штука, я уже и забыл что такие существовали.

На обратном пути народу в поезде было побольше, но в основном все сошли на сельских остановочных площадках. В Азов приехал уже в глубоких сумерках, а пока дошел домой и вовсе стемнело.

Дома, после ужина и выполнения домашки, я попытался поковырять краску на стене и понял, что план ремонта придется менять. Раньше я планировал, с помощью одноклассников, зачистить стены от краски, поклеить слой газет, а на газеты уже обои.

Но краска была положена на стены качественно и с большим трудом отковыривалась. Значит придется клеить на краску. Только надо первоначально помыть стены, чем я до полуночи и занимался.

К моему глубокому удивлению, у нашей бригады всё получилось с первого раза. Почти всё. Ну подумаешь, уже на второй полоске перепутали верх с низом. Вовремя спохватились, так и стали клеить полоски в шахматном порядке. Хватило обоев впритык. В рулонах было по восемнадцать метров, но обои очень узкие, всего шестьдесят сантиметров.

Никуда особо не спеша уложились в два дня. Из разрозненных остатков нарезали ленты на бордюры. Отмыли полы, подоконник и вернули мебель на место.

— Ну мы и молодцы, — резюмировал я. — Теперь можем нашей бригадой клеить обои за деньги.

Народ довольно и согласно зашумел.

— А теперь пойдете отмечать. Я коржиков и сочников в кулинарии прикупил.

Это мое приглашение вызвало еще больший энтузиазм. И мы пошли на кухню поедать разные вкусности, которые я сегодня в обед приобрел специально для угощения. Ну и чай пить.

После ухода народа по домам я взялся ставить на место розетки и выключатели, которые снимал перед поклейкой, а места их установок прикрыл самодельными пластиковыми кругляшками. Заодно повесил на голый патрон симпатичный зеленый плафон из пластика. Который купил всего за пятьдесят копеек на рынке у какого-то алкаша.

Комната сразу стала домашней и уютной. Я даже испугался этого. А ну как бабушка отберет её у меня и выселит в зал?

Бабуля вернулась в субботу, поздно вечером. Я уже начал беспокоиться, не случилось ли чего? А поймав себя на этой мысли, был вынужден признать, что, за чуть более полгода моего тут нахождения, успел привязаться к своей новой бабушке.

В половину десятого вечера в дверь постучали. И я, сидевший как на ножах, полетел открывать. Прихожая сразу наполнилась людьми, которые помогали нести бабуле её багаж. Убывала она с небольшим чемоданом, а вернулась еще и с здоровенным ящиком и парочкой баулов.

— Ой, Женька? Что за телячьи нежности? — проворчала она, когда я крепко обнял её.

— Я соскучился.

— Так и я тоже. Всё, хорошего понемножку, а то ластится он. Дай мне хоть раздеться и умыться с дороги.

Пока бабуля приводила себя в порядок, я поставил греться чайник и кастрюльку с борщом. Потом она кушала и рассказывала о полёте на самолёте, где жили, как они ездили на братскую могилу.

И маршал Устинов не помер. Значит я историю восьмидесятых знаю еще хуже чем предполагал. Ну и хрен с ней.

— Машинку себе купила? — не выдержал я.

— Так вон же, в коридоре ящик стоит. Только немецкие у них тоже дефицит. Пришлось польскую брать, но жонки офицерские на базе сказали, что хорошая и мощная машинка. Я еще фурнитуры разной набрала, молний и ткани. Хотела больше, но пришлось делиться с нашими, а то грозили поднять вопрос откуда у меня деньги. Ничего, я им всё припомню.

— Ба. А мне? Купила чего?

— Купила, но не то что ты заказывал. Не продают у них такое. Сказали в Братиславу надо ехать. В Союзе купить и то легче твой этот мультик. Пойдем разбирать покупки.

Польская швейная машина носила грозное название — «Лучник» (łucznik). Мне же перепали две пары зимних перчаток машинной вязки. Ярко-желтые и разных размеров. Как сказала бабуля — «на вырост». И двое итальянских джинсов «Райфл» (Rifle). Одни классические синие, а вторые бежевые. И тоже на вырост. Молодец бабуля, на года вперед смотрит. Я полез обниматься с благодарностями, но оказалось переборщил.

— Чёй-то ты много ко мне ластишься внучек. Натворил, поди чего, пока меня не было?

Я отчаянно замотал головой.

— Или кокнул чего в квартире? — бабушка поднялась с дивана и пошла осматривать квартиру. — Женька! А ну марш сюда! — ожидаемо закричала она из моей комнаты.

«Началось» — пробормотал я и пошел сдаваться. Ожидаемо, с меня потребовали объяснить кто этот ремонт сделал и с каких денег. Моему рассказу что клеил я с одноклассниками не поверили. Пришлось звать соседа-участкового, который был свидетелем нашей работы, когда в первый день пришел за сыном.

Несмотря на довольно позднее время, оба Померанцева не спали и подтвердили, что ремонт делали мы сами. Но бабуля на этом не успокоилась:

— А обои ты где взял, стервец? — начала она накручивать себя по-новой.

Рассказал сказяфку, что купил обои с рук на рынке и клей. Мол в Ростове магазин обойный открылся и оттуда возят и перепродают.

— Вот жулики, — восхитилась бабушка и сделала вид что поверила мне. — А в мою комнату поклеите?

— Да мы с тобой вдвоём поклеим. Или ты нам заплатишь за работу?

— С какого перепуга я вам должна платить? Тебе же они бесплатно клеили.

— Так я их одноклассник. Вот они мне и помогли.

— Тьфу. На всё у него ответы есть. Скользкий ты, Женька, ой скользкий. Весь в деда.

И на этом и успокоилась. А я её ждал, волновался, переживал. А встретились и опять погрызлись.

Оставшееся время до нового года я был занят по горло. Конец четверти, занятия в кружке, подготовка к Новому году. Так как мы уже не начальная школа, то у нас, пятых и шестых классов, новогодняя ёлка проходила без маскарада. Без всех этих зайчиков, рыцарей, мушкетёров и прочих пиратов.

Зато, из начальной школы, мне подвалила куча заказов на деревянные мечи и кинжалы. Да и электрические дела активизировались, народ кинулся доставать электрические

гирлянды из своих запасов, а некоторые не захотели работать. Я от лишнего приработка не отказывался.

Этот новый, 1984 год, я собирался встречать в одиночестве, как и встречал их Женька всё время жителя у бабушки. Бабуля уходила отмечать праздник в свою ветеранскую компанию, а пацана закрывала дома на ключ. Для Евгения это было нормально и привычно. Он просто пораньше ложился спать.

Меня же это немного коробило. Бросать своего единственного родного человека одного? Да еще и в закрытой квартире. Как-то это было неправильно. Но ничего исправить я не мог. В этой семье даже новогоднюю ель или сосну не покупали. Так, хвойные веточки бабушка ставила в вазу и всё.

Решил этот Новый год встретить не ложась спать в отличие от предыдущего владельца этого тела. Благо и телевизор уже был. Смотрел фильмы и концерты, ждал традиционного поздравления нынешнего правителя. Но не дождался. Видимо, Андропов уже совсем плох.

Перебрался к себе в комнату, включил найденный и починенный мной светильник в виде спасской башни кремля. Кто-то выдрал у него шнур с вилкой, а так вполне рабочий был. Единственно, заменил лампочку, крашеную в красный цвет, на синюю под зимнее настроение.

Щелкнул тумблером радиолы и из динамиков полился легко узнаваемый голос Эдит Пиаф и окончание ее песни «Non, je ne regrette rien» (Нет, я не жалею ни о чём). Значит настройки не сбились и никто не глушит «Международное Французское радио» (Radio France internationale).

Отдернув шторы, застелил подоконник одеялом и забрался на него с ногами. За окном шёл легкий снег. Уличный фонарь освещал угол школы и сугробы. Я сидел и смотрел в ночь нового 1984 года. В это время по радио сменилась песня. И Сальваторе Адамо запел про падающий снег. Моих скромных познаний франко-швейцарского патуа*****, которое я освоил на разговорном уровне, проживая в кантоне Валлис, хватило чтобы начать коряво подпевать:

Падает снег

Ты не придешь этим вечером

Падает снег

И мое сердце одевается в черное

Это шелковая свита,

Вся в белых слезах.

Птичка на ветке

Оплакивает колдовство

Ты не придешь этим вечером

Кричит мне мое отчаяние

Но падает снег,

Невозмутимо кружась

РАФик* — советский микроавтобус РАФ-2203 «Латвия». Производился в Латвийской ССР.

Негашёная** — не аннулированная к оплате почтовых услуг. Гасится специальными штемпелями, механическими повреждениями или от простого загрязнения чернилами, красками и прочими надписями.

16 союзных ленточек*** — с 1940 года по 1956 год в СССР существовала Карело-

Финская ССР.

Шпатель и кельма**** — малярно-строительные инструменты. Шпатель — инструмент в виде пластины с ручкой. Кельма (мастерок) — ручной инструмент, отшлифованная с обеих сторон стальная лопатка с изогнутой рукояткой из дерева или пластмассы.

Двугривенник***** — монета в 20 копеек.

ВЧДр-5***** — предприятие проведения плановых видов ремонта или изготовления грузовых вагонов, их узлов и деталей: ВЧД (ВЧДр, ВЧДэ) вагоноремонтное депо.

КМЦ***** — обойный клей на основе карбоксиметилцеллюлозы. Довольно большая редкость в свободной продаже.

Патуа́ (фр. patois — наречие)***** — диалект или язык, который считается нестандартным в рамках определённой лингвистической системы.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 15

Зимние каникулы пролетели одним днём. Катание на коньках, зимняя рыбалка, занятия в секции. Причем, занятия проводил я, наконец, один. Без подозрительных или удивлённых взглядов Владимира Владимировича на меня, пришельца с тау-кита. У нашего руководителя началась зимняя сессия в институте, и он умотал в Краснодар.

С 1 января 1984 года, в городе ввели талоны на сливочное масло. Бабуля повозмущалась, повздыхала, но законопослушно пошла за ними в горисполком. По её рассказу, я понял, что талоны на масло были с 1979 года по 1981 год. А потом их отменили, и народ надеялся никогда их снова не увидеть.

Пока масло в магазинах было. Да и другие продукты и товары тоже присутствовали. Город снабжался очень неплохо, видимо из-за крупного предприятия, Азовского оптико-механического завода, который имел постоянный оборонный заказ и в простонародье именовался «почтовый ящик». «Ты где работаешь? — На почтовом». Естественно всё было очень секретно, но практически вся взрослая часть населения города знала, что завод производит перископы для подлодок и стыковочные узлы для космоса.

Еще он производил и неплохие товары народного потребления. Фотоувеличители «Дон» и «Азов», фотообъективы, детские фотоэлектрические игрушки «Тир», фильмоскопы и еще кучу всего прочего. Кроме всего прочего, с него активно несли запчасти и комплектующие. И на рыночных развалах можно было купить разнообразные лампочки, штекеры и крокодилы*.

Письмо с деньгами от Игоря Алексеевича, пришло на сочельник. Судя по штампам, почти три недели путешествовало из Ростова в Азов. Времена меняются, а почта нет. В письме кроме денег и короткого текста поздравлений с наступающим Новым годом и благодарности за помощь ещё были вложены два билета денежно-вещевой лотереи. Новогодний выпуск за тридцать копеек каждая. Сначала возмутился, подумав о выплаченных процентах, и хотел отправить обратно, но вовремя обратил внимание, что лотерея уже разыграна 29 декабря. Осталось только проверить.

Выигрышную таблицу нашел в областной газете «Молот» от 2 января 1984 года. К моему удивлению, оба билета оказались выигрышные. Один выиграл рубль, а второй — часы-будильник «Слава» электронные. Или можно было взять деньгами, целых девять рублей. Фартовый однако человек, этот Игорь Алексеевич. Сразу сел за ответное письмо, а то еще чего доброго, не дождавшись ответа о получении денег, приедет их отдавать лично.

С выигрышными билетами пошёл сдаваться бабуле. С легендой, типа вот купил случайно, а они выиграли. Бабушка поохала, порадовалась и решила часы получать, а не деньгами брать. Отдал ей оба билета, пусть сама разбирается с выигрышем. В ответ получил рубль, обнимашки, поцелуи и старый бабкин механический будильник.

Присмотревшись к будильнику внимательней, понял, что у нас в доме всё это время был прикольный часовой артефакт. «SERKISOF garanti», 4 lewel, Made in USSR, было написано на циферблате. А под названием, рисунок стремительно несущегося паровоза.

Был в османской империи армянин-предприниматель, который построил завод в Константинополе, на котором производились неплохие карманные часы и механические будильники.

В конце сороковых годов, это предприятие купил СССР и вывез оборудование на челябинский часовой завод. Но согласно приобретенной генеральной лицензии, первые десять лет все часы на этом заводе должны выпускаться под старой маркой. Спустя десять лет эта марка исчезла, трансформировавшись в советскую марку «Слава».

Второго февраля, я, с помощью бабушки, да на новой электрической машинке, смог прошить парашютные стропы. И стал обладателем первой страховочной системы в этом городе. А десятого февраля «Немецкая волна» сообщила о смерти Андропова. По советскому телевидению нам об этом сообщили только через сутки. Его приемником стал Константин Черненко.

Бабуля почему-то обрадовалась назначению Черненко. По её рассказу выходило, что она была знакома с младшим братом нынешнего генсека, Сидором Черненко. Где-то на фронте казаки пересеклись с сибирцами, вот там и познакомились, а потом еще и переписывались время от времени. Пока в 1964 году он не умер.

О старшем брате Сидор всегда отзывался очень хорошо, что видимо и вызвало энтузиазм бабушки. Быть оракулом и предсказывать скорую смерть очередного престарелого правителя я не собирался. Хотя и очень хотелось.

На уроках труда я потихоньку готовился к лету. Так получилось, что наш трудовик совмещал преподавательство с должностью завхоза. И его постоянно куда-то дёргали: то что-то получать, то что-то выдавать. И он предпочитал бросать в кабинете труда нас, четвероклашек. Видимо, по его мнению, мы в силу возраста побоимся полезть к станкам, да и просто рубильник не найдём.

Я же задумал сделать съёмные каркасные сетки на окна, по типу москитных сеток на пластиковые окна из моего времени. Понятно что каркас будет реечный, деревянный. Мне важно было изготовить Z-образное крепление под сам каркас и металлические ручки. Нарезать заготовки можно было и ножницами по металлу, но для отверстий мне необходим был сверлильный станок.

Поэтому я на таких уроках без учителя в наглую узурпировал власть в классе. Выставлял на шухер одноклассника, а сам делал заготовки. Первоначально мне требовалось всего двенадцать креплений и шесть ручек на три оконных створки. Но одноклассники, которые помогали мне клеить обои, узнав, что я планирую, загорелись идеей тоже получить подобное. «Жень, мы же тебе помогали — сделай и нам».

Пришлось делать с запасом, причем с приличным. Так как, посообразав, пришел к выводу, что может появиться даже спрос. Понятное дело, когда местные умельцы поймут, что верхние крепления должны быть глубже нижних, я сразу лишусь монополии.

А поймут это они быстро, так как я физически не мог разместить верхние крепления на рамах. Мне просто росту не хватало. Если в своей квартире и для окна спальни Жмура мне достаточно было лестницы, то все верхние этажи мне были пока не доступны. Ну, за исключением окон выходящих на балконах. Куда я и пообещал сетки Ольке и Лубенцам. И если будет спрос, придётся продавать комплектами, с подробным инструктажем что и куда.

После первых экспериментов по созданию самой рамы, к запасным частям добавились еще угольники для крепления. А одинарный слой пластиковой сетки я счел недостаточным. Слишком крупные ячейки, комар будет пролазить. Пришлось укладывать сетку в два слоя.

Если бы в это время в свободной продаже были застёжки-липучки типа репейник, я просто прикрепил одну часть к раме, а вторую к сетке. И было бы все красиво и просто. Но, к сожалению, это или не выпускалось ещё в стране или этого было очень мало.

На 23 февраля девчонки подарили нам почтовые открытки. Мне же от соседки по парте досталась еще и трехцветная шариковая ручка. «Это жжж неспроста».** Видимо с намёком на приближающееся восьмое марта. Главное, не забыть. По сорок копеек на открытки и тюльпаны с нас, пацанов, классуха уже собрала. Но надо и ответное, что-нибудь личное.

В начале марта директор дворца пионеров Ромашкова Людмила Михайловна, наконец, вспомнила и про нас. Вернее, про поданный нами список необходимого туристического снаряжения. Я уже даже волноваться стал, что так долго никто не реагирует на наши хотелки.

Вызвали разумеется Владимира Владимировича, но тот дёрнул меня с собой, так как список на 99.9 % был мой. А он просто даже и не знал зачем что надо, хотя я и пытался ему подробно объяснить.

Мне показалось, что Людмила Михайловна даже и не удивилась на то, что ответ по позициям поданного списка держит десятилетний мальчишка. Может посчитала, что это такая тренировка капитана команды со стороны тренера, а может и приняла как данность.

С запросами формы для команды разобрались быстро, директор согласилась, что единая командная форма поднимет авторитет дворца пионеров и снизит травматизм на соревнованиях. Да и наличие клещей в лесу никто не исключал, а закрытая одежда хорошо защищает от него тело спортсмена.

Штормовка с капюшоном, брезентовые штаны и армейская широкополая панама. На спине штормовки ярко-жёлтая надпись — «Азовский Дворец Пионеров», а на нагрудном кармане сокращение — «АДП». Благо в шефах была швейная фабрика, которая могла быстро помочь с этим вопросом. Заказ решили делать сразу на два комплекта, для младшей и старшей команд. Дети ведь растут.

Быстро разобрались даже с запросом на новые ботинки с подошвой «Вибрам»***. Так как директор сама когда-то вела секции спортивного ориентирования и понимала, что кеды для бега по лесу мало подходят. Ну, а в случае нужды, мы на эти вибрамы сами трикони**** прицепим. Комплектовать тоже решили на два возраста.

Но кое-какие позиции из списка пришлось буквально продавливать:

— Зачем вам новые карабины? У вас и так их больше сотни!

— Людмила Михайловна, это полуавтоматические карабины. Экономия времени при застегивании до трех секунд, специально для соревнований.

— Не понимаю, что в них такого особенного кроме цены?

— Из титана сделанные, на разрыв три тонны выдерживают и имеют меньшее сопротивление на трение, чем стальные. Нам их и надо то всего тридцать штук.

— По пять с половиной рублей за штуку — это уже 165 рублей. Дорогое удовольствие. Ну ладно, пусть будут.

Показ моей самодельной страховочной системы тоже помог.

— Ладно, пошьем десяток. Но без шефов обойдемся. Старший курс швейной секции попросим помочь.

В общем за пару часов и семь потов мы всё-таки смогли протолкнуть почти весь наш список. Отказали нам только в пошиве рюкзаков и покупке пенополиуретановых ковриков. Но «карематы»,***** по-моему, еще и не выпускают в СССР. А напоники сделаем из резиновых ковриков для ванн.

На восьмое марта подарил Ольке, набор фломастеров со странным названием — «волоконные карандаши». По-моему, девчонка осталась довольна. Ибо сразу пригласила

меня на день рождения, который должен был состояться аж через месяц, восьмого апреля.

Все весенние каникулы, я провел почти безвылазно во дворце пионеров. Обучал детишек и тренера пользоваться пошитыми нам страховочными системами. Заодно, готовились к конкурсной программе. Арендованные в фотокружке юные фотографы с азартом переводили пленку, фотографируя наши тренировки. Для того, чтобы был материал на туристическую газету. А вожатая Верочка разучивала с девчонками разные песенки на конкурс песен.

Я же мучился выбором. Все никак не мог решить что подарить Сидоровой на днюху. И я, не мудрствуя лукаво, попросил совета у бабули.

— Растёшь, шельмец, — как-то грустно пробурчала бабушка в ответ на мою просьбу, и тяжело вздохнув, зарылась в сундуке. — На, держи, кавалер, — протянула она мне какую-то коробку. — Как знала, взяла несколько наборов для рукоделия.

— Спасибо, ба, — я с чувством обнял её.

В пластиковой коробочке с названием «Mladá remeselníčka» (юная мастерица) оказались инструменты и материалы для вышивания и рукоделия. Шикарный подарок, думаю Сидоровой понравится.

Олька, и правда, была на седьмом небе от счастья. Ну, или очень искусно имитировала его. Приглашенных было человек десять. В основном наши одноклассники, но и парочка родственников. Праздничный стол и беседы по интересам, вот и весь день рождения. Для танцев мы еще слишком маленькие. Я бы может и потанцевал, но предложено не было. Из смешных курьёзов — Ирка Петрухина подралась с Витькой Померанцевым. Не сошлись в споре по «лунному вопросу» из книги Беляева «Звезда КЭЦ». Спорили о растительности на обратной стороне луны. Витькино увлечение фантастикой заразно.

На первомайскую демонстрацию я не попал. Видимо, опять, «русистка гадит». Меня, от нашего класса, поставили в почетный пионерский караул возле бюста Ленина. Где я в компании девчонки из 4«б» и простоял два часа, до того как нас сменили пятиклассники. Как оказалось, даже к лучшему. На праздничные колонны демонстрантов налетела гроза и все промокли.

Зато на 9 мая я оторвался по полной. Двойной праздник как-никак. День Победы и бабушкин день рождения. Утром с бабулей, посмотрев по телевизору встречи и демонстрацию ветеранов в Москве, сходили на демонстрацию и мы, к городскому мемориальному комплексу «Павшим за Родину». На липовой аллее, напротив железнодорожного вокзала формировались колонны ветеранов. Где она и встретила со своими однополчанами.

А вечером, компанией человек в двадцать, отмечали у нас её днюху. Гулеванили они долго, пели песни, танцевали. Разошлись ближе к одиннадцати вечера. Свой подарок я смог ей отдать только на следующий день после занятий в школе. Как обычно, долго мучился выбором, что подарить. Купил ей летний халатик, вроде угодил.

Через четыре дня, отмечали уже моё одиннадцатилетие, в отличие от днюхи бабули, скромно и малоллюдно. Пригласил Лубенцов, Жмура и Сидорову с Петрухиной. Поели пюрешки с котлетами и различных пирогов с чаем. Торты бабуля не умела делать.

Одноклассники надарили мне всякой лабуды. Пластиковых солдат-кавалеристов, набор карандашей, точилку и комплект резиновых стёрок. Олька подарила лобзик с запасными пилочками и струбциной. Один более или менее нужный подарок.

Самый дорогой подарок сделала бабуля. Даже не ожидал от неё подобных трат. Хотя

подарок был шикарным. Складной велосипед «Кама». Судя по чеку, отдала она за него 92 рубля. Долго обнимал и благодарил, а потом уехал кататься. Как хорошо, что мы живем на первом этаже. Затолкать велик на пять ступенек, это не то что в Ленинграде на четвёртый этаж заволочь. Пусть у меня там и легкий «Орлёнок» был.

Школу я закончил почти отличником, всего с тремя четверками. По русскому языку, родной литературе и рассказам по истории СССР. С классной руководительницей-то всё ясно, но где я успел историку насолить? За мои ответы он мне выше четверки никогда не ставил.

И удовлетворительно по поведению за год, и неудовлетворительно за четвертую четверть. На последнем уроке физкультуры, я, играя с пацанами в футбол, «удачно» влепил мячиком в окно спортзала.

Сдаваясь вечером бабуле, с этим проступком и записью в дневнике — «принести пять рублей на стекло», я ожидал криков, ругани и даже был готов к телесным наказаниям. Но, к моему глубокому недоумению, бабушка лишь размашисто перекрестилась и, обняв меня, заплакала. Из её причитаний и всхлипываний, я понял что она радуется:

— Не подменили, слава тебе, Дева Мария! Спасибо, Пресвятая Богородица.

И видя моё ошарашенное и даже испуганное лицо, она сквозь слёзы улыбнулась и перекрестив меня ещё раз, выдала:

— Заплатишь из своих. Понял, хулиган?

— Да, ба. Конечно, — быстро согласился я.

А сам прибывал в мрачных размышлениях. Это что же? Она подозревала, что я не её внук? Но как тогда понять всё её подарки? Особенно велосипед. Или она чокнулась на старости лет? И считала меня одержимым? Мда уж. Не хотелось бы получить в грудь осиновый кол. Или чем у казаков изгоняли нечисть? Не, не, не. Нафиг мне такое счастье! Надо раз в год, что-нибудь крушить, ломать или с кем-то драться. Пусть считает, что я просто взрослою и меняюсь.

Ладно, подумать над этим будет еще время, а завтра у нас стартует городской туристический слёт школьников и учащийся молодёжи. К которому целый год готовился я, и натаскивал свою команду. Надо выспаться.

Мы — туристы-начинатели

И природы изучатели,

Мы — естествоиспытатели,

Кругозора открыватели,

Рюкзака мы собиратели,

Штурманы, кладоискатели,

Карабинов пристяжатели

И узлов морских вязатели,

На тарзанке мы летатели

И через ручьи скакатели,

Быстро трассу пробегатели

И медпомощь оказатели.

И девчонок наших — ах! —

Парни носят на руках.*****

Зажим «крокодил»* — электромеханическое устройство, используемое для быстрого соединения/разъединения контакта проводов при монтаже или иных работах со

слаботочными и электрическими сетями.

«Это жжж неспроста»** — фраза Винни-Пуха из советского мультфильма.

Вибрам*** — тип рифленой (глубокий рельеф) подошвы обуви — собирательное название для всей альпинистской обуви, имеющей подошву из литой резины и обеспечивающей хорошую сцепляемость с горным рельефом.

Трикони**** — стальные зубчатые набойки на подошвы горных ботинок.

Каремат***** — туристический коврик для сна и каркаса рюкзака из вспененного материала на основе пенополиуретана.

Крутой турслёт***** — стих Виталия Шарова.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 16

— Вот зачем я с тобой связался? А? — Владимир Владимирович в сердцах швырнул стопку документов на стол.

И я его прекрасно понимал. Столько всего надо было подготовить к турслёту, что голова кругом шла. Ну, это по-первой. Потом втянется и это станет рутиной, которую выполняешь уже на автомате.

Приказ по дворцу пионеров, выписки из этого приказа каждому участнику в двух экземплярах. Чтобы и дома, и в школе предъявить. Справка от врача с пометкой — «здоров», и печать врача напротив каждой фамилии в списке. Письменные разрешения от родителей каждого участника.

А еще списки: кто и за какое имущество отвечает, заявки на участие в том или ином виде соревнований с полным списком основной команды и запасных. И всё, практически всё, в двух экземплярах.

— Да ладно, всё же уже давно подготовили. Осталось только загрузиться, доехать и разгрузиться, — попытался я его успокоить. — Вы, лучше, документики в пакет положите и в папку приберите, а то, не дай Черненко, потеряем.

— На, — швырнул тренер мне всю пачку документов. — Сам меня во всё это втравил, сам и за документами присматривай. А я пойду погрузкой руководить.

Дама сдавала в багаж

Диван,

Чемодан,

Саквояж,

Картину,

Корзину,

Картонку

И маленькую собачонку.*

Вот так и у нас, багаж. Нормальные туристы пешком ходят и всё своё в рюкзаках приносят. Но я то люблю комфорт и съел пуд соли на всех этих соревнованиях. Сначала как участник, а потом как тренер. Если есть транспорт и имущество, тогда и соревнования в радость.

Наш багаж везёт «ЗИЛ-130».** Это не от того, что у нас столь много вещей, а из-за того что мы везем газовые баллоны. Их в автобус с детьми нельзя. Вот и перевозят отдельно. Заодно несколько парт и спортивных лавок, ящики с продуктами, посуда и грузовые палатки. Запас дров для вечерних костров и даже деревянные щиты под туалет. Списанные спортивные маты, которые мы с «матами» еле выцарапали из завхоза. В общем — до хрена.

Людей везёт автобус «КАВЗ»*** Восемнадцать детей со мной, одиннадцать пацанов и семь девчонок. Из основной команды, всего шестнадцать, еще двоих девятиклассников нам навязала директриса. Один боксёр на всякий случай, а второй фотограф и кинооператор, будет снимать наши достижения.

И трое взрослых, надзирающих, сопровождающих и обеспечивающих наш быт. Руководитель — Владимир Владимирович Партянов, вожатая Верочка — отвечающая за конкурсную программу, и повар нашего дворцового кафетерия, тетя Зина. Вот для неё и

газовые баллоны, плита, посуда, и продукты.

На прошлых соревнованиях для приготовления пищи и просто для костров народ стал рубить и пилить зеленные деревья. Но тут пришел лесник и всё запретил, а местное отделение комитета лесного хозяйства еще и оштрафовало отдел образования. Поэтому с этого года дрова привозные.

На дрова нам выдали сотню старых овощных ящиков. «Прежний» Женька, при виде такой горы будущих мечей выпал бы в осадок и попытался бы слямзить хоть что-то. Мне же было по барабану, лишь бы на два вечера хватило. Сто ящиков в штабеле — это ого-го. А когда на досочки разберёшь — скромная стопка плашек.

Для столовой же едут парты и лавки, а также палатка «УСТ-56»****. Она одна весит за сотню килограмм, пусть и лишилась тамбура, деревянных рам и внутреннего утеплителя. Да освещение для неё из пары заряженных мотоциклетных аккумуляторов.

В общем, едем как баре. У остальных школ не то что автобуса нет, а даже трактор не всегда есть. И их на соревнования вывозят силами подшефных предприятий или мобилизованных родительских автомобилей. Это училища и техникумы шикуют и мы.

На самом деле, пешком наверное от дворца пионеров было бы быстрее добраться. А на транспорте аж целых три километра. Через весь город к новому «бетонному» мосту. Мост построен не просто для удобства горожан, а для новой насосной станции, которая питает водой город и часть близлежащих сёл.

Раньше водоканал забирал воду прямо из речки Азовка. Но, с увеличением населения, воды стало не хватать. Поэтому и построили новый мост, дорогу и насосную станцию, берущую воду прямо из Дона. Воды теперь всем хватает, вот только качество её заметно упало. Азов же последний населенный пункт вдоль течения реки, и все выбросы и стоки достаются ему.

За этими размышлениями я и не заметил как мы добрались до места назначения. Лес, где проводились соревнования, был небольшой, около двухсот гектаров. Готовясь к конкурсу краеведения, мы изучали и историю этого леса. В 1935 году, комсомольцы города высадили здесь около десяти тысяч саженцев разных деревьев. Но весной 1945 года, во время страшного нагонного ветра, лед начисто срезал все насаждения.

И только после окончания строительства Цимлянской ГЭС, и начала регулирования паводков, лес был высажен заново. Тополь, клён, ясень, дуб, калина и липа — основные породы растущих здесь деревьев. За тридцать лет лес вырос не только вверх но и в ширь. В нём поселилось множество птиц, зайцев, белки, а некоторые очевидцы рассказывали даже про волков и кабанов.

Зимой, проводя тренировки по ориентированию, пару раз натыкались на странных собак, следящих за нашими тренировками. Может, и правда, это были волки, агрессии они не проявляли, и мы внимания на них особо не обращали.

Возле края леса оборудовали свой лагерь представители спецслужб. Пожарные, милиция и медики. Стояли два УАЗика-буханки*****: милицейский и скорой медицинской помощи. А также пожарная машина.

Народ потихоньку начинал уже прибывать, так как на 14.00 было запланировано открытие и соревнования по технике пешеходного туризма для личников*****. На второй день — командные соревнования, конкурсная программа. На третий — спортивное ориентирование, награждение и отбытие домой. А на наше место заезжают учителя для учительского турслёта.

Лагерь поставили быстро и слаженно. Недаром столько тренировались. Не обошлось и без забытых вещей. ВВП, командовавший погрузкой, умудрился забыть все десять флагов с питьевой водой. Как можно было проигнорировать десять сорокалитровых алюминиевых бидонов — ума не приложу? Но вот как-то у него это получается. Умотал на грузовике обратно во дворец за водой.

А тут внезапно зовут руководителей регистрировать команды и сдавать прочие документы. Пришлось прихватить для солидности Верочку и нести документы самому. На меня конечно косились, принимая документы, но вожатая вовремя пресекала всякие поползновения типа — «мальчик позови своего руководителя». Представляла меня капитаном команды, а себя помощником руководителя.

Руководил проведением соревнований представитель управления образования Виктор Борисович Печкин. За что народ в кулуарах именовал его почтальоном*****, а некоторые особо близкие и в разговорах именовали его — «Печик».

Ему я и предъявил наши страховочные системы. По положению соревнований, явно скопированных с областных, разрешалось использовать подобные системы и проходить навесную переправу***** с одним карабином. В живую же почти никто из присутствующих прохождения этапа подобным способом не видел и мог вполне спокойно оштрафовать. Вот и пришлось подходить заранее, чтобы руководство предупредило судей.

Не знаю где потерялся наш руководитель, но пропал он часа на три и пропустил не только регистрацию, но и открытие соревнований. Десять школ, два профтехучилища, два техникума и наш дворец пионеров. В общем строю, мы выглядели лилипутами в стране гулливеров. В основной массе школы традиционно выставляли старшекласников, про училища и техникумы можно вообще промолчать.

Окружавший нас народ, откровенно на нас пялился, тыкал пальцами, ухмылялся и зубоскалил. Я боялся, что мои детишки растеряются и испугаются. Но ничуть не бывало. Пацаны и девчонки хоть и были не в своей тарелке, старались держаться бодро и весело.

Тренер объявился буквально за полчаса до начала соревнований.

— Владимир Владимирович, где вас носит? Через полчаса соревнования уже стартуют, а я на жеребьевке***** вытащил первый номер.

— Так бежишь же ты, зачем я тебе? — удивился он.

— Вы тоже бежите, вместе со мной.

— ???

— Бегунком.

— Не понял...

— Вот лист бумаги, на нем табличка с этапами соревнований и фамилиями судей этих этапов, — я передал ему листок. — Ваша задача бежать позади меня и собирать данные по моим штрафам или их отсутствию с подписью судьи.

— А почему я? Пошли кого-нибудь из команды.

— Так раньше никто не делал, нас мелких пошлют просто-напросто, а от вас, уже не отмахнутся, — подробно объяснил я.

— Хм, ну, ладно. Надо так надо.

— Только не теряйтесь, проявите настойчивость. А лучше, сейчас этапы обойдите и предупредите.

Затем инструктировал нашего фотографа, кадры каких этапов нам более важны. Юрий Викторович, руководитель фотокружка, не пожалел выделить парню два фотоаппарата. Киев

-60 с цветной плёнкой, ФЭД-5 с черно-белой пленкой и кинокамеру «Аврора». Наш юный фотограф, увешанный своей техникой, выглядел настолько важно, что с ним здоровались абсолютно все, что вгоняло парня в смущение.

Не забыл я и про Веру Павловну. Той предстояло стоять на старте-финише с секундомером и фиксировать как моё время сегодня, так и командное — завтра.

Позвали на старт, записали данные, я еще раз проверил снаряжение и обратки на системе. Тщательно перевязал шнурки на кедах и убрал концы и бантики внутрь, во избежание, так сказать. Вокруг толпа народу, все говорят, смеются, постоянно снуют туда-сюда. Отвлекает и раздражает. Закрыв глаза, глубоко подышал, отрешился от всего. Всё. Готов.

Ну, наконец. Старт. Рванул вперед. Первый этап — узлы, вытянул карточку «прямого с контролками», завязал, отдал судье и побежал дальше. Подъём еще простой, неотрывное скольжение руками, без схватывающего узла или узла Бахмана. До применения этих узлов на соревнованиях ещё лет пять, как минимум.

На траверсе защелкал карабинами. Специально оставил с муфтами, чтобы не смущать судей непонятной застежкой полуавтомата. Спуск в рукавицах. Чуть не обжёгся. Хоть и довольно пологий склон, но я спешу и трение довольно приличное. Надо будет ладошки бинтовать для дополнительной защиты.

Навесная. Довольно высоко для моего роста. Подпрыгнул, подтянулся, защелкнул карабин, замуфтовал и шур-шур-шур — заработал ногами отталкиваясь от верёвки и руками перебирая её же. Раз-два, две секунды — и я на противоположной стороне. Приподнять таз, размуфтовать и отщелкнуть карабин. Повис на руках, глазами ища контрольную линию, прыжок — бежим дальше.

Этап кочки, в виде покрывшек. Ну, прыгать я люблю. Прыг-скок, прыг-скок, вроде чисто прошёл. Следующий и последний этап — маятник. Какой мальчишка не любит тарзанку? Тем более, это не скальный, а самый простой — кусок веревки на толстой ветке дерева и две контрольные линии. Прыгнул, перелетел, бежим на финиш.

Финиш, секундомеры у Верочки и судьи показали одинаковое время — три минуты и двенадцать секунд. Следом пришуршал и тренер с бумажкой-бегунком. Все подписи есть, везде без штрафов. А тут и мелкота моя налетела с обнимашками и поздравлялками. Еле от них отбил. Я же первый бежал, после меня еще двадцать два человека.

Как знал, что попытаются смухлевать со штрафами. На подведении итогов, у меня вылезло аж три штрафа. Один из которых — срыв, тянул вообще на снятие с этапа. Но против свидетелей и подписанной бумаги никуда не попрёшь. Тем более, что лучший результат после моего, аж пять минут. Тут только снятием и можно протолкнуть кого-то наверх.

Так что первое место в личном зачёте мое. Ура! Гуляем. Ну как гуляем? Сидим в лагере, едим вкусняшки и играем в мафию.***** Я, сдуру, зимой научил команду этой карточной игре. И всем зашло. Настоящие битвы и расследования. Почти каждая тренировка заканчивалась одной или двумя партиями. А сегодня и завтра мы не ограничены по времени, за исключением отвлечения на костер и запекание картошки.

Остальные же лагеря колобродили. Дискотеки отменили на турслёте давно, после массового побоища. Но и так приключений хватало. Старшеклассники, почти все без исключений, притащили на природу спиртное и теперь бухали. Их руководители не отставали от своих подопечных и тоже квасили с коллегами. Причем зачастую прямо в

открытую, ничуть не смущаясь присутствием школьников.

Наш тренер тоже растворился в этом лесу, но у нас оставалась защита в лице вожатой, повара и двух крепких парней, которые оказались идейными трезвенниками, а после первой совместной партии в мафию и её поклонниками.

Мои опасения были не беспочвенными. Несколько раз из темноты проявлялись разные личности с целью — занять дров, стрелнуть сигарет, познакомиться с девчонками. Но их удавалась отшить.

Командную технику на следующий день прошли не так чисто, как я личную. Были и штрафы, правда мелкие. В основном — заступ за контрольную линию. Эти штрафы и съели наше преимущество в скоростном прохождении навесной переправы. В итоге, заняли четвертое место. Обидно, но не сильно. Мы еще маленькие и слабенькие. Подрастём и всем покажем. Вот примерно в таком ключе я команду и успокаивал.

Конкурсную программу прошли тоже хорошо. Большой плюс в общий конкурсный зачёт принесла туристическая газета со свежими фотками. Наш фотограф метнулся во дворец и через час притащил готовые фотки. По конкурсам мы заняли третье итоговое место.

В последний день прибывания мы по полной оттянулись на спортивном ориентировании. Хотя назвать это убожество ориентированием нельзя совсем. Из года в год места контрольных точек не менялись, все предыдущие участники знали наизусть где их искать.

До эпохи компостеров еще очень и очень долго. Наверное только на союзном, республиканском и столичном уровнях их и используют. Здесь же, на точках сидят живые люди, которые чаще всего сами и приманивают спортсменов криками.

Мы, за год тоже выучили места предполагаемых точек, благодаря помощи учеников разных школ, которые участвовали в этом соревновании. Среди кружковцев дворца мы кинули клич о помощи и такие люди нашлись.

В отличие от других участников этого соревнования, мы собирались бежать в наших костюмах и ботинках. Через кушери***** и заросли крапивы. Остальные предпочитали натоптанные тропинки.

В целом, наш план удался. Как ни удивительно, но мы заняли первое место по ориентированию. Пусть и были мокрые от пота почти насквозь, но уделали всех этих великовозрастных бегунов. Тем более, что многие из них были сильно уставшие после двух ночей гулек.

На итоговом торжественном построении получили кучу грамот и призов. Компасы Андрианова на ремешке каждому участнику ориентирования. И по монетнице-копилке каждому. Как-никак умудрились с бухты-барахты занять третье место в общем зачёте. Детишки, да и я, чего скрывать, были на седьмом небе от счастья. Вроде всё у нас получилось, теперь можно и дальше стремиться. Вперёд и вверх.

По домам нас развозил автобус, привезший нам на смену преподавательский состав дворца пионеров.

Каждого индивидуально по месту прописки, как приказала водителю директриса. Я, как капитан, проследив за этим, был доставлен домой самым последним.

Багаж* — стихотворение поэта Самуила Яковлевича Маршака, написанное в 1926 году.
ЗИЛ-130** — советский среднетоннажный грузовой автомобиль третьего поколения разработки и производства автомобильного завода имени Лихачёва в Москве.

КАВЗ-685*** — советский автобус среднего класса капóтной компоновки на грузовых

шасси ГАЗ-53-12. Производился на Курганском автобусном заводе.

УСТ-56**** — Палатка всесезонная, унифицированная санитарно-техническая, образца 1956 года. Предназначена для медико-санитарных и технических целей, для временного проживания личного состава в полевых условиях, хозяйственных нужд, а также для ремонтных мастерских, штабов, столовых, организации мероприятий активного отдыха и других применений. Палатка УСТ — 56 изготовлена из брезента повышенной водоупорности.

УАЗ-452 (буханка)***** — семейство советских полноприводных малотоннажных грузо-пассажирских автомобилей повышенной проходимости, производящихся на Ульяновском автомобильном заводе.

Соревнования личников***** — индивидуальные соревнования учеников на скоростное прохождение технической дистанции.

Почтальон Пёчкин***** — персонаж произведений детского писателя Эдуарда Успенского, и серии советских мультфильмов снятых на их основе.

Навесная переправа***** — метод преодоления протяжённых препятствий (рек, каньонов, ущелий) при помощи альпинистской верёвки, закреплённой между двумя опорами (деревьями) по разные стороны от препятствия.

Жеребьёвка***** — процедура решения какого-либо вопроса с помощью жребия — чаще всего номерков.

«Мафия»***** — командная психологическая пошаговая ролевая игра с детективным сюжетом, моделирующая борьбу информированных друг о друге членов организованного меньшинства с неорганизованным большинством.

Кушери (южнороссийское)***** — кусты, заросли кустов или высокой травы или высоких сорняков.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 17

В четверг, седьмого июня, я сидел на крыше своего дома, в тени от надстройки шахты чердачного выходаи, глядя «в ту степь», размышлял. Я здесь уже ровно год. Вроде бы только вчера попал в это время и в этот город, а год пролетел. По себе старому, знаю чем старше становишься — тем быстрее бежит время. Было десять, не успел оглянуться — стало одиннадцать, было двадцать — стало сорок и так далее.

За этот год, я избавился практически от всех вредных привычек из будущего. Прекратил размахивать руками в темных подъездах в попытках получить свет от тормознутых инфракрасных датчиков движения. Перестал ожидать щелчка сработавшего газ-контроля на выключенной газовой плите или колонке.

Первые несколько месяцев, просыпаясь по утрам, с затаённой надеждой ждал песню Глюкозы — «Швайне», которая у меня стояла на мобильнике в качестве будильника, и разочарованно вздыхал, слыша вместо песни ворчливый голос своей новой бабушки.

А как меня ломало из-за отсутствия интернета! Но переборол и это. А потом, практически заставлял себя увлечься новой жизнью, придумывал себе приключения, искал хобби. Ибо моя лень всегда была со мной. И она постоянно твердила — зачем? Ведь ты уже это делал, учился, тренировался, проходил! Нафига? Но и её переборол и загнал поглубже.

И даже выстрадал генеральную цель своей новой жизни и того, что я хочу получить в будущем от неё. Пусть и грубую, без подробного ежегодного планирования, но цель. Лишь бы этот мир был моим. Так как многое завязывалось на прошлую память.

Самое главное — я почти полностью разучился материться. Вернее отучили. Стукнулся в автобусе, непроизвольно матюгнулся — норма в нашем мире. Даже от детей, и никто им не указ, ибо связываться с детьми в наше время — себе дороже.

А здесь сразу прилетает подзатыльник от абсолютно незнакомого человека под одобрительные высказывания окружающих. И ничего не сделаешь. Поэтому, если и матерился, то молча. Или искал замены, про всякие блины, ёжиков и прочие детские ругалки. И как-то вот так молча и альтернативно всё и вылетело из меня.

Подул прохладный ветерок с моря, явно начиналась низовка и можно будет завтра сходить на рыбалку или за раками. Меня, на днях научили драть раков, то есть ловить их руками, выдергивая из норок. Раньше, в Луге, я ловил их только на раколовки. Прикольное оказалось занятие, за час ныряний, надёргал три десятка.

Деревья пока еще не выросли и не закрывали обзор на город. Слева краснело здание моей школы, а впереди, среди моря частного сектора, просматривались редкие многоэтажки и корпус завода торгового оборудования.

Задумчиво почесал шелушащийся нос. Я уже успел обгореть и теперь активно облазил, сдирая с себя кожу целыми пластами. Не удержался и съездил с пацанами на «машинный» пляж. Благо теперь и велик есть. Ну, а там как-то незаметно и сгорел. С моей рыжей мастью это раз плюнуть.

Ладно, пора и честь знать. Тем более что сегодня у нас постирочный день и мне надо баул с бельём волочь в прачечную. Хорошо что сейчас это легче: и я подрост, и велосипед мне в помощь. Может бабулю на стиралку подбить? Ага! А где она сушить будет бельё? Балкона у нас нет, а на бельевой площадке во дворе сейчас это не реально, стройка же

рядом. Мечты, мечты. Или это опять лень вылезит?

Школьную отработку в этом году я тоже решил пройти в июне. И всё дело не столько в новых учебниках, сколько в том, что нас, уже пятиклассников, могли спокойно засылать по колхозам. Сорняки рвать или ранние овощи добывать. Мне этого не хотелось, а память подсказывала, что в июне на подобное никогда не посылали.

Да и занятия во дворце пионеров никто не отменял. Хоть Владимир Владимирович и свалил на летнюю сессию, но мне, как капитану, вполне доверяли. Тем более, что на осень этого года у нас был запланирован поход по западному Кавказу.

Вот я и обучал детишек, как пользоваться альпенштоком*. И как правильно и безопасно передвигаться с ним по крутому склону. Благо, склонов и глубоких ущелий у нас под боком хватало. Это я про крепостные земляные валы и рвы.

Наш удачный дебют на турслёте принес нам не только грамоты и призы, но и славу. О нашей победе была даже статья с фотографиями в местной газете «Красное Приазовье». К этой славе и потянулись мальчишки и девчонки из разных школ. Так как у нас была младшая группа, то и набирали не все возраста, но тем не менее, четверо новеньких влилось в наш коллектив.

Если в старой команде моё лидерство в течение года практически не подвергалось сомнению, а после турслёта стало непререкаемым, то с новенькими пришлось повозиться. А с одним наглым двенадцатилеткой даже подраться.

На драку это особо и не походило, мальчишка был крупнее меня и видимо имел представления о спортивной борьбе, поэтому кидался на меня в попытках обнять, завалить и забороть. Мне хватило всего нескольких ударов по конечностям и в корпус, чтобы вывести его из этого боя. Естественно, что после своего поражения он оставаться в секции не пожелал, чему я был искренне рад.

Неожиданно для меня к нам записалась и Сидорова. Которая довольно быстро нашла общий язык с остальной командой и наверстала отставание в технической подготовке. Я в общем не имел ничего против, у Оли был свой велосипед «Салют», и мы ездили на занятия вместе.

Мои поползновения в привнесении в этот мир ноу-хау с оконными сетками потерпели полное фиаско. Ну, не совсем полное. На свои окна и окно соседа, я с грехом пополам сетки установил.

Бабуля восприняла мою задумку с радостью, так как ей не надо было теперь крепить марлю канцелярскими кнопками к раме. Кнопки не давали раме плотно закрываться, что приводило к заливам воды во время дождей и страху перед грабителями. Которых она постоянно боялась и даже имела идею фикс — установить решетки на окна. Но в этом её останавливали цены на изготовление и установку, и мои аргументы, что от тротуара до наших окон, целых четыре метра высоты.

Эпопея с сетками вышла почти эпопейная. Сначала всё упиралось только в отсутствие большой лестницы. Но этот вопрос мы с Жмуром решили быстро, позаимствовав лестницу с ближайшей стройки. Мы потом честно вернули её обратно. Перекинули через забор, на стройку.

Следом возникла проблема с мелкими шурупами к Z-креплениям. Нашли и их. Затем у меня не хватило сил вручную их закручивать в деревянную раму. И я стал подумывать где приобрести ручную электродрель и кого просить припать крестообразную отвертку к сменному кулачку.

Все эти идеи с переделкой дрели в шуруповерт полезли в мою голову явно от перегрева. Еще немного подумав, я просто стал пробивать в раме канал гвоздём, а потом в него спокойно вручную вкручивал шуруп.

Мои манипуляции с окнами почему-то никого не заинтересовали и массового спроса на сетки естественно не возникло. Все изготовленные детали я затем тратил только на ремонт наших окон и на редкие установки, подругам бабули.

Мучился я, мучился, с сетками. Поставил. А тут, как назло, попался мужичок с соседней стройки. Ходил и всем тайком предлагал шуруповёрт за пятёрку. Видимо выпить очень хотелось. Соседи нос воротили от непонятого агрегата, не дрель — а хрень какая-то. Я же купил, не забыв проверить на работоспособность. Пусть лежит, пригодится.

Братьям Лубенцам и Сидоровой я на окна так ничего и не поставил. Их предки отказались от идеи дырявить рамы. Ну и слава великому Марксу. А то устанавливать на балконе второго этаже у Сидоровой — это одно, а на пятом этаже Лубенцов — уже как-то стрёмно.

Вместо сеток я им сваял из водопроводных труб по прикольному светильнику в форме человечка. И неожиданно для меня, на подобные светильники нашелся спрос. И мне стабильно заказывали две, три штуки в месяц. Чаще всего на подарки. Я даже нарисовал эскизы разных прикольных ламп и составил настоящий каталог, из которого люди и выбирали. В зависимости от количества материала светильники стоили от пяти до двадцати рублей.

Особой популярностью пользовались двойные прикроватные светильники в виде подсвечников из водопроводных труб с выключателем-вентелем, установленным на реостат. Бабуле мои осветительные приборы не нравились, и из подобных у нас дома была только одна лампа в моей комнате. Что не мешало бабушке заказывать мне их в качестве подарков на дни рождения её друзей и подружек.

В первый раз, прося меня сделать подарок, даже попыталась расплатиться. Но, уже зная её характер, я пресёк это действие, немного подкорректировав его:

— Вот, ба, — я поставил перед ней пустую полулитровую банку с пластиковой крышкой.

— Это чего такое? — она подозрительно на меня покосилась и на всякий случай отодвинулась.

— Копилка. Будешь туда класть деньги за подарки. Накопится, куплю себе магнитофон.

— Ну ты и шельмец, — восхитилась моей хитростью бабуля, видимо ожидая что я и вовсе откажусь от вознаграждения. — Весь в деда.

Но больше пятёрки за изготовленный подарок в банку не клала. Но и так прогресс на лицо, за лето скопилось двадцать пять рублей. Так, потихоньку, может я её и приручу, что я не просто «шельмец», «вахлак», «фулюган» и «dummkopf»**.

С разговорным немецким у нас с ней вполне хорошо. По субботам и воскресеньям мы общаемся исключительно на нём. И мой, как она думает — языковой прогресс, полностью записывает на свой педагогический талант. Ну, а я не против.

В начале июня снова понизил свою карму, сперев с секции юных археологов части миноискателя ИМП-2***. Они, у этих безруких археологов, чуть ли не штабелями лежат. Или поломанные, или не умеют пользоваться. Секция полным составом укатила в летний археологический лагерь. А в их кабинете ремонт затеяли и всё имущество в коридор вынесли.

Внешний блок питания с сумкой для его переноски и блок обработки сигналов в чехле. Головных радиотелефонов я не обнаружил, видимо им ноги приделали раньше меня, а все эти трубки, штанги и поисковый элемент мне не нужны. Сам сделаю. Блок питания оказался кассетным, на две плоские батарейки «3336».

Как-то раз, возвращаясь с рыбалки, наткнулся на несколько плодоносящих жердел**** в посадке. Набрал с собой, домой. Чем привел в экстаз бабулю. И потом несколько дней шерстил все пригородные лесопосадки, привозя домой пару ведер этого плода. Бабушка варила из него варенье, сушила на курагу и закатывала компоты. А еще, варила вареники, пальчики оближешь.

В одной из поездок нарвался на цыган, которые тоже промышляли добычей этого плода. Быстрее всего на продажу. Двое парней, лет по пятнадцать — шестнадцать. Попытались отобрать у меня велосипед, но не на того нарвались. Я хоть и меньше и слабее их, но сухие дрыны в лесопосадке никто не отменял. Так остервенело махал палкой, что даже в раж вошел. Несколько раз неплохо приложил этих парней по рукам, ногам и головам, из-за чего они поспешно и ретировались.

В начале августа нам, наконец, показали фильм, отснятый на турслёте. Шестиминутная короткометражка получилась. Прикольно то, что нам, туристам, её показали уже после участия этой фильмы в областном конкурсе молодёжных работ. Она даже третье место заняло. А потом спохватились, что надо бы и актёрам показать.

Сразу после фильма, Юрий Викторович который и крутил нам фильм, обратился ко мне:

— Евгений, не могли бы вы задержатся?

Я, лишь молча кивнул и, дождавшись ухода из кабинета фотокружка своих туристов, вопросительно на него уставился. Что ему ещё от меня понадобилось-то?

Фотограф сначала запер дверь и только после этого приступил к разговору:

— Молодой человек, у вас случайно нет ничего подобного, чем мы зимой менялись?

Ааа. Он про книги. Ясно — ясно.

— Есть парочка, — не стал я уточнять.

— А, что именно?

— «Мы» Замятина и «Роковые яйца» Булгакова.

— В самиздате или книгами? — он аж поддался вперёд, ко мне.

— Книги. Издательства Нью-Йорка и Риги, — подтвердил я и на всякий случай отодвинулся от него подальше.

— И? Вы готовы их обменять?

— Почему нет? Готов обменять на четыреста рублей, — наглеть так наглеть.

Юрий Викторович вздохнул и как-то нехорошо на меня посмотрел. Чего это он? Не кинется случаем? Прощлые книги выкупил без проблем, да еще за валюту.

— Это дорого, Женя.

— А какая ваша цена? — решил я отдать инициативу ему.

— Ну... — протянул он и задумался. — Триста рублей дам. Устроит?

— Вполне, — не стал я торговаться. — Завтра принесу.

На следующий день я обменял книги на деньги. Фотограф, увидев какое хорошие состояние у этих раритетных и запрещенных книг, явно повеселел. Думаю, он сможет неплохо заработать на их перепродаже. Я же, наконец, избавился от опасного имущества.

В итоге, в моём тайнике скопилось уже больше полтыщи рублей. Пока я с ними ничего

сделать не могу. Но доходы от электроремонта и изготовления светильников растут, и я когда-нибудь смогу их легализовать в глазах бабули. Главное, что бы она их не отобрала и на счёт не положила, а то сгорят.

Первый пробный учебный сбор нашего, уже 5«б» класса, 30-го августа, поначалу никакой беды не предвещал. Нам выдали расписание, в которое добавились новые предметы — «Ботаника», «Физическая география», «История древнего мира» и иностранный язык. Классная руководительница напомнила, что к истории и географии, нужно докупить атласы и контурные карты.

И перешла к оглашению списка учеников, кто и какой язык будет изучать. Я не особо волновался по этому поводу, так как еще весной завуч школы, Краснопольский Георгий Алексеевич, ходил по классам и записывал кто и какой язык изучать хочет.

С иностранными языками у нас в школе вышла коллизия. В 1980 году в Москве и Ленинграде начали изучать иностранный с четвертого класса, а с 1984-го распространили и на весь Союз. И получилось, что четвертые и пятые классы изучают одну и ту же программу. Мы по старым учебникам, а они по новым, изданным специально для четвертого класса.

И тут вдруг оказывается, что я попал в английскую группу. Офигеть. Это как? Не-не, так не пойдёт. Мне в аттестате нужен немецкий язык.

— Татьяна Ивановна! А почему я в английской группе?

— Лисин! Не перебивай меня.

— Подождите. Георгий Алексеевич еще в мае записал меня в немецкую группу. Как я попал в английскую?

— Я тебя перенесла. И это не обсуждается.

— Что значит — перенесли? Вы теперь подменяете завуча?

— Лисин! Выйди вон! Я не желаю с тобой спорить.

— А я — желаю. Сейчас пойду к завучу выяснять как такое происходит! — выкрикнул я и выскочил за дверь.

Во мне всё клокотало от негодования. Вот же коза! Знает наверное, что бабушка переводчик, и решила мне жизнь усложнить. Постоял, глубоко подышал и отправился искать завуча. После моего пятиминутного беганья по школе, он обнаружился в кабинете директора. Ну, тем лучше.

— Разрешите? — заглянул я за дверь после того как постучал.

— Лисин? Тебе чего? — первым среагировал на меня завуч. — Это Женя Лисин из 5«б», объяснил он директору школы Степаниде Карловне на её вопросительный взгляд.

— Георгий Алексеевич, в мае, вы меня в немецкую группу записали. А сегодня, Татьяна Ивановна объявила что я в английской числюсь. Почему меня перевели? Зачем вообще у нас тогда спрашивать кто куда хочет?

— Погоди, погоди, не части. Я точно помню, что ты должен быть в немецкой группе. Пойди пригласи свою классную руководительницу к нам.

Я пулей метнулся на второй этаж.

— Татьяна Ивановна, вас к директору. Срочно, — не дал я ей ничего сказать, когда она увидела меня вновь в кабинете.

— Так, дети, переписываем расписание в дневники и ждём меня, я сейчас вернусь, — и зло зыркнув на меня вышла из кабинета.

Я молча показал классу большие пальцы обеими руками и рванул следом за классным руководителем. Судя по разговору на повышенных тонах за закрытой директорской дверью,

классу явнo песочили.

От нечего делать я стал читать документы на столе секретаря. И очень удивился найдя список на бесплатное питание для детей-сирот и не найдя себя в этом списке. Тем временем разборки в кабинете явнo завершились и оттуда вышли директор, завуч и классная руководительница. Джорджик, увидев меня, сказал:

— Лисин, произошла ошибка. Мы её исправили, ты опять в немецкой группе. Можешь идти.

— Спасибо Георгий Алексеевич! — искренне поблагодарил я его. — Скажите пожалуйста, почему меня нет в этом списке? — Я указал рукой на бумагу на бесплатное питание.

— Что еще? В каком списке? Это список детей-сирот на питание, — раздраженно ответил он. — Не задерживай нас. Иди в класс.

— Но, я и есть ребенок-сирота. Меня только бабушка воспитывает. Разве я не подхожу для бесплатного питания?

— Так. Стоп, — завуч встал как вкопанный, затормозив за своей спиной обеих женщин. — Лисин, а где твои родители?

— Они умерли. Я с бабушкой живу.

— А когда они умерли, — почти шёпотом спросила у меня Степанида Карловна.

— Два года назад.

— Гм. Татьяна Ивановна, сходите за классным журналом и срочно возвращайтесь к нам в кабинет. Георгий Алексеевич давайте вернёмся в кабинет, я думаю у нас будет непростой разговор и с ней, и с вами.

— Женя, будь хорошим мальчиком. Посиди вот здесь в уголке, у нас могут возникнуть к тебе вопросы, — жутко-ласковым голосом попросила меня директор.

Ну а я что? Я только за! Да свершится месть!

Альпеншток* — опорная палка горного туриста с острым стальным наконечником. В СССР в качестве штока, часто применяли лыжные палки без опорного кольца.

Dummkopf (нем)** — дурак, придурок, болван, глупец.

ИМП-2*** — советский общевойсковой миноискатель, предназначенный для поиска противотанковых и противопехотных мин, установленных в грунт, снег или в бродах.

Жердел (южнороссийское)**** — абрикос обыкновенный.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 18

Первое сентября в этом году выдалось спокойное. Видимо, Татьяне Ивановне такой пистон вставили, что она даже боялась на меня смотреть. А может просто презрительно меня игнорировала. Нам, как и в прошлом году, выдали бесплатные билеты в городской парк. Но, в отличие от прошлого года, мне не дали оторваться от коллектива. Пришлось выстаивать огромные очереди, но я вместе с одноклассниками покатался и на машинках и на прочих каруселях. На мороженное, тир и зал игровых автоматов спустил около двух рублей. Но ничуть не жалел о потраченных деньгах.

Вечером слушал новости на Немецкой волне, ожидая музыкальную программу «akustische umgebung». И не разочаровался. Первой же песней оказалась дебютная композиция Сандры* — «Japan ist weit» (Япония далеко), после ухода её из группы Арабеск**.

Быстрая и красивая песня на немецком языке, уж и не знаю почему этот сингл провалился и не пошёл в народ?

Тучи тяжёлые, как свинец, над каньонами домов, улицами

Без цели, как по лабиринту, плывут...

Куда я должна идти? Где мой дом?

Время иллюзий кончилось...

Подпевал я певице, а ноги сами, без моего ведома, выделявали связки из шаффла***. В десятые годы следующего века супруга таскала меня на танцевальные занятия. Надолго меня не хватило, слишком уж активный танец. После часового занятия я ощущал себя так, будто целый день бегом таскал мешок с углём. Но по два вида шагов, поворотов, прыжков и соединяющие их связки я запомнил.

Танец под трехминутную песню натолкнул меня на идею дополнительной утренней тренировки. За неимением музыки, такт можно просто в уме отсчитывать. Вот завтра утром и попробую.

— Ты чего здесь топчешь на ночь глядя? — заглянула в мою комнату бабушка.

— Ой. Я это, танцевал, — стушевался я, представляя какой топот стоял от моих голых пяток на деревянном полу.

— Нашел время, спать ложись, танцор, — проворчала бабуля и ушла к себе.

Второе сентября припало на воскресенье, но полностью потратить его на себя не получалось. Во дворце пионеров в этот день проводили сбор с подведением итогов прошлого учебного года, награждением отличившихся и праздничным концертом.

А я еще удивлялся после турслёта — почему нас не отметили как-то со стороны дворца пионеров? А оказалось, что у них система награждений — итоговая, за год.

Целых два часа вручали грамоты и ценные подарки отличившимся. Перепало и нам за турслёт. Грамоты и готовальни**** за ориентирование, грамоты и конструкторы за итоговое третье место. Я, за первое место в личном зачёте, получил грамоту и фотоаппарат «Вилия-Авто»*****. Даже и не ожидал.

Фотоаппарат для меня сейчас, тоже самое, что чемодан без ручки. Чтобы пользоваться фотиком нужен фотоувеличитель, красный фонарь, всякие банки для проявления плёнок, фото-ванночки, химические реактивы и прочая фото-лабуда. То есть, нужно потратить денег

в два-три раза больше стоимости самого аппарата.

Можно и без всего этого, просто отдавать пленки на проявку в фотоателье и там же заказывать фотографии, но это тоже дорого. Да и без опыта из меня тот еще фотограф. Раньше не увлекался и сейчас не собираюсь.

К тому же, я видел откровенную зависть в глазах мальчишек и некоторых девчонок из своей команды. Мне только распрей из-за зависти и не хватало...

— Полученный мной фотоаппарат я передаю в нашу туристическую секцию, — сделал я объявление для всей команды, когда мы после концерта переместились в кабинет.

— Чтобы мы всегда могли запечатлеть наши походы, тренировки и соревнования, — с этими словами, я и передал обалдевшему Владимиру Владимировичу коробку с фотоаппаратом.

Не менее обалдевшими выглядели и остальные кружковцы. Вот так просто отдать аппарат стоимостью сорок рублей? Для них это было шоком.

Первая учебная четверть пролетела почти мгновенно. К моему глубокому удивлению, я закончил четверть круглым отличником. Татьяна Ивановна, видимо боясь моих жалоб или проверок, прекратила занижать мне оценки. И учитель истории в этом году у нас сменился, а я старался отвечать по учебнику и не умничать.

В список льготников я тоже попал. Но, так как не посещал группу продленного дня, то полноценные обеды с тремя блюдами, мне были не положены. Зато я бесплатно получал напиток и коржик на большой перемене.

На уроках немецкого языка я старался особо не выделяться. Первый год буду учить как и все. Главное, залегендировать основы в письме и чтении, а прогресс в разговорном немецком всегда можно свалить на занятия с бабулей.

А вечером второго ноября, еще до начала осенних каникул, мы ушли в наш первый поход. Вернее уехали, сначала на электричке до Ростова-на-Дону, а из него на поезде до города Горячий Ключ в Краснодарском крае.

Владимир Владимирович выбрал самый простой маршрут из предложенных ему на областной станции юных туристов. Нам предстояло из Горячего Ключа пройти шестьдесят километров до села Лермонтово на черноморском побережье. Несложный поход третьей степени, в основном рокадными дорогами вдоль трассы и реки Шапсухо. Маршрут был промаркирован белым треугольником в красном квадрате. Эти знаки были нарисованы на столбах и стволах деревьев, так что заблудится будет большой проблемой.

Первоначально планировалось, что нас забросит и потом заберёт дворцовый автобус. Но тут у борцов случились соревнования в Ворошиловграде и автобус отдали им. А нам купили билеты на поезд.

Шестнадцать детей: четверо девчат и двенадцать пацанов. И двое взрослых: наш тренер и вожатая Вера Павловна. Судя по их поведению, всё идёт к тому, что скоро они создадут новую социальную ячейку общества.

И именно из-за этого мне приходилось готовить поход чуть-ли не в одиночку. Групповое снаряжение, питание, списки личного снаряжения для каждого участника. Нам в сентябре всё же закупили новые спальные мешки-одеяла вместо старых и неудобных куколок. Это позволило брать три спальника на четыре человека, что сильно сэкономило вес. Один спальник, в расстегнутом состоянии стелился на пол, а два других соединялись вместе молнией. Что позволяло запихнуть в получившегося монстра четверых детишек.

Слава великому коминтерну, что в это время не надо было бегать в поисках спонсоров

или вытряхивать деньги на продукты из родителей участника похода. Составил список, подал директору и сиди, жди когда доставят.

А доставят обязательно, даже явный дефицит. Сублимированные продукты, каши в брикетах, бульонные кубики, сухое картофельное пюре и пакетированные супы уже вполне можно было считать дефицитом. Тушенка, сгущенка и рыбные консервы — без проблем. А вот изготовление маленьких обжаренных сухарей пришлось заказывать в дворцовом кафетерии.

Хорошо еще, что оформление всех бумаг, маршрутного листа, утверждения заявки на поход, приказы и всякое прочее, взял на себя тренер. Если бы для этого не пришлось мотаться в областной центр, то он бы и это на меня спихнул.

Добрались до начала маршрута вполне нормально. Хотя мне и приходилось как пастушьей собаке, постоянно следить за моим стадом. Ибо эта влюблённая парочка временами выпадала из окружающего мира, и дети, чувствуя ослабления контроля, начинали расползаться куда и кому интереснее.

Ну ещё бы! Поездка без родителей в настоящие горы, на самом настоящем поезде. Почти две трети детишек никуда дальше Ростова и не выезжали, а пара девчат даже и там не были. Всё им надо было осмотреть, всюду надо влезть, потрогать, пощупать, а может даже и оторвать-открутить на память. А о том, что им самим может оторвать любопытные носы и конечности, никто и не задумывался. Еле уложил спать всех в поезде, а утром еле разбудил. Кучу вещей позабывали в вагоне. Благо, поезд в Горячем Ключе минут двадцать стоял и все успели про свои потери вспомнить и вернуть.

Отбили телеграмму о выходе на маршрут в Краснодарский КСО*****, получили штампики привокзальной почты в маршрутную книжку и потихоньку двинули в сторону недалёких сопочек.

В первый день еле-еле проползли намеченные двенадцать километров. Через каждые полчаса приходилось делать привалы. То один неправильно рюкзак уложил, у второй — ногу начинало натирать. Наши горе-руководители на полпути травмировались. Верочка споткнулась и, упав, разбила себе колени, а тренер, бросившийся ей на помощь, вывихнул ногу.

Пока оказывал первую помощь пострадавшим — стадо успело разбрестись. Два пацана наткнулись на поле дикой ежевики и, в охоте за вкусными ягодами, забрались в самую чашу этой растительной колючей проволоки. Пришлось организовывать ещё и спасательную операцию. Паноптикум.

Но как бы они не страдали и уставали во время движения — силы моментально появлялись при наличии свободного времени. И обязательные вечерние посиделки возле костра с рассказами различных страшилок. И неизменная партия в мафию. А ведь всего пару часов до этого, прям помирали под рюкзаком.

На одном из привалов рассказал и показал съедобный каштан. Он же «Посевной». У нас в городе только «Конские» растут. Потом полчаса не мог с дерева согнать, пока все плоды не обнесли. Хрумали с удовольствием — он же сладкий и вкусный. Вечером пришлось рассказать про отличия местного каштана и нашего, а то еще сдуру потравятся.

За три трудных дня дошли до села Дефановка, где и устроили днёвку — весь следующий день провели на месте, стирали, пытались купаться в уже холодной Шапсухо, спали и отъедались. Местные колхозники угостили нас яблоками и фундуком, как раз у них сбор урожая шёл.

Дальше начались трудности иного характера. Наезженные лесовозные дороги кончились и нам пришлось идти по горной тропе вдоль приречного обрыва. Вот там, реально,годились наши тренировки с альпенштоками. Приходилось идти медленно и осторожно.

А еще через три дня, наша группа наконец выползла к Черному морю. Как оказалось — вовремя. Резко испортилась погода, похолодало и пошли дожди. О купании в море никто уже и не думал. Планировалось, что один день проведем на море. Но, из-за нашей низкой скорости передвижения, мы не уложились по времени и потеряли этот день. Нам срочно нужно было в Туапсе, чтобы успеть на вечерний поезд.

На наше счастье, рейсовый автобус был полупустым и мы с комфортом в нём разместились. Чего нельзя было сказать про других пассажиров, они с неодобрением косились на нас и морщили свои носы от смеси запахов дыма, пота, сырых и грязных вещей. А нам то что? Мы уже к этим запахам привыкли.

На автовокзал Туапсе приехали примерно за час до отправления нашего поезда. Владимир Владимирович даже успел пробежать по дежурным магазинам и купить консервов, свежего хлеба и кабачковой икры с соком на ужин в поезд. Наши консервы, мы слопали в первые три дня, чтобы максимально разгрузить рюкзаки, а затем питались сублиматами.

Ростов-на Дону встретил нас морозом в минус десять и сугробами. Пока перебирались с главного вокзала на пригородный — успели капитально промерзнуть. Слава великой пионерии, что наша электричка уже стояла на платформе и внутри неё было тепло.

Первым делом, завалившись домой, я под оханья, ворчание и причитания бабули, целый час отмокал в ванне. Ааа! Хорошо!!! Цивилизация! Горячая вода, электричество и тёплый туалет!

Наш поход съел все каникулы и даже один учебный день второй четверти. Так что пришлось сходу окунаться в учебный процесс. Хорошо, что домашку за один день еще не назадавали.

Вторник, 13 ноября оказался прививочным днем для всех пятых классов. Прививали от гриппа. По идее — это ежегодная прививка. Но в прошлом году нам ничего не кололи. Я уколов не боюсь — если надо уколюсь. Тем более, что прививали безыгольным инъектором, в простонародье «пистолетом».******

Сразу после прививок половина нашей параллели слегла с тем самым гриппом от которого и прививались. Меня тоже пару дней поколбасило, но температуры не было, а значит и повода пропускать школу тоже.

Больше всего я боялся за Сидорову. Она еще в походе начала хлюпать носом и жаловалась на боль в горле. На всякий случай кормил её порошком стрептоцида. Но, видимо минус на минус — дало плюс. И Олька была здоровее всех остальных одноклассников.

Вторую четверть я тоже закончил на одни пятёрки, но помня опасное недоверие в глазах бабули, провернул специальную операцию. Ухайдокал свои старые ботинки, полуоторвав подошву на одном из них. Тем более, что они мне уже становились малы. И только на следующий день, после волны её ругани и недовольства — предъявил дневник с итогами четверти.

И вполне сработало. Она меня даже похвалила и подарила на новый год зимние полусапожки «Саламандра» на молнии. И где только успела достать? Или заранее купила и так и планировала отдать мне? У неё всё может быть.

Тем не менее, Новый год я опять встречал в одиночестве. На свои деньги купил ель, игрушки, спаял гирлянду. И установил в своей комнате.

— Ты что же это творишь, вахлак? — возмутилась бабуля, узрев такую красоту в моей комнате. — В зал надо было устанавливать.

— Дай денег, я и тебе куплю и установлю, — решительно встал на защиту своей новогодней ели. — Только зачем она тебе? Ты же все равно уйдешь из дома встречать праздник к своим подружкам! И останется она здесь одна, как и я.

Бабушка сердито попыхтела, покусала губы, явно подавляя что-то внутри себя, и молча ушла из моей комнаты. Может, когда-нибудь и достучусь до неё.

А с другой стороны — будь она дома, точно загнала бы меня в постель в детское время. Так я хоть относительно свободен, делаю что хочу, ем когда хочу, смотрю телевизор и слушаю радио. Зря я на неё наехал все-таки. Осторожно перетащил наряженную ель в зал, под удивленным взглядом бабули. Какая разница где это дерево стоит — если я дома один буду?

На этот год «Немецкая волна» порадовала меня сразу двумя любимыми песнями. В европейские хит-парады прорвались «Modern Talking» с песней «You're My Heart, You're My Soul» (Ты моё сердце, ты моя душа) и «Savage»***** с композицией «Only You» (Только ты). А я всё также, как и в прошлом году, грустно сидел на подоконнике и, глядя в зимнюю ночь, подпевал исполнителям.

Только ты,
Заставляешь меня что-то делать,
Вдохновляешь, ты будто бы знак.
Только ты,
В моих поисках слова,
помогаешь мне, да, это так.
По-другому заставь меня думать,
До тебя я был, будто слепой,
Укажи мне путь в мире безумном,
Что свободна — лишь только любовь.

Сандра Крету* — немецкая поп-певица. Была одной из самых популярных певиц на европейской эстраде второй половины 1980-х — начала 1990-х годов.

Arabesque (Арабеск)** — западногерманская женская поп-группа, работавшая в жанре диско с элементами хай-энерджи.

Шаффл (Melbourne shuffle)*** — стиль танца, появившийся в конце 1980-х годов в Австралии, на андеграунд-сцене города Мельбурн. Это быстрые, типичные для джаза танцевальные движения (стэп), но на «современный» лад, и танцуют его под разнообразные стили электронной танцевальной музыки. Иногда современную вариацию танца называют «Hard dance» или «Hardstyle», чтобы отличить её от других, менее агрессивных видов шаффла, таких как «Cutting Shapes» и «Jumpstyle».

Готовальня**** — чертёжный прибор, набор чертёжных инструментов, заключённый в специальный футляр. Чаще всего состоял из кронциркуля и козьей ножки.

Вилия-авто***** — советский шкальный малоформатный фотоаппарат с автоматическим управлением экспозицией. Выпускался в 1973–1985 годах Белорусским оптико-механическим объединением.

КСО***** — контрольно-спасательный отряд.

Инъектор безыгольный***** — аппарат, предназначенный для внутрикожного, подкожного или внутримышечного введения лекарственных препаратов без применения иглы.

Savage***** — псевдоним итальянского певца и композитора Роберто Дзанетти.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 19

Взвод! На месте, шагом — марш! Левой! Левой! А раз, а раз, а раз-два-три! Левой Левой! Взвод — стой! Раз, два.

Сразу после новогодних каникул меня назначили главным и ответственным за подготовку класса, к смотру «строя и песни». Близился сорокалетний юбилей Победы в Великой Отечественной Войне и вся школа лихорадочно готовилась к этому празднику. Хоть смотр и был приурочен к этому празднику, но проводился 23 февраля.

Татьяна Ивановна, видимо малость отошла от головной боли в кабинете директора, и теперь снова искала пути мне отомстить. По-другому назвать моё назначение я не мог. В принципе, школьников должен был бы готовить какой-нибудь военный или отставник, из родителей.

А она специально назначили именно меня. Справлюсь — честь мне и хвала, а нет — вот и повод для наказания. Ну чему я могу научить класс, по её мнению? Сено, солома — опозорится Лисин. А о том, что она сама может опозориться, даже не подумала.

Служил срочную я в городе Панфилов Казахской ССР, инструктором по горному делу в 68 ОМБ. Мой взрослый альтер-эго* как раз сейчас и служит. И курс молодого бойца проходит со своим призывом, как и я когда-то. А в советской армии — если что-то вобьют, то это навсегда. Вот и строевую в меня вбили накрепко. Теперь гоняю одноклассников. Ну а что? Тридцать человек в классе — полноценный взвод из трех отделений.

Первый шок для них случился, когда я заставил их рассчитаться на первый-второй-третий. На первый-второй они умели, просто рассчитаться на количество присутствующих тоже. С пятой попытки вроде получилось.

— Первые номера — два шага вперёд марш! Напраа-во! Сомкнуть строй! Вторые номера — шаг вперёд марш! Напраа-во! Сомкнуть строй! Третьи номера — Напраа-во! Сомкнуть строй.

Построить-то я их построил по отделениям, а затем пару занятий они сами учились строиться. И только после этого я приступил к отработке движения в строю. Так как занимались мы после уроков, по полчаса в спортзале в пересменку, то прогресс шёл медленно.

Мои занятия не остались без внимания со стороны параллельных пятых классов. Оно и понятно, полчаса выделяли на все пятые классы. И мы проводили тренировки совместно, и ответственные от других классов пытались копировать меня.

С привлечением взрослых к тренировкам у них тоже ничего не вышло. Разгар рабочего времени, кто же согласится? Вот и косплеили меня. Мне это откровенно не нравилось, и я перенес наши занятия на улицу.

Благо зима кончилась сразу после новогодних праздников. Стало тепло, вместо снега пошли дожди, лед на реке и на катке растаял. Странная местность со странной погодой. То всю зиму дикие морозы и сугробы, а то как сейчас плюс десять и дожди.

На асфальтированной школьной спортивной площадке дела пошли получше. Во-первых, места побольше, а во-вторых, по времени не ограничены и можем час потратить или даже больше.

Строевую песню выбирали голосованием. Я не стал ничего навязывать. О чём потом

жалел. Поиграли в прямую демократию. Все предложенные варианты записали на доске и проголосовали за них. Какой вариант набирает больше голосов — тот и победил.

К моему удивлению, победила несуразная песня, из недавно показанного по телевидению фильма «Государственная граница. Мирное лето 21-го года»** — «По России слух пошёл». Ну а что? Там основные слова — тра-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля. Вот народ и запомнил. Дети...

Довольно быстро спелись и задорно маршировали под эту песню. «Ой попадет нам, ой, засмеют нас, опозоримся». Правда, деваться мне было некуда, сам же, дурак, предложил им выбирать. «Может притвориться и заболеть? Тогда классуха точно победит! Ничего, прорвемся!»

23 февраля в этом году припадало на субботу. Конкурс проводился на школьной спортивной площадке, сразу после сокращенных уроков. В качестве судей выступали приглашенные ветераны, представители шефских предприятий и какой-то майор из военкомата, ну и администрация школы. Зрителей было много. Все классы, ожидающие своей очереди на смотр, малышня из начальной школы и просто левые зеваки из близлежащих домов.

Особого разнообразия песен и не было. «В путь», «Катюша», «Три танкиста», десятиклассники протопали под «Нам нужна одна победа».

Строевую, мы отшагали по моей оценке — на твердую четверку. Но когда запели, мне в ужасе захотелось закрыть глаза:

По России слух пошел —

Николай с ума сошел.

Тра-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля,

Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля.

Тра-ля-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля,

Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля-ля.

Вся Россия торжествует,

Николай вином торгует.

На столбе висит корона,

Николай Второй — ворона.

Я был поражен и озадачен. Все судьи, кроме представителей школы, выставили нам пятёрки. И наш класс занял третье место, сразу после старшеклассников. Пятые и шестые классы прямо обзавидовались, что не подумали про эту песню. В общем ждал позора, а получился, наоборот, триумф.

Правда, на классном часе классуха и завуч всё допытывались: кто подбил класс на её исполнение. Но тут они обломались, против всенародного голосования — фиг попрёшь. Но завуч все равно прочитал нам нотацию — о том, что все классные мероприятия надо согласовывать со взрослыми.

А на туристическом кружке у нас кабинетно-оформительские работы. После похода мы два месяца сочиняли, писали и рисовали бумажный отчет и создавали фото-отчёт. Половина отснятых нами кадров — просто не получилась. Из-за нехватки опыта, погодных условий и довольно посредственного фотоаппарата. Но и удачных кадров хватило на небольшой альбом.

В январе Владимир Владимирович смог отчитаться и сдать областному МКК*** на отчет и маршрутную книжку. После почти месячного рассмотрения наш поход приняли и

зачли прохождение маршрута. По итогам этого зачёта вся команда получила третий юношеский разряд по пешему туризму, значки юный турист, спортивные разрядные книжки и копию справки о зачёте похода.

Пришлось даже провести дополнительное занятие — о пользе накопительных справок и разрядных книжек, и что они могут дать в будущем. Вроде прониклись.

Тем не менее, после того как детишки похвастались дома полученными документами, от греха подальше, все полученные справки и книжки собрал и запер в наш несгораемый шкаф. А то потеряют еще.

Первого марта, придя со школы домой, застал необычайно радостную бабулю.

— Привет. Чего это ты прям светишься?

— Огород нам дали, внучок. Десять соток, — поделилась она со мной радостью. — Возле детской колонии.

— И зачем он нам? — не разделил я её радость.

— Картошку посадим, лучок, помидорки. Там и вода для полива рядом, и вспахали нам его уже. Завтра пойду посмотреть, потом расскажу тебе.

— Ба, у нас же инструментов нет. Да и посадочный материал тоже денег стоит. Потратим наверное столько же, сколько за зиму на покупку овощей тратим, — попытался я урезонить её сельскохозяйственный порыв. — Да и подвала у нас нет или балкона. Где урожай хранить будем?

— А ну цыц, лентяй! — недовольно прикрикнула она на меня. — Я лучше знаю, что делать. Сделай мне лучше десяток колышков из своих деревяшек, чтобы я могла наш участок от соседей огородить.

— Не было блин печали, купила баба поросю, — проворчал я еле слышно себе под нос и пошел делать ей колышки.

— Чё ты там бурчишь? И покрась их, чтобы было сразу видно наш участок.

— Нет у меня краски. Я выжигателем по три полоски нанесу. Нормально будет, — заверил я её.

— Тю. Да нафига мне твои полоски? Я лучше лоскутков нарежу из обрезков ткани.

— Ну. Хозяин — барин. Мне же проще.

На следующий день я пошёл в школу, а она понеслась на огород. Придя домой, опять её не застал. Впрочем была суббота, а по субботам у неё спевки в хоре. Но когда она не появилась и к шести вечера — я всерьёз заперезживал.

С разрешения соседа-участкового, обзвонил её подруг у которых были номера. На занятиях хора она не появлялась. И только звонок председателю совета ветеранов пролил свет на её исчезновение. Выяснилось, что её утром забрала скорая помощь, прямо от участка с огородами. Что именно случилось, он не в курсе. Но скорая была из городской больницы, а не районной.

Находясь на грани полной паники, оседлал велосипед и понесся уже почти по полной темноте в сторону больницы. Методом тыка, нашел приёмный покой, где и выяснил, что Антонина Алексеевна Лисина госпитализирована в терапевтическое отделение.

— Нет, не знаю. И пропустить не могу. Время посещения закончилось. Приходи завтра, — монотонно отвечала мне дежурная медсестра на мои многочисленные вопросы.

Слава всем святым (я чуть не перекрестился) хоть не в реанимации лежит. Что же там с ней случилось?

— Тётенька, а завтра со сколько можно? И на каком этаже отделение?

— Завтра — воскресенье, а значит с девяти можно. Терапия на втором этаже находится. Сменку не забудь и халат белый, а то не пустим.

Ответила и захлопнула у меня перед носом переговорную форточку в двери, видимо посчитала свою миссию выполненной. Я же свою считал еще не выполненной. Надо прорываться в корпус. Чтобы знать, что ей надо. Вещи, документы, деньги, да мало ли что ещё. Да и бабуля успокоится, если будет знать что я в курсе — где она.

Тщательно приковал велик к заборчику на крыльце центрального входа. А то знаю я сограждан, сопрут и не поморщатся. И отправился проверять запасные выходы, в надежде, что курильщики их специально не запирают. Так оно и оказалось, вторая же дверь была незаперта.

Зашёл, поднялся на второй этаж и в наглуую стал заглядывать во все подряд палаты, даже не реагируя на возмущение больных. И наконец, нашёл. Бабуля лежала в какой-то неестественной позе — буквой «зю» и плакала.

Кроме неё в шестиместной палате больше никого не было. Но, судя по разобраным постелям, все кровати имели владельцев. Может ушли на процедуры или телевизор где смотрят? Пофиг.

Подлетел к её кровати и рухнув на колени перед удивленно прекратившей плакать бабушкой, сказал:

— Привет ба! Еле нашёл тебя! Как же ты так?

— Женечка! Миленький! Родненький! Нашёл! Солнышко ты моё! — она попыталась дотянуться до меня рукой, но резкое движение видимо вызвало новую порцию боли и на её глаза опять навернулись слезы.

— Ба. Лежи не двигайся. Что врачи тебе сказали?

— Защемление седалищного нерва. Я, дура старая, пыталась камни ворочать, которые трактор из земли вывернул. Ну и вот, — она опять всхлипнула.

— Ясно. Понятно. Ты лучше скажи, что тебе принести надо завтра. А то меня сейчас найдут здесь и выгонят, — попытался я её отвлечь от самокопания и боли.

— Да. Точно. А как ты сюда попал? — оживилась бабуля.

— Пролез через канализацию, — сдохмил я.

— На тебя это похоже, — улыбнулась она. — Так. Женя. Мне нужен теплый халат, тапочки, носки, кружка, миска с ложкой, — пустилась она в перечисление ей потребного.

Минут пять еще с ней поболтал, оставил прихваченные на всякий случай трешку и две бумажные рублишки. Для медсестёр. Может уколы какие ей обезболивающие вколют дополнительно. Да и уход с её заболеванием нужен постоянный. Ту же утку правильно пристроить, или покормить, пока к бабуле подвижность не вернётся. Понятно что помощь и так, бесплатно окажут, но подмазать никогда не вредно.

Успел смыться как раз вовремя. Как рассказала бабуля на следующий день — через пять минут после моего ухода к ней целая делегация дежурных врачей заявила. Её соседки по палате оказались вполне вменяемыми тётками и постоянно меня жалели — как же я один там бедный живу?

Пришлось даже шёпотом наехать на бабулю:

— Ба, ты чего творишь? Хочешь чтобы меня в детдом забрали?

— Что ты несешь, Женька? — возмутилась она.

— Сейчас до врачей от твоих соседок дойдёт, что я один дома живу, а ты, как опекун, у них в больнице. И меня быстренько оформят куда подальше. Нафига ты этим тёткам про

меня все рассказываешь?

— Ой. И правда. Совсем я сказала. А что теперь делать-то, внучек? — зашептала она в ответ, подозрительно косясь на своих соседок.

— В разговоре скажи, что мол тетка моя ростовская приехала и за мной присматривает. — придумал я на ходу отмазку.

Может ничего и не случилось бы, но я решил перестраховаться, а то и правда окажусь в школе-интернате или детдоме. Через три дня её малость попустило, и она уже всю гуляла по больнице. А еще через неделю её выписали домой. Прописав кучу таблеток и длительный курс электрофореза**** в процедурном кабинете.

Вроде и не так много барахла ей перетаскал в больницу. А назад еле упер на велосипеде — два неподъёмных баула. Саму же больную целый час уговаривал разориться на такси, делая упор на её ещё не слишком поправившемся здоровье. Еле уговорил.

К моменту моего возвращения с баулами, она уже успела принять душ, пообедала сваренной мной ухой и, дождавшись меня, принялась выяснять как я тут жил. Сколько потратил денег? Как учился? Много ли двоек? Чего успел натворить?

Я аж прифигел от подобных наездов. Притащил ей дневник и подробно отчитался о тратах:

— Всего, с тебя бабуля — одиннадцать рублей. С учётом пятёрки, что я тебе в больнице оставил. Только свои тратил, твоих не касался, — выкатил я ей счёт.

— Ишь ты! Деловой! — восхищенно и ничуть не расстроено воскликнула она. — Всё верну внучек, не сомневайся. Иди сюда, — она призывно подняла правую руку.

Под которую я с опаской и подлез, плюхнувшись рядом с бабулей на диван. Кто её знает, что у неё на уме? Но она только молча меня обняла и притянула к себе.

— Ой, Женька. Ты даже себе и не представляешь, чего я себе надумала в первый день, пока ты не пришёл в больницу! Вроде и родычи есть, и знакомцы, однополчан куча и подружек, а всё равно одна. Лежу и плачу, от боли и от одиночества. И тут ты, как солнышко передо мной появился. И так мне хорошо стало, так покойно, — она взъерошила мою отросшую шевелюру и спросила. — И что теперь делать?

— С кем? — не понял я. — Со мной?

— Нет. Я про огород. Что теперь с ним делать?

Я прям выпал в осадок от её внезапной смены темы разговора. Какой-то прям неземной разум.

— А что с ним делать? Тебе нельзя, а я сам не буду корячиться, — и тут мне в голову пришла идея. — Так сдай его в аренду!

— Аренду? Это как? — бабуля даже высвободила свою правую руку, прекратив меня обнимать и, немного отодвинувшись, заинтересованно взглянула.

— Когда ты была в больнице, — начал я издалека. — Я слышал как ругались дядя Петя и тётя Маша из 83 квартиры, о том что они опять с огородом пролетели. Предложи им наш огород за пару мешков картошки с урожая.

— А так можно? Это не наказуемо? — испуганно заинтересовалась бабуля.

— Почему нет? Может они нам помогают, пока ты болеешь. Что здесь такого? Сама с ними поговори. Я думаю, они согласятся.

— Хм. Интересно придумал. Поговорю с Машкой. Какой ты у меня уже разумник, весь в деда, всё, иди к себе, я отдохну малость.

И уже у себя в комнате, подумал: интересно, какого деда она имеет ввиду? Своего мужа

или своего деда? Всё время забываю спросить...

Альтер-Эго* (лат. Alter ego) — реальная или придуманная альтернативная личность человека либо персонажа, в характере и поступках которого отражается личность ГГ.

«Государственная граница»** — советский многосерийный историко-приключенческий телевизионный художественный фильм, снятый на киностудии «Беларусьфильм» в 1980–1988 годах и рассказывающий о службе советских пограничников.

МКК*** — Маршрутно-квалификационная комиссия. Общественный орган туристско-спортивных организаций, осуществляющий экспертное оценивание туристского похода на этапе планирования и подведения результатов (зачёта туристского опыта) прохождения туристского маршрута.

Электрофорез — разновидность электролечения в физиотерапии в основе которого лежит электрофорез, физический процесс миграции заряженных ионов, чрезкожная гальванизация участков тела.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 20

10 марта умер Черненко. О чем и сообщили все западные радиоголоса. А нам об этом сообщили по советскому телевидению только через сутки. Бабуля очень распереживалась. Зато, когда 13 марта сообщили об избрании Горбачёва секретарём КПСС, долго крестилась и постоянно повторяла:

— Слава тебе Господи! Выбрали молодого. А то мрут как мухи. Трое, за два года. Энтот дольше проживёт, мож чего хорошего сделает.

«Сделает, сделает» — думал я, слушая её причитания. «Так делает — что через несколько лет вы его проклянете и меченым обзывать будете»...

На весенних каникулах, первый раз в этом мире, показали телесериал «Гостья из будущего». Просматривая телепрограмму на следующую неделю, которую, внезапно стала печатать местная газета по субботам, я и обратил внимание на знакомое название.

Сам я смотрел этот сериал всего пару раз. В конце восьмидесятых и уже в десятых годах следующего века. Наивно конечно, но ничего, нормально, посмотреть можно. Не забыл предупредить наших любителей фантастики о клёвом фильме, а те уже сами разнесли по всей школе.

Неожиданно сериал понравился бабуле и она бросала все дела когда начиналась новая серия. Особенно ей понравилась песня «Прекрасное далеко», прозвучавшая в конце последней серии фильма. Даже расплакалась. После больницы она вообще на всё реагировала крайне эмоционально.

В школе все тоже были под впечатлением от сериала. В восьмом «б» классе училась полная тезка главной героини фильма. Вот эта бедная девчонка и хлебнула полной ложкой приколы и подшучивания насчёт миелофона. Нашелся в школе и свой Коля Герасимов, был он, правда, из первоклашек, и народная любовь его задела не особо. Зато молодого, долговязого и блондинистого физрука мигом перекрестили из «Лома» в «Вертера»*.

В субботу 6 апреля, расписались и сыграли свадьбу наш тренер Партянов Владимир Владимирович и старшая пионервожатая, которая заодно была и комсоргом дворца пионеров — Иванова Вера Павловна. Мы всю неделю до их свадьбы ломали голову, что им подарить. В итоге, я собрал со всех по рублю и при помощи старшей сестры Сидоровой, купил настольные кварцевые часы «Весна» в деревянном корпусе.

Опытный гравёр сделал и закрепил на часах памятную пластинку из бронзы, с надписью: «Папе и Маме от их туристических детей». А на остававшиеся деньги купил букет цветов. Так как нас, естественно, на свадьбу не приглашали, мы наши подарки вручили им на работе, в понедельник. Надпись на часах их очень развеселила.

В середине апреля, после окончания урока по немецкому языку, на меня наехала немка:

— Лисин, зачем ты притворяешься, что плохо знаешь язык? — спросила она на немецком.

— ...? — я удивленно приподнял брови.

— Я встретила на рынке твою бабушку, и Антонина Алексеевна заверила меня, что ты хорошо знаешь язык. Да-да, она рассказала, что вы с ней дома разговариваете на немецком. А ей я верю, она мне язык подтягивала, когда я на инязе в пединституте училась. Ну что ты молчишь? Ты же меня понимаешь?

— Понимаю, Галина Сергеевна, — обреченно признался я.

— Тогда зачем весь этот цирк с коверканьем слов?

— Галина Сергеевна, я не хочу выделяться среди одноклассников.

— Ясно. Боишься что задразнят?

Я обреченно кивнул головой. Вот как она догадалась? Ведь я именно поэтому и не стремился показать своё знание немецкого языка в классе. Сразу прилепят прозвище — «немец», а от него недалеко и до «фашиста». И какой авторитет с таким прозвищем? И никакими кулаками я этого не изменю, а, наоборот, только усугублю. Вон, физкультурник Вертер тому подтверждение.

— Хорошо Женя, я тебя поняла, — перешла на русский учительница, так как класс стали заполнять ученики параллельного 5«а». — Я устно тебя не буду спрашивать. Буду больше давать письменных работ. По более углублённой программе. Всё, иди. — отпустила она меня.

— Спасибо, Галина Сергеевна, до свидания, — и я с облегчением покинул её кабинет.

А в конце месяца школа устроила соревнования по стрельбе из мелкокалиберных винтовок. На территории школы был собственный тир из железобетонных труб, в котором регулярно проводились стрельбы. Я от подобного удовольствия отказался сразу, что вызвало удивление всех в классе. Все ждали, что я захочу место в команде, как неформальный лидер. Команда состояла из трех мальчишек и трех девчонок, и на всех мест в команде не хватит. Как говорится: меньше народу — больше кислорода.

Стрелять из сильно ушатанных ТОЗ-1**, с разболтанным затвором, из-за чего периодически приходилось вытаскивать гильзы при помощи ножа — то ещё удовольствие. У меня и другие дела найдутся.

9 мая бабулю, как и многих ветеранов, наградили очередной юбилейной медалью «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945». Да ещё и её днюха наложились. Так что гулеванили ветераны от души. Старые-старые, а перепились все до изумления. Танцевали так, что ненароком грохнули телевизор. Хорошо ещё, что кинескоп не лопнул, но что-то внутри у него отвалилось и телевизор транслировал только звук без изображения.

Дошло даже до того, что наш сосед-участковый приходил ругаться. У него спальня как раз с нашим залом стеной соседствует.

Утром 9 мая, я не смог посмотреть «парад Победы» на Красной площади, так как был со всей школой возле мемориала, а вечером не стало телевизора. Можно было конечно сходить посмотреть к соседям, но я, обидевшись на весь мир, предпочел наушники и радио.

Бабуля, в общем, и не убивалась насчёт телевизора. Пока я был в школе, она пригласила дядю Юру-телемастера. И к моему возвращению телевизор уже вернул назад возможность показывать изображение. Неубиваемый аппарат, однако.

На моё двенадцатилетие собралась старая гоп-компания. Так как 13 мая пришлось на понедельник, то праздновали в воскресенье 12го. Опять надарили всякой детской фигни. Но от Ольки я вместе с словесным поздравлением и подарком получил ещё и первый, робкий поцелуй в щёку. Одноклассники были в шоке. Мне же понравилось. Лиха беда — начало.

А вечером бабуля вручила свой подарок. Кассетный магнитофон «Электроника — 311С». Вот честно, не ожидал от бабули такого дорогого подарка. Никогда прежде подобного аппарата не видел. Сам стереомагнитофон, с двумя колонками, плюс ещё две выносные колонки, блок питания и аж шесть аудиокассет МК-44*** со студийными

записями. Кассеты видимо покупались отдельно. Так как половина из них была «рижского завода грампластинок», а вторая — «тбилисской студии грамзаписи».

— Спасибо, ба! — я обнял довольную женщину. — Большое, большое спасибо.

— На здоровье, Жень. Вот решила подарить, а то ты пока накопишь, — она махнула головой в угол, где хранилась банка с накоплениями «на магнитофон». — Друзья помогли достать и кассеты купили. Но смотри мне! Никуда из дома не таскай! А то знаю я тебя.

— Угу, — согласился я уткнувшись ей в плечо. — Хорошо, баб.

При более тщательном изучении подарка нашёл и цену — 289 рублей. Офигеть. Даже дороже чем стоимость мотороллера «Вятка-электрон». Плюс кассеты, каждая по четыре рубля. «Дорохо-бохато» однако. И почему я раньше считал, что она Женьку не любит? Или это так её травма и больница мне аукнулись?

Школу я закончил на пятёрки и даже по поведению получил итоговую хорошо. Теперь не надо было отрабатывать в первую неделю, чтобы получить новые учебники. Полные отличники их автоматически получали.

Да и не получилось пройти отработку в начале июня. Внезапно, СЭС****, запретил проведение городского турслёта из-за массовой угрозы энцефалитного клеща и эпидемии холеры. Опять городу аукнулось самое нижнее расположение на реке. В Дону обнаружили холерную палочку и превентивно закрыли все городские территории, прилегающие к водным артериям. По решению городского управления образования все учебные заведения остались на тех же местах, которые и заняли в прошлом году.

К моему глубокому удивлению, наша команда оказалась единственным призёром с защищенным походом. Поэтому нас и отправили на областные соревнования. Если бы и у нас не было пройденного похода, то просто поехала команда школы, занявшей первое место по городу. Но участвовала бы она уже «вне конкурса».

А так, заслали нас. Но в компании с районной командой Самарской***** школы. Соревнования проходили в хвойном лесу, на левом берегу реки Северский Донец, недалеко от города Каменск-Шахтинский. Одни двойные названия, блин.

Почти двести километров пути, если бы не районная команда, то точно бы заблудились. Но они уже были на том полигоне, и нам оставалось только пристроится за их автобусом. Руководитель команды Самарской школы по фамилии был явно немец — Шварц Александр Дмитриевич. Ну, оно и не удивительно. По словам бабули, много немцев после войны вернулось из Казахской ССР в родные местечки.

Соревнования для нас прошли весело и результативно. Как-то, особо даже не напрягаясь, мы заняли второе место в итоговом зачете. Правда, разделили его с Новошахтинским дворцом пионеров. А первое и третье место заняли ростовские школы. Шестьдесят седьмая и девяносто восьмая. Ростовчан вообще было семь команд, по числу районов города. Нечестно, по отношению к другим городам. Но таковы правила.

С поездкой на эти соревнования, я пропустил ежегодное сидение на крыше и подведение итогов. Ну и фиг с ними. Итоги пока, тьфу-тьфу-тьфу, меня устраивают. Насладиться начавшимися каникулами и наконец пройти летнюю отработку не получилось и после областного турслёта.

Нам с бабулей, с разницей в один день, дали путёвки. Мне от профкома судоверфи в пионерлагерь на Черном море — «Дон». А бабушке путевка на три недели в Таганрогскую областную физиотерапевтическую больницу. Которую она почему-то называла, «водолечебница Гордона». И вообще вела себя странно. Радовалась, что её включили в

группу больных из Азова на лечение в Таганроге.

Для меня Таганрог был — «терра инкогнита»*****. Всё, что я знал об этом городе, это то что в нём родился и жил Антон Павлович Чехов, а также некий Беляков из скетч-шоу «Наша Russia». По моему мнению, с бабушкиным заболеванием надо на Кавказские минеральные воды. Впрочем, может она не зря радуется, и там, действительно, хорошая клиника.

Поэтому время до нашего отъезда мы провели в беготне по врачам, собирая необходимые справки и сдавая необходимые анализы. Всё ещё усугублялось тем, что моё отправление в лагерь было на сутки позже бабушкиного отъезда в Таганрог. И она не столько переживала за меня, сколько за то, что я не перекрою воду, газ и забуду закрыть окна или входную дверь. Обидно, блин.

— Ты меня понял?

— Да, бабуль. Ты мне уже плешь проела своими наставлениями.

— А ну-ка, где у тебя там плешь? — она ловка ухватила меня за мои рыжие, отросшие лохмы и, притянув к себе, обняла. — Жень, не забудь постричься.

И чмокнув меня в макушку, полезла в автобус, который должен был отвезти их группу в Таганрог. Помахав отъезжавшему автобусу, я поскакал в парикмахерскую. Нужно было, и правда, привести свою причёску в божеский вид. Я для эксперимента, весь учебный год отращивал свою шевелюру.

Было бы очень круто заиметь длинные волосы и, завязав их в хвост, эпатировать окружающих. Даже классуха, получив из-за меня хороший втык от начальства, в упор не замечала мою увеличивающуюся растительность на голове.

Но ожидания не оправдались. Мои волосы по какой то причине не соблюдали законы гравитации и росли во все стороны. И на данный момент я был похож на огромный рыжий одуванчик. Что приводило к умилению взрослых, и все стремились поерошить мою шевелюру. Нафиг-нафиг, верните мне мой короткий ёжик.

Утром следующего дня я тщательно и дважды все перепроверил газ, воду и окна, и уже собирался выходить, как кто-то позвонил в дверной звонок. Открыв дверь, я обнаружил тётку из профкома судоверфи. Которая и осчастливила меня сообщением об отмене моей поездки в лагерь:

— Здравствуй, мальчик. Я могу поговорить с твоей бабушкой?

— Эээ, — немного подзавис я. — Она ушла в больницу, на прогревание. — На ходу придумал я отмазку.

— Женя? Тебя звать Женя? Правильно?

— Да. А что случилось?

— У нас произошла ошибка, — она замялась, но быстро взяла себя в руки. — Твоя путёвка аннулирована. Мне очень жаль, но ты не едешь в пионерлагерь. Передай свой бабушке, что если она захочет объяснений, то она знает где меня искать.

С этими словами она и испарилась из нашего подъезда.

Я пару минут наверное простоял с раскрытым ртом и с рюкзаком за плечами. Пока меня из ступора не вывела жирная муха, которая нагло прошуршала из подъезда к нам в квартиру. Захлопнув, наконец, дверь, я скинул рюкзак и погнался за наглым насекомым. Которое зверски и убил свернутой в трубочку газетой.

Ура! Свобода! Три недели бесконтрольного существования. Оно, правда, и раньше особого контроля не наблюдалось, за исключением режима сна. Но всё равно. Теперь у меня

есть время привести в исполнение некоторые личные мероприятия. В школу соваться не буду, я там брал характеристику в лагерь. Хотя всем и пофиг, но по закону подлости, могут и поинтересоваться чего я не в лагере.

В первую очередь, это кладоискательство с помощью доведенного до ума бывшего миноискателя. Сколько я не бился с блоком обработки сигналов, так и не смог настроить на определение какого либо отдельного металла. Он видел всё! Если в современных металлодетекторах хотя бы звук различается при обнаружении черного или цветного металла, то этот индукционник имел только один тембр звука.

Я пытал его и различными советскими монетами, и гвоздями, и чугунным колосником, и даже золотыми и серебряными бабушкиными украшениями. Он видел всё. В моих хотелках была идея отказаться от наушников и вывести сигнал на электромеханическое показывающее устройство. Проще говоря, приспособить вольтметр или амперметр. Но как-то не срослось.

В качестве штанги я использовал толстое бамбуковое колено от большой удочки, так как это оказался самый доступный из самых лёгких материалов, к тому же неплохо маскировавшийся под удочку. Уменьшенный корпус под поисковый элемент я вырезал из жести. Самой разорительной частью этого прибора были две батарейки «Планета-1», каждая по тридцать копеек.

Проверить прибор я решил на городском пляже. В половину третьего ночи уже начинало потихоньку светать, а к четырём становилось относительно светло. Единственно, что придётся ломать режим дня, ложась спать пораньше чтобы встать пораньше. К моему глубокому изумлению, в половину пятого утра на реке уже была куча рыбаков, а по пляжу бегали бегуны. Ладно, начну с края.

Для копа я взял маленький детский металлический совок с хорошо наточенным лезвием и пластиковое ведро. Но действительность преподнесла неожиданный сюрприз, и пришлось кроме ведра использовать еще и рюкзак для полезных находок.

Собрал прибор, подключил все блоки, надел наушники и понеслось. Судя по непрерывному звуку, металл под моими ногами был сплошным ковром. Значит, пора копать.

Через два часа непрерывного копа, я был разочарован и поражён. Почти полное ведро металлических пивных, лимонадных и водочных пробок. Вперемежку с гвоздями, болтами, винтами и шурупами. Если пробки еще можно было объяснить на пляже отдыхающими, то обилие скобяного крепежа только удивляло.

Но попало и много монет, и даже какие-то украшения. Их, не проверяя, сваливал в рюкзак. Дома разберусь. Самое неприятное было в том, что за два часа работы батарейки разрядились. Если найденными монетами я выйду в плюс, то имеет смысл продолжать поиск. Тем более, что от дома до пляжа где-то три километра, и если бегать туда и обратно, то получится неплохая тренировка. А разминку, подтягивание и отжимание можно делать на пляже, заодно можно и окунуться в речке.

Высыпал ведро металлического мусора в контейнер, да и побежал домой. Пересыпал в пластиковый таз всё найденное, залил теплой водой и добавил стирального порошка «Новость». Пусть отмочает.

После обеда перебрал найденное и остался, в целом, довольным. Всякой мелочи — от 61 года выпуска и выше — набралось почти семь рублей. Дореформенные монеты отложил, покажу нашему дворцовому бонисту, может что-то ценное есть. Почти все украшения, оказались дешёвой бижутерией. Только одна маленькая сережка имела пробник — «875

БЮЗ». Судя по пробе — серебро, а буквы явно указывали на ювелирный завод.

Ну что же, весьма неплохо для первого раза. И батарейки теперь не обременительно покупать. Их, правда, в последнее время фиг найдешь в магазинах, приходится покупать с рук на рынке. Благо, есть у кого.

Робот Вертер* — андроид и биоробот, персонаж пятисерийного телевизионного художественного фильма «Гостья из будущего»

ТОЗ-1** — Малокалиберная однозарядная винтовка конструкции В. Г. Селиванова и Я.И. Каневского калибра 5,6 мм. Была изготовлена в 1927 году и принята к массовому производству в качестве спортивной винтовки.

МК-44*** — тип магнитофонных кассет со студийными записями различных исполнителей. На каждой стороне кассеты по 22 минуты. Входили в комплект с магнитофонами или свободно продавались в киосках «Союзпечать».

Санитарно-эпидемиологическая станция (СЭС)**** — основное комплексное специализированное учреждение в системе санитарно-эпидемиологической службы СССР, в обязанности которого входит государственный санитарный надзор за мероприятиями по оздоровлению внешней среды, контроль за санитарным состоянием объектов, находящихся на территории обслуживания СЭС, предупреждение и ликвидация инфекционных, паразитарных и профессиональных заболеваний.

Село Самарское***** — крупное село Азовского района. Основано в 1770 году. До 1960-х годов село было райцентром Самарского района, который в 1963 году вошёл в Азовский район. Население, на описываемый момент 11000 человек.

Терра инкогнита***** — С латинского: Terra incognita. Буквально: Неизвестная земля. Надпись, которую делали на старинных географических картах и глобусах по чистому, белому месту, означающему неизведанную, неоткрытую землю.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 21

Батарейки я приобретал у своего торгового агента. Я так, прикола ради, называл продавца-барахольщика на рынке, дядю Борю. Искал куда пристроить свои светильники, и только он согласился их взять на реализацию по моей цене. Ну, что-то он там еще накидывает сверху это точно. Товара у него прилично, видимо тянут ему несунуны* с городских заводов. Вот и дефицитные батарейки у него тоже есть.

Но долго моё кладоискательство не продлилось. Ровно через неделю что-то в потрохах миноискателя сдохло. Вскрытие блока обработки сигналов и проверка тестером показали: помер конденсатор ЭМ-25 и попутно прихватил с собой несколько триодов П13Б. Под вопросом была и сохранность одного входного и парочки согласующих трансформаторов.

Попытка выпросить нужные запчасти в телемастерской или купить в магазине или с рук, закончились фиаско. В официальной продаже были только триоды П13, а с рук мне всё время пытались подсунуть убитые. То же и с конденсатором, в продаже были только на 22 микрофарада, что естественно меня не устраивало.

Предпринял попытку и замены моего блока на рабочий из дворца пионеров. Но опять облом. На этот раз археологи весь свой хлам увезли с собой. Осталось только ждать. Может осенью или зимою смогу подменить.

Видимо, уменьшив площадь поискового элемента, я нарушил сбалансированность схемы, что и привело к подобному. А может у них качество такое?

Тем не менее, я получил удовольствие от копа, занял себя работой на целую неделю и попутно заработал, почти сорок рублей мелочью. Копейки, двушки, трешки, пятаки медью и прочие монеты из медно-никелево-цинкового сплава. Сдавал их продавщицам бочкового кваса и пива. Брали с удовольствием и даже благодарностью, меня на бумажные деньги.

И еще тридцать два с полтиной рубля дореформенными монетами. Из меня нумизмат аховый, единственное, что я помнил, что монеты военного выпуска и времен НЭПа** были очень ценными в моё время.

Из найденного мною, к военному времени относилась единственная монета — пять копеек 1943 года. А к временам НЭПа всего две монеты: медная копейка 1925 года и очень странная медная монета — «один червонец» с сеятелем***. Золотые червонцы с сеятелем я видел, но медную — первый раз. Подделка, наверное.

Все остальное было тридцатых и пятидесятых годов. Правда, попались две странных монеты в три рубля 1958 года выпуска. Может и были такие, у бабули потом спрошу. А может тоже прикол какой.

Из ювелирки, попадалась только бижутерия. Единственными изделиями из драгоценных металлов были только две серебряные пятнадцати копеечные монеты 1931 года и серебряная серёжка найденная в первый день. А также тонкое обручальное колечко странного медного цвета, но с клеймом золота 375й пробы.

Ну и часть пляжа почистил от различного мелкого металлического мусора. В будущем, его можно было сдать в пункт приема металла, а сейчас только выбросить.

Внезапный приработок заставил меня задуматься о ремонте в бабушкиной комнате. Обои поклеить, нормальную электрофурнитуру поставить, а то так и стоит разнокалиберная и разноцветная. А может, даже и люстру повесить.

Моя банда была вся в городе, и мы почти каждый день мотались купаться на речку. Моё присутствие в городе первой обнаружила Сидорова, в вечер дня моего несостоявшегося отъезда в лагерь. Звонок в дверь. Открываю, стоит Олька, молчит и подозрительно на меня пялится.

— Привет, — здороваюсь с ней.

— А ты чего не уехал? — вместо ответного приветствия вопрошает девчонка и бочком, мимо меня, просачивается в квартиру.

— Сидорова, а ты не офигела? — разворачиваюсь я вслед за ней.

Чего это на неё нашло? Раньше не замечал за ней подобного поведения. Всегда скромная была. А тут на тебе.

— Так почему не уехал? Ты же в лагерь собирался? — продолжает она меня допрашивать, игнорируя мой вопрос.

Хватаю её за плечи и выставляю опешившую девочку за дверь, которую и захлопываю за её спиной.

«Ходят тут всякие», — ворчу я.

Опять звонок в дверь. Открываю, не забыв в этот раз накинуть цепочку.

— Лисин! Ты чего творишь? — пытается она всунуться в дверную щель, но терпит фиаско.

— Я творю? Это ты не здороваешься и врываешься ко мне, как к себе домой, — почти рычу я в дверную щель.

— Ой. Больно надо, — фыркает Олька и, развернувшись, демонстративно уходит.

«И что это было?» — спросил я сам у себя. Пожав плечами, возвращаюсь в комнату разбирать рюкзак со шмотками. Не успеваю дойти до комнаты, снова звонок. За дверью, ожидаемо, обнаружилась Сидорова.

— Жень. А поехали на речку?

Нифига себе переходы? Переходы? Ааа! Переходный возраст! У девчонок же, он раньше чем у нас начинается. Точно! А я смотрю, она, неадекватная какая то. Надо бы с ней помягче, что ли.

— Так поздно уже. Шесть часов. Тебя не отпустят, — попытался я отвертеться от подобного счастья.

— С тобой отпустят. Ну, пожалуйста. Ну, Женечка, — заканючила девчонка.

— Не нукай, не запрягла, — огрызнулся в раздражении я.

Короче, уговорила. Нам на хвост упал Жмур на своём «школьнике». И мы по-быстрому смотались на машинный пляж. На следующий день к нам присоединились и остальные. И если у Петрухиной был нормальный девчачий велосипед «Десна», то у Лубенцов взрослая, рамная «Украина». С их ростом ездить на ней приходилось внутри рамы.

Но велик у них был один на двоих. И они нашли странный, но действенный способ передвижения на нём. Сидящий на багажнике крутил педали, а на сидушке — рулил. Скорость передвижения была небольшая, но мы понимали проблемы парней и подстраивались под их скорость.

Так что, команда для поклейки обоев у меня была уже под рукой. Оставалось только купить всё необходимое. Ехать в Ростов, с риском — продадут не продадут, не хотелось. Облазил наш рынок, но нашел тёток, которые продавали обои. По спекулятивной**** цене по пять рублей за рулон. Купил шесть рулонов зелёных обоев с вертикальными жёлтыми полосками. Клей у меня ещё был, надеюсь его хватит.

Люстру нашел у барахольщиков. Трехрожковую, абсолютно целую и всего за пятерку. Фурнитуру же приобрёл в магазинчике при заводе УППВОС*****, где её и выпускали.

Народ, идею ремонта принял благосклонно. Тем более, что я обещал работников кормить коржиками и сочниками, как и в прошлый раз. Никуда не спеша, делая перерывы на «поехать покупаться» и на «пожрать», за четыре дня закончили поклейку обоев. Больше провозились с отодвиганием мебели от стен.

Перед тем как двигать «шкап», я его разобрал от шмоток, попутно обнаружив две заначки аж на четыреста рублей. Пришлось запоминать где, что, лежало. Иначе бабуля меня прибьёт, если обнаружит, что я копался в её вещах. Хотя прибьёт она меня и так за то что не сообщил ей что поездка в лагерь сорвалась.

Установка электрики заняла всего часа три. В основном время ушло на подвешивание и подключение новой люстры. Причем, в первый раз я ошибся, забыв, что в комнате двойной выключатель.

Справился бы и раньше, но малолетние придурки, вместо того что бы помогать, начали раскачивать стремянку и ухохатываться от моих матюков. Пришлось их учить уму разуму, заодно провел лекцию об опасности электрического тока.

Окончание ремонта сподвигло меня на поездку к бабуле в Таганрог. Пусть лучше о моей самостоятельности узнает в больнице. Пораспрашивал друзей и выяснил, что в Таганрог можно попасть из речного порта на «Метеоре»*****.

На следующее утро, одетый в коричневый штатовский комбинезон, красную майку с белыми полосками, и с отмытыми кедами, я и стартовал из дома. По пути решив зайти во дворец пионеров к бонисту-фотографу и оценить найденные монеты. Если его не будет, запру в туристическом кабинете, копию ключа от которого я уже давно сделал на рынке.

Медного «сеятеля» и трехрублёвки я решил не брать. Опозорюсь ещё, притащив монеты-приколы. Оставил дома и один серебряный пятиалтынный 1931 года. Их всё равно пара. Руководитель фотокружка оказался на месте, заполнял какие-то документы.

— Здравствуйте, Юрий Викторович, — поприветствовал я его.

— Привет, Жень, — ответил он не поднимая головы, видимо узнал по голосу.

— Я тут немного монет нашел и решил вам показать, а вдруг вы и в монетах разбираетесь.

— Немного разбираюсь, — ответил он, поднимая голову от своей писанины. — О! — уставился он на меня странным взглядом. — Замри! Не двигайся!

Я послушно замер на месте. Мало ли, вдруг у них тут полы покрашены. Хотя запаха я и не уловил. Тем временем, фотограф вытащил откуда-то фотоаппарат с большим объективом и, наведя на меня, щелкнул затвором. Фотоаппарат разрядился серией автоматических щелчков.

— Вы чего? — удивился я. — Зачем меня фотографируете?

— Ты прикольно выглядишь. Совсем как американский мальчишка на фотографии из журнала «Популярная фотография»*****. Вот внезапно и решил сфотографировать. Ты не против?

Я покосился на ростовое зеркало слева от меня. Не знаю зачем оно в фотокружке, может автопортреты снимают. В зеркале отображался я в привычных уже для меня шмотках. За исключением американского комбинезона, доставшегося от покойной Петровны, все остальное на мне было советским. Хотя, да, что-то такое есть. Ну, фотографу виднее. Ладно, я здесь не за этим.

— Юрий Викторович, я к вам по другому вопросу.

— Да-да, — фотограф с явным сожалением отложил свой фотоаппарат, явно рассчитывал еще меня пофотографировать.

— Мне попались несколько монет. И я не знаю к кому обратится по их оценке. Вот, решил у вас совета просить, к кому обращаться.

— Ну, я вполне разбираюсь и в нумизматике. Можешь мне показать. Если что-то редкое и коллекционное, то и я могу у тебя это выкупить, — не подвел мои ожидания фотограф.

— Вот, — я высыпал мелочь перед ним на стол.

— Так-так, посмотрим.

Мужчина достал из стола лупу и принялся разглядывать монеты. В итоге, после всех его манипуляций, на столе высилась стопка монет и еще три, лежали отдельно.

— Смотри, Женя, — взмахом ладони подозвал он меня поближе. — Вот эта стопка не имеет никакой нумизматической ценности, можешь их в магазине потратить. А вот эти три монеты, — он указал на отдельно лежащие. — Довольно редки, и я готов их у тебя выкупить.

Этими монетами, оказались, копейка 1925 года, серебряные 15 копеек 1931 года и почему-то 2 копейки 1947 года.

— И, сколько они стоят? — спросил я, убирая стопку бесполезной мелочи в нагрудный кармашек комбинезона.

— За все три я готов предложить тебе сто рублей, — удивил он меня стоимостью. — Но у меня с собой только пятьдесят рублей. Может тебе часы нужны импортные?

— Хм. Смотря какие. У меня вот тоже импортные. Швейцарские! — продемонстрировал я мужчине свои обшарпанные «Kenwell».

— Электронные. Японские. «Касио». С калькулятором. — произнес он, специально выделив интонацией каждое слово, и извлёк из своего портфеля, а затем выложил передо мной прозрачный блистер с часами. А рядом пристроил две двадцати пяти рублевые купюры.

— «Casio CD-401», — прочитал я название. — Беру! Спасибо! — и сгрёб часы и деньги со стола.

— Если найду еще чего, приносить?

— Приноси, — согласился мужик.

И я поскакал в порт, радуясь удачной сделке. Нет, я конечно понимал, что какой-то профит он с меня поднял. И был на сто процентов уверен, что надурил он меня не кисло, иначе бы так просто не расстался бы с дорогущими сейчас часами. «А рабочие ли они» — вдруг пришло мне на ум.

Часы оказались рабочими, настройки — настраивались, а калькулятор — калькулировал. Значит точно надурил. Ну и пофиг. Я в плюсе, а это хорошо. Если сам носить часы не буду, то перепродам. А мне и старых — за глаза. Зато, никто, не отберет.

Расписание движения теплоходов на, и из Таганрога, меня порадовало. И я приобрел билеты туда и обратно. Туда на двенадцать ноль-ноль, а обратно на семнадцать часов вечера. Стоимость почему то была разная. В Таганрог из Азова билет стоил девяносто копеек, а обратно, уже один рубль десять копеек.

В кассе объяснили, что туда — рейс местный, областной, а обратно — межреспубликанский. Из Мариуполя в Ростов, с заходом в Новоазовск, Таганрог и Азов.

В своей первой жизни я частенько пользовался «метеором». Из Ленинграда и обратно приходилось кататься в Петродворец, Кронштадт и в Выборг. И в вверх по Неве, но в

основном на «кометах» и «ракетах».

Поэтому уверенно выбрал кормовой салон. А то сейчас теплоход разгонится, встанет на крыло и я, со своим ростом, из носового салона буду видеть только небо и верхушки деревьев.

Добрались до Таганрога минут за сорок. Рядом с морским вокзалом, у бабульки продающей семечки выяснил как мне добраться до больницы «Гордона». Следуя её подсказке, дождался автобуса номер два и доехал на нём до остановки «Антон Глушко». Поднялся вверх по одноименному с остановкой переулку и сразу увидел здание с колоннами — городской краеведческий музей. Слева от него и обнаружилась искомая больница.

Вызвать бабулю оказалось еще проще. В регистратуре сказал медсестре, что пришел навестить Лисину Антонину Алексеевну. А через пять минут лицезрел удивленную родственницу.

У неё сначала глаза полезли на лоб при виде меня, а потом она зловеще ухмыльнулась и пошла ко мне широко разведя руки. Как бы призывая к обнимашкам. Деваться мне было некуда, сам же приехал к ней, и я не стал уклоняться от объятий.

К моему удивлению, меня вполне ласково обняли, чмокнули в макушку, отстранили от себя и спокойно поинтересовались:

— Сбежал из лагеря, шельмец?

— Не. Баб. Путевку отменили в день отъезда. Приходила женщина из профкома. Сказала, что если у тебя будут вопросы, ты можешь прийти на завод, — зачастил я, стараясь вывалить всю информацию до бабулиного гнева.

— Вот же она сука. Обещала, что ты точно поедешь. Ну ничего, вернусь — разберусь. Женька, обормот, а ты мне чего не позвонил? — перенацелила она внимание на меня.

— А куда? Ты мне номер больницы не оставила.

— Но здесь то ты меня нашёл? Мог бы и раньше приехать.

— А зачем? Тебе лечится надо, — возразил я. — Зачем ты мне больная? Ты мне здоровая нужна.

— Ну ты и наглец, — возмутилась женщина и внезапно сменила тему разговора. — Жень? А у тебя с собой денег много?

— Ну, есть. А тебе сколько надо и зачем?

— Да тут дополнительные процедуры платные были, я у наших позанимала. Отдать надо бы.

— Так у тебя с собой пятьдесят рублей было, неужто не хватило? — удивился я.

— Не хватило, — раздраженно бросила она. — Так есть или нет? Мне бы рублей пятьдесят еще.

Я с собой и брал как раз полтинник десятками, на всякий случай. Плюс еще пятьдесят от Юрия Викторовича перепало. Их я вроде в карман ближе к груди клал. Полез во внутренний кармашек комбинезона и зацепив пальцами две купюры, вытянул наружу. Малость ошибся, вместе с четвертаками вытянул и одну десятку. Бабуля, увидев деньги, выхватила их из моих пальцев и заулыбалась.

— Так. Жди здесь. Я переоденусь, отпрошусь, и мы вдвоём в город сходим, — и она почти мгновенно испарилась.

Ну раз она так по больнице носится, то, значит, лечат здесь хорошо. И никаких денег не жалко, лишь бы был толк.

Отпросилась он не надолго, всего на полчаса. Которых хватило чтобы сводить меня в

столовую под названием «Чайхана».

— В этой столовой очень плохой чай? — решил пошутить я.

— Нет. Там очень вкусный чай. И черный и зеленый, и пирожные из кондитерской «Красный мак», — не поняла она моего юмора.

Теперь мне понятно почему она знает про эту столовую — сладости она любит. И я не удивлюсь, если часть суммы, взятой ею с собой, она и спустила на те самые корзиночки и заварные пирожные, про которые рассказывала всю дорогу.

Столовая и правда находилась рядом с кондитерским магазином «Красный мак», и в который стояла очередь чуть ли не с улицы.

— Глупые люди, — прокомментировала увиденное бабуля. — Рядом в столовой те же сладости продают. Правда дороже. Зато свободно.

Солянка, которую я взял в столовой, оказалась, и правда, хороша. Бабушка же больше налегала на кремовые трубочки и чай. Насытившись, она начала расспрашивать о моей жизни в одиночку.

— Совсем забыл, — хлопнул я ладонью в притворном жесте забывчивости. — Мы же в твоей комнате обои поклеили, и я люстру установил.

Ой, что тут началось. Посыпались вопросы: какого цвета обои, что за люстра, где купил, сколько потратил? Спасло меня то, что ей уже было пора бежать. Она быстренько меня обняла, клюнула сухими губами в щёку и ускакала в больницу, тем не менее не забыв прихватить картонку с пирожными «девчатам». За весь банкет пришлось расплачиваться мне.

До обратного рейса было еще далеко, и я принялся себя развлекать. Сходил в кинотеатр «Комсомолец» на смутно знакомый фильм «Господин Великий Новгород». Ожидал фильм про старину, а оказалось про Великую Отечественную войну.

После фильма, решив пешком добраться до морского вокзала, набрел на студию звукозаписи. Где и оставил почти все деньги. Приобрел кассеты с записью групп «АВВА», «The Beatles» и «Форум». И практически «из-под полы» — кассету со сборником группы «Dschinghis Khan» на одной стороне и альбом «Число зверя» группы «Iron Maiden» на второй.*****

Теплоход пришел по расписанию, и я уже в половину седьмого вечера был дома. Быстро принял душ, перекусил и, воткнув в магнитофон кассету «Форума», завалился на софу. И незаметно для самого себя, заснул...

В белую ночь сиреней листву

Ветер качает то робкий, то смелый

В белую ночь, в час, когда я усну

Приснится мне сон удивительно белый

Птица взмахнет волшебным крылом

И я появленье твоё угадаю

В белую ночь мы с тобою уйдём

Куда я не знаю, куда я не знаю

Несун* — человек, работник предприятия или начальник, совершающий вынос (т. е. кражу) с места работы сырья, продукции, средств производства и др. материальных ресурсов, находящихся на предприятии и принадлежащих предприятию (выносящий с места работы).

НЭП** — новая экономическая политика, проводившаяся в 1920-х годах в Советской

России и СССР. Принята 14 марта 1921 года X съездом РКП(б), сменив политику военного коммунизма, проводившуюся в ходе Гражданской войны и интервенции, которые привели Советскую Россию к экономическому упадку.

Золотой червонец, называемый иногда «Сеятелем»*** — золотая монета, отчеканенная в СССР в 1923 году. В 1975–1982 годах Госбанк СССР выпустил монеты, которые сохранили внешний облик монеты образца 1923 года, но с изменёнными датами.

Спекуляция**** — скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы. В СССР спекуляция считалась вариантом нетрудовых доходов и являлась уголовным преступлением.

УППВОС***** — учебно-производственное предприятие всероссийского общества слепых.

Метеор***** — массовая серия советских скоростных речных пассажирских теплоходов на подводных крыльях, разработанных горьковским конструкторском бюро под руководством Ростислава Алексеева. Хорошие мореходные качества позволяют «Метеорам» выходить в каботажное плавание в прибрежные районы моря.

«Популярная фотография» (Popular Photography)***** — ежемесячный американский профессиональный фотожурнал. Издавался с 1937 по 2017 года.

Группы «Dschinghis Khan» и «Iron Maiden»***** — были под запретом в СССР.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 22

— Командиры отделений ко мне! Построить свои отделения! — ору я, и как бы нехотя, но вполне слаженно, класс начинает собираться.

— Взвод! Налее-во! Товарищи школьники, — начинаю я.

Но не успеваю продолжить, как класс начинает ржать. И чего смешного я сказал? Хотя, возраст такой, что палец покажи — будут хохотать полчаса. За это лето, все очень изменились. Особенно девки. Вытянулись, обогнали в росте нас, и теперь торчат над строем несуразными колокольнями. Ну, и округлились в разных местах.

— Ребята, девчата, — продолжил я, когда все немного подуспокоились. — Мы с вами попали в непростую ситуацию и теперь нам придётся из неё выбираться самостоятельно. Краем глаза замечаю движение и оглянувшись, вижу, что остальные шестые классы подтягиваются к нам. Что делают семиклассники, я не вижу, да, в общем, и пофиг на них. Мне бы свой класс из создавшегося положения вытянуть. А ведь ничего не предвещало...

Пройти отработку в июле у меня не получилось. Вернувшись из Таганрога бабушка устроила в профкоме судоверфи скандал. Потом дошла до директора предприятия и пригрозила ему жалобой в горком партии. После чего, моментально, была изыскана путевка на Черное море в пионерский лагерь «Ракета» в городе Анапа.

И пришлось ехать. А куда деваться? Двадцать восемь дней на анапских песчаных пляжах с мелким, цветущим морем. Скучно, жарко и полное отсутствие свободы. Один раз свозили в Керчь на мемориал горы Митридат и в Новороссийск по местам боевой славы.

Плюс в том, что очень хорошо кормили и целыми днями занимали спортивными мероприятиями. Мой воркаут* произвел фурор среди пацанов пионерлагеря. У меня появилось масса учеников и последователей. Я даже и не ожидал. Друзья и одноклассники из Азова при виде моих силовых упражнений очень быстро загорались научиться точно также, но и быстро сдавались.

Основной причиной был ежедневный ранний подъём. В лагере же с этим проблем не было. Но и здесь мальчишек хватало на разучивание простейших, видовых упражнений типа «гробика» или «топорика». А на «флажке» и «печатной машинке» все сдыхали и останавливались на достигнутом.

Я за этот неполный месяц подрос на целых пять сантиметров вверх и немного раздался в плечах и бёдрах. Бабуле, даже пришлось отпускать запас на шортах и штанах. А в самые мои первые шорты вставлять клинья чтобы я мог в них влезть.

И только в августе смог пойти на отработку в школу. Где и был сразу отправлен на сбор ранних яблок в совхоз «Батайский».

Достроенный в 1984 году Азовский комбинат детского питания, взял повышенные обязательства по выпуску детского фруктового питания. И не просто взял, а опубликовал свои обязательства в областной газете «Молот». Но вот засада, плодоовощные совхозы оказались не в состоянии обеспечить стопроцентную загрузку установленного на комбинате французского оборудования.

У совхозов были свои планы перед областью и постоянная нехватка работников. Поэтому, организовали трудовые десанты из школьников и студентов. Первоначально на яблоки посылали старшеклассников, начиная с восьмого класса, и учащихся училищ и

техникумов. А нас, мелюзгу, шестые и седьмые классы, на сбор помидоров. Но хватило одной «кровоавой электрички», когда школьники из разных школ, устроили перестрелку в составе томатами, прихваченными домой, чтобы изменить концепцию.

Теперь нас стали посылать на яблоки, а старшаков на овощи. Я же, имея привычку брать с собой еще и рюкзак, возил яблоки домой в нём. А набранные в ведро, менял у старших классов на помидоры и огурцы с прочими «синенькими»**.

Вскоре наша квартира превратилась в некое подобие овощехранилища. Еще и соседи честно расплатились за аренду огорода тремя мешками картофеля. Бабуля каждый день закатывала по пять-десять банок томатной пасты, маринадов и солений. Не забывала яблочное варенье и компот.

Закончив отработку, я успел урвать неполную, последнюю неделю каникул. Хоть накупался напоследок в реке. А то в следующем году рванёт Чернобыль и купаться будет стрёмно. Ну, и про рыбалку не забывал.

В этом году первое сентября припадало на воскресенье, а итоговый сбор во дворце пионеров на субботу тридцать первого августа.

Нашу команду за призовое место на областных соревнованиях наградили, помимо грамот и призов, недельной поездкой в Ленинград на зимних каникулах. Шикарный подарок, мне очень надо в Ленинград. Нет, не к родным. Хотя и очень хочется увидеть родные лица, но нет. Не хочу сорваться и изменить будущее.

А первого сентября, на классном часе, после выдачи традиционных бесплатных билетов в городской парк, нам объявили, что у нас впереди, как минимум неделя поездок в совхоз на яблоки. Класс кричал ура, класс радовался и веселился что не придется учиться. Поговорку про «бесплатный сыр» они еще не знают. Школа точно найдет как компенсировать потерянные учебные часы.

Восьмые и десятые классы освободили от подобных поездок. Девятые отправляли на овощи, они выгружались из электрички на одну остановку раньше нас. Мы же ездили до платформы «Двенадцатый километр». Причем, полноценной платформой эта остановка стала только в августе. До этого, из всей инфраструктуры, было только расписание на жестянке, прибитое к телеграфному столбу.

После первой же поездки, с выпрыгиванием из вагонов при выгрузке и залезанием с подсаживанием при посадке, учащиеся педагогического училища и индустриального техникума отказались ездить туда, пока не построят платформу. Уговоры, а потом и угрозы от администрации привели лишь к коллективной жалобе студентов в городские комитеты комсомола и партии. После чего, в течение двух дней, силами строительно-монтажного управления комбината детского питания, как наиболее заинтересованной стороны, платформу возвели.

Чтобы не отрывать большое количество учителей-предметников и не срывать уроки, нас сопровождали по очереди по одному классному руководителю от параллели. Им, в усиление, давали по паре десятиклассников.

В этот злополучный день нас пасла наша классуха и классная 7«а» класса — по совместительству логопед школы. И парочка пацанов десятиклассников. На восьмичасовой электричке добрались до места сбора урожая. Благо, яблочные сады начинались прямо за железнодорожной платформой.

К полудню, загрузили две тракторные телеги яблоками. Так как они шли сразу на комбинат, то ящиками никто не заморачивался. Грузили вповалку. Даже червивые или

подгнившие паданки с земли. Нам про это еще в августе объяснили работники совхоза.

Приехавший трактор уволок сразу два прицепа и увёз представительницу совхоза, которая присматривала за нашей работой. Мы же, рассевшись компаниями кто-где, принялись ждать обеденную электричку из Ростова. У кого с собой были тормозки***, принялись за их поедание. Но, в основной массе, еду мало кто брал. Яблоки же всегда под рукой. А вот воду с собой брали все. Здесь просто негде набрать.

В указанное в расписании время электричка не пришла. Встречной, из Азова, тоже не было. Через час начались брожения и волнения, усилившиеся из-за того, что наших учителей с нами не оказалось.

Мой опрос старшеклассников немного прояснил ситуацию. Классные руководители уехали на десятичасовой электричке в город чтобы отвезти яблоки, обещали вернуться на двенадцатичасовой. Но поезд не пришел.

Где-то в половину третьего, со стороны Азова показалась грузовая крановая дрезина. Схватив красные флажки, которыми обозначали посадку и высадку школьников из электрички, я кинулся к путям и принялся ими размахивать, в надежде привлечь внимание водителя. Понявшие моё намерение, школьники поддержали меня и тоже начали махать чем попало.

Мотовоз, коротко просигналив, затормозил напротив нас, обдав жаром двигателя и вонюю выхлопа. Стараясь перекричать молотящий на холостом ходу дизель, мы засыпали высунувшегося из будки водителя вопросами об электричке.

Он нас услышал и, махнув рукой, прокричал в ответ:

— Не будет сегодня электричек. Авария в Батайске. Идите по домам, — после чего даванул на клаксон сигнала, отчего мы испуганно шарахнулись от путей, и дрезина поехала в сторону Батайска.

Что тут началось! Все кричали и возмущались, а несколько девчонок даже расплакались. Десятиклассники, тупо переорав всех, добились тишины. И объявили, что идут за помощью, а всем нужно сидеть здесь и ждать эту самую помощь.

Прождав еще полчаса, я понял, что надо выбираться до ближайшей цивилизации и желательно с телефоном. Первым делом надо собрать разбредшийся класс. Вот тогда-то прозвучала моя команда:

— Командиры отделений ко мне! Построить свои отделения!

— Ребята, девчата, — продолжил я, когда все немного подуспокоились. — Мы с вами, попали в непростую ситуацию и теперь нам придётся из неё выбираться самостоятельно. — Сейчас мы, организованно, строим, дойдем до автомобильной трассы, где и поищем возможность позвонить в город.

— Надо позвонить моей маме.

— Нет, моему папе!

— посыпались предложения из строя.

— Сначала нам надо дойти и найти телефон, — резонно возражаю я. — А во-вторых, звонить будем в школу или тому кто сможет прислать за нами автобус. У кого дома есть автобус — поднимите руки!

Естественно руки никто не поднял. Но тут ко мне подошли две девчонки-старосты параллельных классов.

— Лисин, а нам чего делать? Старшеклассники сказали здесь ждать.

— Ждите. Я свой класс выведу к трассе и мы там будем ждать. Если хотите, стройте

своих и идите за нами.

И повернувшись к своим, скомандовал:

— Взвод! Напраа-во! Шагом — марш!

И мы пошли, пусть и не чеканя шаг и без песни, но зато в ногу и все вместе. Через какое-то время, за нами потянулись кое-как собранные остальные классы. Идти до трассы, как оказалось, было всего ничего — около двух километров. При виде частных домов и даже жилых двухэтажек, ученики взбодрились и зашагали веселее.

Вывалились мы точнехонько к ростовской трассе в районе автобусных остановок и, перейдя её, расположились на площади перед зданием поселкового совета овощного совхоза «Батайский».

Народ тут же оккупировал уличную водоразборную колонку****, так как вода у всех давно кончилась. А я пошел на разведку в здание поселкового совета.

— Мальчик, а чего вы это здесь? — встретили меня вопрос две женщины, с интересом следящие за подтягивающимися остальными классами.

— Здрате, — поздоровался я. — Мы на яблоках были. Должны были уехать на обеденной электричке, но в Батайске случилась авария и все рейсы отменили.

— Авария? А что случилась?

— Не знаю. Честно. Нам водитель дрезины сказал. Мне бы в город позвонить, в школу, чтобы нас забрали.

— Конечно-конечно, — засуетилась самая старшая из женщин. — А где ваши учителя? Вы что, сами?

— Да. Они нас бросили.

— Как это? — удивилась другая женщина.

— Учителя уехали утром, повезли яблоки домой и не вернулись, — коротко пояснил я.

— Мальчик, — вмешалась старшая. — Иди вот сюда. — Она показал на отдельно стоящую тумбочку с белым кнопочным телефоном. — Вот этот телефон, прямой городской. У него провод короткий, только отсюда можно звонить.

Подошел, набрал номер школы — длинные гудки. Долго ждал, трубку с той стороны так никто и не снял. Оставался только один вариант, и я без раздумий набрал номер директора дворца пионеров. Слава советской плановой экономике — ответили почти сразу.

— Алло. Здравствуйте, Людмила Михайловна. Это Лисин Женя с туристического.

— Я тебя узнала. Что-то случилось?

— Да. Мне ваша помощь нужна.

— Это не может подождать? У меня планерка.

— Нет. Это очень важно. Нас со школы отправили в совхоз на яблоки. А в Батайске случилась авария. И мы не смогли уехать, — зачастил я.

— А где ваши сопровождающие? Почему ты звонишь? — прохрипела трубка и я с трудом понял вопрос.

— Что? Нет учителей. Они нас бросили.

— Как бросили? Что ты выдумываешь? Если ты так решил пошутить, то это очень плохая шутка.

— Нет. Я не шучу. Я полностью серьёзен. Нас здесь почти двести человек. Какие здесь шутки, — начал закипать я. — Могу дать трубку работнице поселкового совета откуда я звоню.

— Дай трубку взрослым.

— Это вас, — я передал телефонную трубку женщине.

Минут пять они перекрикивались по телефону, связь и правда была очень плохая, а я в окно наблюдал как подтягиваются отдельными группами семиклассники.

— Мальчик, — вывел меня из бездумного и усталого созерцания учеников своей школы, голос женщины. — Тебя зовут.

— Евгений, я сейчас позвоню в отдел образования и в горком. А вы все сидите на месте и ждите. Я обязательно перезвоню.

Я не успел ничего произнести в ответ, как трубку повесили. Постоял, посмотрел на телефонный аппарат и обратился к женщинам.

— Извините меня, пожалуйста, что не представился. Меня зовут Женя, а как мне к вам обращаться?

— Огурцова Юлия Ивановна, — представилась старшая. — Бухгалтер. А это, — она указала рукой на вторую женщину. — Таисия Петровна, наш кассир.

— Очень приятно. Юлия Ивановна, а не могли бы вы вызвать сюда вашего участкового.

И видя удивление в её взгляде, объяснил:

— Ну, чтобы и наши ничего не натворили и ваши тоже, — я скосил глаза на окно, за которым виднелась остановка на противоположной стороне трассы. На лавочке которой уже кучковалось с десятков подростков-аборигенов.

Проследив за моим взглядом, Юлия Ивановна прониклась моей озабоченностью и начала названивать по местному телефону, в поисках некоего Егорыча.

Я же, посчитав свою миссию выполненной, пошел успокаивать и пересчитывать народ. Посоветовав старостам других классов составить список, чтобы никого не потерять. Минут через десять на площадку приехал, видимо, тот самый Егорыч, с погонами милицейского старшины и на сине-жёлтом мотоцикле «Урал» без коляски. Местная пацанва моментально рассосалась в неизвестном направлении. Да и наши подобрались и сбились в более компактную группу.

Вышедшая из здания кассир, подозвала меня и сказала, что звонили из города и автобусы уже выехали, и чтобы мы никуда не разбредались.

Спустя полчаса после разговора за нами пришло пять разнокалиберных автобусов, один из которых был из дворца пионеров. Видимо собрали все доступные, по техникумам, училищам и прочим учреждениям, имеющим автобусы. Вместе с автобусами приехала и директор нашей школы в компании с нашими потерявшимися учителями. Быстренько пересчитав, нас всех утрамбовали по автобусам. Вместе с колонной пришла и машина сопровождения ГАИ. И мы под вой сирены отправились в город.

Возле школы нас выгрузили, еще раз пересчитали и объявили, что для нас поездки в совхоз окончены и завтра все должны быть на занятиях согласно расписанию.

С утра, когда у нас был урок физкультуры, меня дернули в кабинет директора. Где была куча незнакомого, но несомненно высокопоставленного народа. И меня принялись выпрашивать про вчерашний день.

Так увлеклись моим допрашиванием, что пришлось напомнить Степаниде Карловне, о том, что звонок давно уже был и я рискую получить «н» в журнал на первом уроке физики в этом году. На что, она послала свою секретаршу предупредить, что Лисин в кабинете директора. Ну, и то хлеб.

Наконец, к концу второго урока они выяснили всё, что хотели. Мужчины даже пожали мне руки и поблагодарили за правильную оценку ситуации и принятые решения. Было

приятно и прикольно. Хотя, кто меня благодарил, я так и не узнал.

Вообще, по итогам этого чрезвычайного происшествия, у нас сменился директор. Степаниду Карловну с почётом и вручением медали «Ветеран труда» отправили на пенсию. А нам назначили директором завуча пятнадцатой школы Валикову Веру Сергеевну, которую ученики за первые буквы в фамилии, имени и отчестве, прозвали лётчицей.

Обе классухи, наша и 7«а», уволились по собственному желанию. А в декабре бабуля принесла домой слух, что Татьяна Ивановна уехала работать на Камчатку. Нам же назначили новую классную руководительницу, учительницу английского языка Каримову Изабеллу Агасимовну.

Вот у неё прозвища не было. Англичане были жутко напуганы её назначением и запугали своими рассказами немецкую часть класса, так как она считалась одной из самых жёстких и требовательных учительниц в школе. Я же, наоборот, был доволен. Хоть не мне одному следить за этим стадом. В предметах с новым классным руководителем мы не пересекаемся, а всё остальное переживём.

Воркаут* — это уличная гимнастика, любительский вид спорта. Включает в себя выполнение различных упражнений на уличных спортплощадках, а именно на турниках, брусьях, шведских стенках, рукоходах и прочих конструкциях, или вообще без их использования (на земле). Основной акцент делается на работу с собственным весом и развитие силы и выносливости.

«Синенькие»** — простонародное название баклажанов.

Тормозок*** — набор продуктов на перекус на работу или в дорогу.

Уличная водоразборная колонка**** — приспособление для подачи воды из системы централизованного водоснабжения. Состоит из клапана, эжектора, водоподъёмной трубы и колонны с установленным на ней рычагом. Применяется в населённых пунктах с дефицитом воды, при отсутствии домовых водопроводных вводов. Свои функции на 100 % выполняет при необходимости ограниченного водоразбора.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 23

Так как дозвонился я до директора дворца пионеров во время проведения ею планерки, то и о наших приключениях знали почти все сотрудники дворца. Я стал очень популярной личностью, еле добрался до своего кружка, все встречные взрослые норовили мне устроить подробный допрос о происшествии.

Сегодня занятий у нас в кружке не было, но я обещал Владимиру Владимировичу помочь с планированием на этот год. Он сам обнаружился в подсобке, где хранилось наше снаряжение.

— Здравствуйте. А чёй-то вы тут делаете, а? — спросил я цитатой из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен».

— Привет, — буркнул мой руководитель, продолжая паковать в рюкзак наши системы, репшнуры и карабины. — Да вот, снарягу собираю. Мне в ДЮСШ* предложили пол ставки совместителем. Сегодня пробная тренировка. Попросили нашу снарягу принести.

— А у них, что, своей нет? — удивился и возмутился я. — Они нашу рвать станут, а мы потом штопай?

— Э... — выпал в осадок от моего возмущения, мужчина. — Жень! Да что с ней станется? По очереди тренироваться будете.

— А выступать? Тоже по очереди? — я разозлился и схватив стоящую рядом со мной лыжную палку, направил её остриё на тренера, сам удивившись своей неожиданной агрессивности. — Я не согласен. Это наше и только для нас. Пусть сами себе покупают или шьют.

— Даже так?

— Да! Именно так! — почти прокричал я.

— Жень! Меня же без снаряжения не возьмут совместителем, — мужчина швырнул на пол, туго набитый рюкзак.

— Вот видите? Им нужно наше снаряжение, а не вы! И с чего вы взяли, что наша директриса даст вам разрешение на совместительство? У вас же и так — полная ставка.

— А что? Надо спрашивать на это разрешение у Людмилы Михайловны? — растерялся тренер.

— Естественно. Основная работа у вас здесь? Ту же трудовую книжку** надо получить на руки. Согласовать расписания, здесь и там, — стал я перечислять требуемое. С каждым моим словом, его лицо мрачнело и становилось всё более растерянным. — Кстати. Совместителям не предоставляют отпуск на заочное обучение. — добил я его окончательно.

— И что теперь?

— Пойдёмте к директрисе и спросим.

Секретарь меня с тренером пропустила к Людмиле Михайловне сразу, видимо та была не занята.

— Здравствуйте, здравствуйте, — поздоровалась женщина в ответ на наши приветствия. — А я уже думала послать кого за тобой.

— За мной? — удивился тренер.

— Не за тобой, — отмахнулась от него директриса. — Вот за этим рыжим героем, — она кивнула на меня. — Взбаламутил ты, Евгений, почти весь город.

— ...? — не нашелся я что сказать. Но лицом, видимо, выдал свое удивление.

— У меня на планерке присутствовал инструктор горкома***. И он сразу доложил своему начальству. Ну и завертелось, — она неодобрительно покачала головой.

— А что мне было делать? — пролепетал я.

— Ждать. Как выяснилось, администрация вашей школы была в курсе случившегося и уже изыскивала транспорт для вас. Единственно, никто не сообщил об этом происшествии в отдел образования. — Ну а тут ты нарисовался...

— Я, что, неправильно поступил?

— Да нет. Ты сделал все правильно, — успокоила меня Людмила Михайловна. — Тебя даже горком партии предлагал наградить грамотой, но потом решили не выносить сор из избы. — Зло усмехнулась женщина.

— Ясно, — вздохнул я. — Сначала намечались торжества, потом аресты; потом решили совместить. — Выдал я фразу из еще одного фильма.****

— Да. Именно так, — заулыбалась директриса. — Ну, что у вас? Вы зачем-то ко мне же пришли?

— Владимир Владимирович, хочет работать совместителем, — начал я, но был перебит.

— Так, Лисин, брысь отсюда. У твоего тренера есть рот и мозги, он сам может рассказать.

Пожал плечами, бросил сочувственный взгляд на тренера, да и пошёл дописывать планирование. По пути заглянул к археологам, но опять неудачно. Они летом накопили кучу каких-то черепков и теперь всем своим стадом, увлеченно их сортировали на полу.

Постоял, посмотрел на них и решил сходить в радиокружок, может их руководитель что посоветует. В радиокружке тоже было столпотворение, народ тестировал свои пеленгаторы охоты на лис.***** Видимо, на выходных пойдут гонять по лесу в поисках радиосигнала. Что-то типа нашего ориентирования, но только с приборами радиопеленгации.

Их руководителя я обнаружил за радиомонтажным столом, увлеченно что-то паяющим.

— Здравствуйте, — нейтрально поздоровался я, не зная как его зовут.

— Привет, — он поднял на меня взгляд. — Если не ошибаюсь, Лисин, с туристического?

— Да, — нефига себе какая у меня известность. — Вы не могли бы мне помочь советом?

— Я слушаю, — мужчина отложил паяльник.

— Мне надо найти проводку в стене, может вы знаете как сделать металлодетектор? — выдал я ему придуманную проблему.

— Минутку, — мужик ушел в подсобку и через пару минут вернулся с какой-то книгой. — Вот, автор Войцеховский, радиоэлектронные игрушки. Здесь, с 511 страницы, описание и принципиальная схема металлодетектора.

— Спасибо большое, — я протянул руку к книге. — Можно?

— Иди в нашу библиотеку, там еще несколько было, — обломал он меня.

И я пошёл в библиотеку. В которую пришлось сначала записаться, а только потом я получил на руки заветную книжку. Просмотрел статью, вроде ничего сложного, думаю справлюсь.

Уже почти закончил календарное планирование, когда пришёл грустный тренер. С какой-то объёмной папкой в руках.

— Вот, — швырнул он её на стол. — Нагрузили дополнительно воинским учётом

сотрудников. «Чтобы дурью не маялся». — Передразнил он, быстрее всего, директрису.

— И чего здесь сложного? — не понял я. — Работа, не бей лежачего. И наверное доплачивать будут.

— Да откуда тебе знать? — начал заводится Владимир Владимирович. — Или ты и с воинским учётом знаком?

Я разворошил папку с документами. Нашел журнал учёта и индивидуальные карточки Т2.

— Вот, смотрите. Это журнал учёта, в него вносите вновь принятых на работу военнообязанных сотрудников. Данные на них, номер ВУС*****, звания и наличие или отсутствие мобилизационной брони. В личных карточках дублируете информацию из журнала. Одну карточку на нового сотрудника добавляете в нашу стопку, вторую сдаете в военкомат. Всё. Точно также с поступлением новой техники на баланс учреждения, — я помахал у него перед носом более тонким журналом. — И главное. Это секретные документы. Храните их в сейфе. Вопросы?

— Да вроде всё понятно, — тренер почесал затылок и, посмотрев на меня, спросил. — А где на пришельцев с «Тау Кита» учат?

Во вторник, 1 октября, всю нашу параллель отправили в взрослую поликлинику на диспансеризацию. Кошмар и ужас. Сто двадцать шестиклассников. Ор, гвалт, беготня, раздраженные крики медиков, пытающихся успокоить детишек. Но опыт приема школьников у них уже был, и они, поставив дело на поток, через пару часов отправили последнего из нас, вслед за остальными.

А на следующий день нами занялись стоматологи. Никуда идти не потребовалось. Оказывается, у нас в школе, на третьем этаже был стоматологический кабинет. С креслом и самой настоящей бормашиной. Сто раз мимо этой двери бегал и даже не подозревал, что там притаилась пыточная. А как еще назвать стоматологию этого времени? Я хорошо, на себе прочувствовал все ужасы лечения в своём первом прошлом.

Так что, когда подошла моя очередь и меня вызвали с урока географии к стоматологам, я подошел к нужным дверям с дрожью в коленях. И мои страхи чуть не стали реальностью, когда пожилая врачиха, не найдя других изъянов, вознамерилась удалить мне единственный у меня молочный зуб.

— Сейчас, солнышко, мы его выдернем, — бормотала она, громыхая железом где-то за моим левым плечом.

— Не надо. Я не согласен, — попытался я отвертеться от приближающегося ужаса. — Он же целый. Без дырок. — пролепетал я в панике при виде монструозных щипцов.

— Маленький, не бойся, — почти засюсюкала она со мной. — Открывай ротик.

Я в ужасе плотно сжал губы и челюсть, и дополнительно прикрыв их ладонями крест на крест, замотал отрицательно головой. Врачиха, отложив инструмент, попыталась оторвать мои руки от моего же лица, но не преуспела. Минуту посидела, с укором глядя на меня, будто ожидая, что я сдамся и с извинениями распахну рот. Затем взяла какой-то бланк и стало что-то быстро писать на нём.

— Вот, — она протянула его мне. — Направление во взрослую поликлинику. Я отказываюсь давать тебе заключение. Всё, иди отсюда. И позови, — она сверилась со списком. — Люпину Свету.

«Может надо было согласиться? Сейчас, не пришлось бы идти в поликлинику» — поедом ел я себя, грустно бредя после занятий в направлении оной.

Городская стоматология располагалась на первом этаже кирпичной пятиэтажки, напротив громады корпуса бассейна, который всё никак не достроят. В регистратуре предъявил своё направление и был отправлен в смотровой кабинет. После короткой очереди, изрядно изнервничавшись, я попал внутрь. Врач-мужчина, прочитав моё направление, передал его медсестре со словами:

— Очередной отказник от нашей Михайловны. Не дал удалить молочный зуб. Ну-с, молодой человек, давайте посмотрим за что вы там боролись.

Пришлось открывать рот и давать доступ всем этим крючкам и зеркальцам. Осмотр занял от силы пару минут.

— Странно. Я у вас не нашёл ни одного молочного зуба. В целом, у вас отличные зубы, сразу видно, что вы не пренебрегаете тщательной чисткой зубов. Всё, свободны. У медсестры возьмите заключение, штамп вам поставят в регистратуре.

«Значит не зря боролся» — радовался я по пути домой. И как хорошо, что я чищу зубы три раза в день и даже капроновой нитью за неимением зубной, не пренебрегаю.

7 ноября бабулю догнал Орден Отечественной войны II степени. На 9 мая часть азовских ветеранов обделили этой наградой. И вот справедливость восторжествовала. Этот красный день календаря выдался холодным и дождливым, мы изрядно промокли на демонстрации. Плюс, Сидорову снова укусила муха взросления, и мы с девчонкой разругались. Вернее, она со мной.

Пришёл домой усталый, промокший и злой. А там дым коромыслом, ветераны обмывают свои новые награды. Чуть не разругался с бабулей. Решил принять горячую ванну, а бабушка и заявила, что, мол, неприлично, у нас гости, а ты в ванне лежишь. Хотел высказать всё, что думаю по этому поводу, но сдержался. Заперся в ванной комнате и не менее полчаса отмокал в горячей воде.

Немного подняла моё настроение комичная сценка с бабулей в главной роли, час спустя. Кто-то презентовал нашему тренеру, Владимиру Владимировичу, на свадьбу четыре пузатых бутылки молдавского коньяка «Лучезарный». Сей подарок он запер в нашей туристической подсобке и забыл о нём. А когда вспомнил, решил продать, так как на этикетках значилась цена в десять рублей восемьдесят копеек. Но, желающих, так и не нашлось. А тут мне попался на глаза Указ в газете «Правда» — «Об усилении борьбы с пьянством», и я, вспомнив о введении сухого закона в стране, выкупил у него все четыре бутылки, под клятву, что не для личного употребления. Что было абсолютной правдой. Пусть лежат в загашнике, может кому на взятку пригодиться дать.

Под схрон сколотил тумбочку с парой тайников: для своей мелочи и книг, и для бутылок. В тайник влезло только три бутылки, а четвёртую я поставил внутри тумбочки в открытую. Не забыв прикрепить слюной волосы на стекло бутылки, хотелось проверить реакцию бабушки на запрещенный в моём возрасте предмет.

После приезда меня из пионерского лагеря, дошли руки проверить и бутылку. Моих меток на ней не обнаружилось, как впрочем и пыли. Значит, бабуля, убирая мою комнату, нашла бутылку и протёрла её. А мне ничего не сказала, вот хитрюга.

В конце августа менял лопнувший патрон у одного пенсионера на кухне и он вместо денег расплатился со мной бутылкой водки. Такое, нечасто, но бывало, и я всегда сдавал полученную огненную воду бабуле. Та из неё делала наливки и настойки, а также использовала для растирки. Эту же бутылку я ей не отдал, а поставил вместо коньяка, спрятав последний в тайник под половицу.

И вот сегодня, она явно решила приватизировать бутылку коньяка. Видимо, старикам и старушкам не хватило, и они послали гонца. А гонец вспомнил про запрещенный предмет в комнате внука.

Наклонилась, приоткрыла дверцу тумбочки и пошарив там рукой, вытащила бутылку водки. И так с ней и застыла в руках удивленно таращась пьяненькими глазами на неё. Я, лежа на софе и слушая «Железную Деву», всё прекрасно видел и прям ловил эмоциональный кайф от её офигения.

Наконец бабуля отмерла и, сев на корточки, заглянул в тумбочку, видимо надеясь найти там склад вино-водочной продукции. Но увы. Поднявшись, направилась ко мне и, присев со мной рядом на диван, показала жестами чтобы я снял наушники.

— Женя, это откуда? — чуть заплетающимся языком спросила она.

— Из тумбочки, — ответил я и чуть не заржал в голос, вспомнив анекдот про тумбочку.

— А где тогда коньяк? — не обращая внимания на мои фырканы, продолжила она допрос.

— Какой коньяк, ба? Там бутылка водки стояла, которую я за ремонт получил.

— Странно, я почему-то была уверена, что там коньяк стоит.

— Пить меньше надо, — ляпнул я, не подумав.

К моему удивлению, бабушка не стала ругаться или возмущаться, а еще раз, скосив глаза на бутылку, которую держала в руках, тихо пробормотала:

— Может быть, может быть, — и ушла к своей честной компании.

Я же, тихо посмеиваясь над случившейся сценкой, сменил кассету в магнитофоне на случайно купленный альбом Александра Новикова. Не став перематывать, нажал пуск и в наушники полились слова песни:

Здесь полет армейской мысли,

Над столами воспарив —

Дым, который коромыслом,

Да навязчивый мотив.

Я сажусь за столик дальний.

Никому я не знаком.

Мой сосед такой скандальный,

И напITY коньяком.

И я, не выдержав, содрал наушники и расхохотался во весь свой звонкий, молодой голос.

В этом году Новый год в одиночестве будет встречать бабуля. А я рано-рано утром 31 декабря уезжаю со своей командой в Ленинград. Бабушка же, не пожелав бросать на ночь «набитую добром квартиру», остаётся дома. Хотя я сомневаюсь, что она никого не пригласила в гости.

От щедрот руководства дворца пионеров нам приобрели билеты в купе на скорый поезд (Новороссийск — Ленинград), туда, и (Ленинград — Анапа), обратно. Одиннадцать пацанов и семь девок, плюс два наших неизменных руководителя.

Встречать Новый год в поезде прикольно и экзотично. Ну, я так думал, пока вся остальная компания не вырубилась за час до полуночи. Им не помешала даже вагонная радиотрансляция, которая дублировала первый радиоканал. Музыка, а затем и поздравление Горбачева. «Бла-бла-бла, новая двенадцатая пятилетка, ускорение, социализм, с Новым годом, дорогие товарищи».

И я, традиционно для себя, в окружении спящих друзей и подруг, встретил Новый в

одиночестве, глядя в окно поезда на черноту ночи и редкие электрические огоньки в ней.

ДЮСШ* (детско-юношеская спортивная школа) — вид образовательного учреждения дополнительного образования детей в СССР для подготовки юных спортсменов и приобщения к массовой физической культуре детей и молодёжи от 6 до 18 лет.

Трудовая книжка** — официальный персональный документ, содержащий записи о трудоустройстве гражданина.

Инструктор горкома партии*** — партийный функционер курирующий различные сферы города в зависимости от функций его отдела.

****цитата из фильма «Тот самый Мюнхгаузен».

Спортивная радиопеленгация (СРП), также известная как охота на лис***** — группа спортивных дисциплин радиоспорта. Спортивная радиопеленгация представляет собой состязание между спортсменами по возрастным группам, которые с помощью карты местности, компаса и специального радиоприемника, оснащенного антенной направленного действия (радиопеленгатора), должны найти радиопередатчики («лисы»), работающие в радиоловительских диапазонах частот 3,5 или 144 МГц и расположенных в лесу, на пересеченной местности.

Военно-учётная специальность (ВУС)***** — военная специальность военнослужащего и военнообязанного для его учёта и использования в военном деле, указание военной и учётной специальности действующего, находящегося в запасе или в отставке военнослужащего.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 24

Проводник нас разбудил перед Тосно, за час до прибытия в Ленинград. У нас было примерно полчаса на посещения туалетов, после Колпино их закроют из-за санитарной зоны. Чем ближе были родные места, тем больше я волновался. Как же плохо, что поезд приходит в Ленинград рано утром и толком рассмотреть ничего не получается.

Вот промелькнула платформа «Славянка», освещенная двумя тусклыми фонарями. Немного притормозили на «Обухово» и выскочили к «Сортировочной». Где-то там, за несколькими десятками путей, забитых вагонами, скрывается замёрзший «Белевский карьер», где пацаны уже раскатали поля для хоккея.

Между «Фарфоровской» и «5 м километром» я вглядывался в россыпь огней до рези в глазах, хотя и прекрасно знал, что нашу пятиэтажку на Белевском проспекте, с железной дороги не видно. Но именно там сейчас спала моя бабушка Маша и вполне возможно я сам, вернее, моё прошлое я.

А на Московском вокзале нас уже встречали. Парень с плакатом — «Азов. Дворец пионеров». Организованная туристическая поездка — это полный пакет услуг: проживание, питание, экскурсии, досуг и конечно трансфер*. Убедившись, что мы именно та группа, которую ему поручили встретить, он повел нас к автобусу.

Автобусом оказался непрезентабельный ПАЗик, почему-то ярко красного цвета. Такое ощущение, что они его в пожарной части одолжили. Привезли нас к комплексу зданий «ЛДМ»** в Петроградский район города. Где и заселили в гостиницу, аж на тринадцатый этаж, в пять четырехместных номеров с видом на замерзшую Малую Невку и дворец Путилова на Крестовском острове. Ну, хоть не в Приморский район утащили и то хорошо. Или он сейчас Ждановский?

Номера вполне себе приличные. Деревянные кровати с толстыми матрацами, ковровое покрытие на полу и яркие обои на стенах. Даже миниатюрный холодильник «Морозко» имелся. Ну и санузел с душем в каждом номере. Прямо царские условия.

На завтрак в гостиничной столовой дали сладкую рисовую кашу и какао. После чего вся группа отправилась на обзорную экскурсию по городу. Все кроме меня.

У меня была договоренность с Владимиром Владимировичем, что я с группой посетителей до обеда все экскурсии, театры, ночью и питаюсь. Весь первый день и вторую половину всех остальных дней я свободен. Когда я впервые заговорил с ним о том, что мне надо бесконтрольное свободное время, то он вообще пообещал отстранить меня от поездки. И я прекрасно его понимал. Отпустить ребёнка в неизвестном городе! А если что случится, кто отвечать будет?

Но всё-таки смог с ним договориться, пусть и частично. Надеюсь, и вправду, я никуда не влипну. Тем более, что уговорить его помогла взятка. На взятку ушли полученные летом за монеты электронные часы с калькулятором. Было жалко, но ничего другого ненужного мне и привлекательного для него под рукой не оказалось.

Неудобное расположение у этой гостиницы. До ближайшей станции метро «Петроградская» почти два километра. А «Чкаловскую» еще не построили. Есть трамвай, на котором можно попасть в центр. Есть автобусы и троллейбусы, но куда они ходят я не знаю, тупо не помню, мой район Невский, там я смог бы сориентироваться. Ну и в прилегающих

районах. Но мне надо на остров «Декабристов», он же «Голодай»*** Василеостровского района.

Последние годы, посещая Санкт-Петербург, я приезжал на своём автотранспорте, а из общественного пользовался только метрополитеном. Все знания о городском транспорте, что накопилось за детство и юность почти полностью выветрились у меня из головы.

Потихоньку вспомню, а пока решил идти пешком. Может и не самое правильное решение, но не такси же мне брать! Можно конечно на метро с пересадками, но по времени займёт столько же, и то не факт.

В будущем через Малую Неву перекинут кривой мост Бетанкура. Но сейчас мне подходит только Тучков мост, что требует от меня совершить крюк в пару лишних километров. Нет, я конечно слышал, что зимой местные по льду ходят на «Серный» остров. Но я не сумасшедший, дойду до моста. Моя цель — переулочек Декабристов, дом семнадцать, где в 1991 году детишки найдут клад с сотней золотых советских червонцев.

Хреново чищенные от снега и льда тротуары не добавляли скорости к моему перемещению. Тем не менее, через пару часов пешей прогулки я оказался на месте. Напряженности добавлял не самый спокойный район города, где в возведенные новостройки заселяли лимиту**** работавшую на заводах города. В основном на близлежащих: Орджоникидзе, Приборе и Козицкого.*****

Отсюда и риск столкновения с местными резкими мальчишками, которые на каникулах шатались по всему своему району. Да и пустынное Лютеранское кладбище, тянувшееся вдоль половины переулочка Декабристов, оптимизма не добавляло. Но как-то всё обошлось. Пару раз попадались группы подростков, которые на меня косились, но так никто и не подошел и не окликнул.

Внутри нужного мне дома попасть я не смог. С парадного не пускала злая и страшная бабулька-вахтер, а чёрный ход был заложен кирпичом. В здании, согласно вывеске, располагалось женское общежитие завода номер семь. Офигеть логистика, завод «Арсенал» располагался в Калининском районе города, а его общежитие почти в десяти километрах от него.

Ну и фиг с ними, с червонцами. Долежали до девяносто первого года в моём прошлом, долежат и сейчас. Время есть.

Назад бить ноги, рисковать нарваться на вопрос: «пацан, а ты с какого района», не пришлось. На глаза попался автобус с номером 47, на боковом маршрутоуказателе которого, сквозь грязь смог прочитать про Литейный проспект. На нём и доехал практически до Невского проспекта, где и пересел на трамвай. При виде сцепки из двух трамвайных вагонов КТМ-5***** с номером 65, в памяти всплыла информация, что этот номер довезет меня до улицы имени профессора Попова, куда мне было и надо. На обед я успел почти впритык.

После обеда хотел завалиться поспать в номере. Но выяснилось, что у группы посещение Петропавловской крепости. Поехал с ними. Зачем самому добираться если довезут почти в центр города.

Автобус высадил нас на углу Троицкой площади. «Революции», — мысленно поправил я себя. Хорошо хоть вслух не ляпнул. Вся группа дружно потопала в сторону Иоановского моста в крепость, а я остался. Еще в Азове объяснил своей команде, что иногда буду занят делами по новому снаряжению и поэтому с ними не всегда буду ходить на экскурсии. Вот и сейчас они утопали, не удивляясь почему я отстал от них.

Осмотрелся по сторонам, как всё знакомо и одновременно не знакомо... Справа дом с

колонами и институт Ленпроект. В доме с колонами сейчас вроде бы проживает Николай Перумов*****. Хотя могу и путать, где-то об этом читал в том, своём прошлом-будущем. Ладно, мне прямо, к зданию станции метро Горьковская. Попробую удачи теперь на улице Декабристов.

Там, на крыше дома, в стропилах должна быть заначка отчима моего кореша Петьки Фёдорова. Которую должны найти и обнести неизвестные в апреле 1986 года. Что-то около пятисот рублей, но, опять таки, это всё со слов отчима. Вот и проверим. А может и станем теми самыми неизвестными.

Доехал до станции Площадь Мира и поперся по старой памяти в пересадочный тоннель к Садовой. Но внезапно уперся в деревянные щиты ограждения. «Тьфу пропасть!» — его же еще не открыли.

Пришлось вылезать из-под земли на Площади Мира. Опасливо покосился на громадный бетонный козырек над входом станционного павильона, который в 1999 году рухнет и убьёт семь человек.

Дом номер четыре по улице Декабристов был знаменит. Сам по себе доходный дом Брунста ничем не был примечателен. Довольно ветхое четырехэтажное здание, построенное в начале 19 века и перестроенное еще дважды в течении того же века. Но в нём, почти год, проживал Николай Васильевич Гоголь. О чём и имелась бронзовая табличка на фасаде.

Вход в дом был со двора. Парадный вход вместе с половиной первого этажа оккупировала жилконтора. И первым же встреченным мной человеком при входе в подъезд, оказалась пожилая женщина, восседавшая на венском стуле рядом с массивной батареей отопления. При виде меня она встрепенулась и строгим голосом почти прохрипела:

— Ты кто? К хому?

— Здравствуйте тётя Реля, я Женя, к Фёдоровым, на третий.

Тётка Апрелия была местной сумасшедшей. Но тихой и неопасной. Она в детстве, во время блокады попала под бомбёжку. Её сильно контузило и, видимо, это привело к необратимым изменениям в психике. Она стала считать себя ангелом-хранителем этого дома. Убирала и мыла подъезд, гоняла курильщиков и постоянно работала самоназначенным консьержем.

По-моему, это был единственный жилой подъезд в Октябрьском районе без запахов кошачьей мочи и надписей на стенах. Жильцы нарадоваться не могли такому полезному помешательству и всячески ей угождали, хозяйки подкармливали и делились старой одеждой. Случались у неё и обострения, примерно раз в год. Она начинала всех обходить и предупреждать о воздушной тревоге. Сначала потихоньку, потом всё настойчивее, но никогда никого силой никуда не тянула. Тогда её отводили через дорогу, в 28 больницу, которая сейчас имени Нахимсона*****. Надо же, вспомнил! И как раньше «Максимилиановская лечебница» называлась, и что Адмиралтейский район раньше другое название имел.

Услышав от меня свое имя и знакомую фамилию жильцов, она тут же выдала мне пропуск, выразившийся в вялом взмахе рукой и непонятном бормотании чего-то себе под нос. И я поскакал по ступеням на самый верх. Второй и третьи этажи занимали коммуналки, а на четвертом были квартиры. А мне был нужен чердак, ключ от которого гордо висел на гвоздике рядом с дверью.

На чердаке меня ждал облом. Никакого тайника и соответственно никаких денег я в нужном месте чердачных балок не обнаружил. Или его изначально не было, а отчим друга

всё зачем-то придумал, или деньги прятались позже.

Хрустя насыпным утеплителем, грустно двинулся к выходу. И внезапно споткнувшись, чуть не упал.

— Ёксель-моксель, под ноги смотреть надо, — зло пробурчал я. — За что я там хоть зацепился?

Причиной моего спотыкания был край жестяной коробки. Вот тебе и клад нарисовался. Раз не взорвалось ничего, значит не взрывчатка. Заберу с собой, а в гостиничном номере посмотрю, чего нашел. Откопал коробку, тщательно замотал в старые газеты, да и запихнул в свой школьный рюкзак.

Спускаясь по лестнице в подъезде, разминулся с молодым парнем, мимоходом скользнув по нему взглядом. И только на улице до меня дошло, что я встретился с самим собой. С моим прошлым, двадцатилетним я. Это открытие настолько вывело меня из себя, что я перестал смотреть под ноги. Из-за чего поскользнулся и чебурахнулся в придорожный сугроб, пребольно стукнувшись коленом.

Эта боль мне немного прочистила мозги, и я смог добраться до станции метро. Но в вагоне, опять закопался в глубины своей памяти, пытаясь вспомнить, что я делал у Фёдоровых второго января 1986 года. Вроде ходил к ним, но видел там мелкого пацана в клетчатом пальто или не видел, так и не вспомнил.

За всеми этими самокопаниями уехал аж на «Чёрную речку», пришлось возвращаться до станции метро Петроградская. В гостиницу я попал почти одновременно с нашими. Не пришлось ждать в вестибюле, потому что все номерки на ключи от номеров были у Владимира Владимировича. Пропуска-то выписали на всех, а ключи выдали только взрослым.

На ужине я объелся красной икрой. Все мои соседи по столу, попробовав непонятной, красной, шарикообразной субстанции на бутерброде из хлеба и масла, торопливо её счистили в тарелки. А я, уже выгреб икру из их тарелок и соорудил шикарный супер-бутерброд.

А вот после ужина нас повели в театр. В театр «Эксперимент» на детский спектакль «Ай-я-ревью» знаменитых Лицедеев. Далеко идти не пришлось, театр располагался в том же комплексе дворца молодёжи, что и наша гостиница. Повеселились от души, ржали вместе со всем залом не переставая, все сорок минут выступления.

На следующий день мне пришлось ехать со всеми. С утра было посещение военно-морского музея и групповое фотографирование на Стрелке Васильевского острова. Чтобы на фотографию попала нижняя часть Ростральной колонны***** и здание Зимнего дворца. Главный фотографический символ советского Ленинграда, крейсер Аврора, находился на ремонте и фотографы выкручивались как могли.

А после обеда, когда группа пошла на экскурсию в Кунсткамеру, я отправился на улицу Римского-Корсакова. в дом номер 53, где располагалась нумизматическая секция Ленинградского общества коллекционеров. Данный адрес я выпытал из нашего дворцового бониста-фотографа, под предлогом приобретения хоть каких нибудь каталогов. На самом деле мне хотелось позадавать вопросы про медного Сеятеля и трехрублёвые монеты. С собой, на всякий случай, я прихватил и второй серебряный пятиалтынный 1931 года.

Хотел узнать — узнал. Причем сразу и про Сеятеля, и про трёхрублёвки. В цокольном этаже нужного мне дома я попал на мероприятие для школьников — «Мифы и реалии советской нумизматики». Пузатый, бородатый дядька рассказывал весело и задорно,

разбавляя свои слова показом слайдов с диапроектора.

Оказалась, что мой медный Сеятель попадает в разряд чуть ли не чудес света. Было выпущено несколько пробных монет, которые до войны были в коллекциях советских коллекционеров. А сейчас осталась только одна монета в хранилище Ленинградского монетного двора.

С трехрублёвками вообще мутная история: когда готовилась денежная реформа, было наштамповано ограниченное количество двух-, трех- и пятирублёвых монет. Но реформу отменили, а изготовленные монеты утилизировали. Но какая-то часть из них успела уйти в оборот. Из всех трёх номиналов именно три рубля ушли в народ в ограниченном количестве и считаются редкими и дорогими.

Подводя итог своего выступления, дядька прямо так и сказал, найдёте такую редкость, несите нам. Потом, ещё минут десять отвечал на вопросы, после чего все разошлись. Кроме докладчика, ещё пары каких-то мужиков и меня.

Троица, явно собиралась сообразить на троих, уже начали и какие-то узелки выкладывать на стол, но заметили меня.

— Мальчик. Тебе что-то надо? — обратился ко мне бородач.

— Да. Вы говорили, что можно к вам нести, если найдём.

— И что у тебя?

— Вот, — я выложил перед ними самодельный полиэтиленовый пакетик с пятнадцатикопеечной монетой.

— Ага. Серебряный щитовик, — мужчина перевернул монету аверсом вверх. — Стандартная монета, да редкая, рублей десять-двадцать стоит, не больше.

— А ну-ка, — бородатого дядьку подвинул его товарищ, и вооружившись увеличительным стеклом, склонился над монетой. — Мать твою в кочерыжку, — ругнулся он неожиданно. — Это перепутка*****.

— Чево? — бородатый отобрал стекло и склонился над столом. — А ведь правда! Герб от десяти копеек 1930 года. Мальчик! Где ты это взял?

— Нашёл! — и пока они переглядывались, стащил со стола и монету и пакетик. А то отберут, потом не докажешь, что твоё.

— Э, погодь, ты куда? Мы её ещё не изучили, — возмущился моими действиями один из троицы. — Давай сюда. Её место в музее, а тебе за это грамоту дадут.

— Нашли дурачка? Мне грамота не нужна, — я попятился к выходу. Там сидел вахтёр и были слышны голоса одевающихся школьников. Надеюсь не кинуться отбирать монету при них.

— Постой, погоди, — заголосил бородатый. — Продай её нам.

— А сколько дадите? — я притормозил в дверном проёме.

Мужики начали выгребать наличные деньги. Нашскреблось с троих 187 рублей. Через придвинутую мной парту состоялся обмен. Получив на руки деньги, я рванул со всей своей скоростью из этого полуподвала. Хорошо, что не сдавал в гардероб вещи.

Обежал вокруг бывших казарм гвардейского экипажа и, выскочив к Пикалову мосту, только там перешел на шаг. Вроде никто за мной не гонится. Чего я тогда бежал? Но ведь могли...

Если перепуткой была и первая монета, теперь мне понятен профит Юрия Викторовича. Блин. Никаких каталогов-то я так и не купил. Ха. Зато заработал не плохо. Есть что спустить завтра на радиорынке возле магазина «Юный Техник».

Транспортный трансфер* — услуга туристического агентства по встрече и доставке группы туристов.

Ленинградский Дворец Молодёжи (ЛДМ)** — комплекс зданий состоящий из гостиницы, выставочных залов, театра, кафетериев и ресторана.

Остров Декабристов*** — согласно архивным данным, в 1755 году остров носил имя Галладай, а затем до 1926 года — Голодай. В начале 18 века, на острове было имение английского врача Томаса Холлидея. Видимо фамилия трансформировалась в название с уклоном в национальную действительность.

Лимита (лимит прописки)**** — общее название (зачастую пренебрежительное) людей, которые заключили контракт с предприятием.

Орджоникидзе, Приборе и Козицкого***** — предприятия расположенные в Василеостровском районе Ленинграда. Первое — судостроительное, знаменитый Балтийский завод. Второй и третий — заводы радио-приборостроения.

КТМ-5***** — советский высокопольный четырёхосный односторонний трамвайный вагон. Построен на Усть-Катавском вагонностроительном заводе.

Николай Даниилович Перумов (Ник Перумов)***** — русский писатель-фантаст. Получил широкую известность после своей первой публикации в 1993 году эпопеи «Кольцо Тьмы», действие которой происходит в Средиземье Джона Рональда Руэла Толкина.

Семён Михайлович Нахимсон***** — активный участник революционного движения в России. Зауряд-врач на юго-западном фронте первой мировой войны. В 1918 году погиб в первые минуты восстания Савинкова в Ярославле.

Ростральные колонны***** — архитектурные сооружения в центре Санкт-Петербурга, на Стрелке Васильевского острова. В XIX веке выполняли функцию фонарей порта столицы.

Монетами-перепутками***** — называются денежные знаки, имеющие в оформлении элемент, создававшийся для какой-то другой монеты.

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Глава 25

Сегодня, вечерний поход в театр не состоялся. А я так надеялся попасть в свой любимый театр имени Комиссаржевской.* Ну и ладно, решил пораньше лечь спать. Но и это не получилось. Вся команда набилась к нам в номер и делилась впечатлениями о прошедшем дне. Два часа криков и смеха. А у меня найденная коробка не открыта. Я даже не знаю, что там. Вдруг в ней хомячка кто похоронил?!

Следующий день был полностью посвящён «Эрмитажу», с перерывом на обед разумеется. Я с трудом, но выпросил свободное время до обеда у Владимира Владимировича. И потонул на радиотолкучку, что стихийно образовывалась по выходным во дворе дома, в котором располагался магазин «Юный Техник». На пересечении улиц — Краснопутиловской и Червоного Казачества.

На этой толкучке мне много чего нужно. Во-первых — дверные электрзвонки, во-вторых — элементная база к сдохшему миноискателю и детектору из книги, в-третьих — аудиокассеты с записями, ну и в-четвёртых — мало ли что интересного попадётся.

С электрзвонками получилось как-то внезапно. Прошлым летом, сдавая свои светильники на реализацию, стал свидетелем: дядя Боря отказывается приобретать у мужика электрзвонки. Мужик был явно с бодуна и готов был отдать шестнадцать звонков «Гонг» по пятьдесят копеек за штуку. Не долго думая, выкупил у него все. И ничуть не пожалел.

В наших домах, почти у всех установлены круглые электромеханические звонки «тип 3-220», с противным и резким бззззззз-звучанием. Починяя электричество, предлагал клиентам поменять и электрзвонок. Всего за пять рублей. Ну а что? Он стоит три рубля пятьдесят копеек, плюс работа. И народ, в большинстве, соглашался. К отъезду в Ленинград, у меня остался только один звонок из восемнадцати. Потратил девять рублей, а уже заработал восемьдесят пять.

Этих «гонгов» ростовского завода я мог прикупить и на месте. Но народ спрашивал и про другое звучание сигналов. А в Питере целых три завода производили несколько видов звонков с разным звучанием. «Соловей», «Маяк» с неоновой лампочкой, «Сигнал» и еще несколько с разными тональностями. Все они были дефицитом в нашей глубинке, а в Ленинграде спокойно продавались в магазинах. Но покупать по госцене мне было не выгодно. И я надеялся на толкучке найти дешевле.

Элементную же базу я собирался приобретать у людей проверенных временем. Еще я, тот, Ленинградский, приобретал радиодетали у двух-трех человек, которые дорожили своей репутацией и не торговали убитыми элементами.

Ну и кассеты с записями. Главной целью, был поиск поступившей в продажу кассеты, пятого студийного альбома группы «Кино», записанного на студии «АнТроп».** Ну и, что попадётся еще интересного. Вернее, на что денег хватит.

Этот доморощенный радиорынок находился в Автово. Доехал спокойно на метро, а там рукой подать. Магазин «Юный Техник» располагался в страшенькой шестиэтажной панельке серии «ГИ»*** В этих шестиэтажках были только трехкомнатные квартиры и в народе, они носили название: «пятнадцать — девять — шесть», от площади комнат.

В будущем, в этом доме, расположилась «Пятёрочка», заняв площади и радиомагазина, и библиотеки, и крохотного овощного, что был в торце здания.

Во дворе дома и напротив магазина, ходили и стояли люди как с объявлениями о продаже деталей, так и без них. Подходишь и спрашиваешь, а там по цепочке тебя передают продавцу у которого есть то, что тебя интересует.

Радиодетали купил без проблем. Хотя и с трудом вспомнил лица нужных мне продавцов. Со звонками было муторней. Нашел всего девять штук по полтора рубля. Но договорился на завтра о покупке двадцати звонков по рублю. Заодно, набрал три десятка телевизионных антенных штекеров.

С кассетами было проще всего. Чуть в стороне от толкучки, торговали кассетами бобинами, винилом и костями.**** Выкупил три оставшихся у продавца кассеты TDK с новым альбомом «Кино». Одну себе и две попытаюсь пристроить в азовские студии звукозаписи. Кроме «Кино» взял и «Наутилус Помпилиус», «Телевизор», «Аквариум». Из иностранцев набрал диско-групп: немцев и итальянцев «Bad Boys Blue», «Modern Talking», «Scotch».

Пока выбирал кассеты, нарисовался мужичок с которым мы забились на завтра об электрозвонках.

— Слышь, малец. Без обид. Не смогу я столько наскрести. Вот есть еще пять «Соловьев». Возьмёшь?

— Да. Спасибо, — принял я пять коробочек и отдал пятёрку взамен.

Ну и ладно. Пятнадцать звонков, это тоже хорошо. Пойду поброжу, может что интересного найдётся!

— Во, бабуле куплю в подарок, — пробормотал я при виде электрозажигалок ЭЗ-2.

Возьму парочку, пусть спички экономит. А проводку к новой розетке поближе к газовым приборам я дотяну. Так, а это что?

Не совсем трезвый мужичок разложил на газетке во дворе дома, парочку странных приборов.

— Здравствуйте. А что это у вас?

— Дык, радиометры, радиацию мерить.

Ух ты! Дозиметры! Не знал, что такие компактные уже были. Это в тему. Как раз к приближающемуся Чернобылю. Хотя я и решил всё-таки вмешаться и попробовать предотвратить аварию.

— Так нужно или нет? — прервал мои размышления продавец.

— А почему?

— Да по трёшке отдам, — сказал и посмотрел на меня скептически, потяну ли я эти трёшки?!

— А чего они у вас разные? И как проверить? Рабочие или нет?

— Так модели разные. А проверить просто, смотри, — с этими словами, мужчина вставил батарейку «Орион» в первый прибор, щелкнул тумблером и оголив правое запястье со странными часами, поднёс прибор к циферблату. Стрелка на приборе задергалась, но не особо шибко. Таким же способом, он продемонстрировал и работу второго прибора.

— Беру, — я без сожалений выложил шесть рублей. — А что за часы у вас такие странные? — не сдержал я своего удивления.

— Водолазные, с радиом, — на ходу бросил удачливый продавец, втянувший мне два своих прибора, явно спеша потратить выручку.

Через несколько метров наткнулся на продавца финской электрики и, не устояв, купил парочку внешних розеток с крышками. Как раз в ванной комнате можно будет установить. И

пять одинарных и столько же двойных выключателей с большими и почти бесшумными клавишами. Красивые, бежевые, с рельефным названием фирмы «Wartsila» на боковинах. Как говорится в моём времени — «дорохо-богато».

Вроде все хотелки закрыл. А, нет. Надо бабуле тоже что-нибудь посущественнее электрозажигалки. А то обидется ещё. На глаза как раз попался магазин «Ткани», где без особых очередей, приобрел два шикарных банных полотенца. И на этом всё. Пора на обед и в «Эрмитаж» со всеми.

Прямо из музея нас повезли в «Александринку»***** на пьесу Александра Островского — «Не всё коту масленица». Удовольствие от игры актёров, получили только наши руководители и я. Остальная команда выглядела как-то разочарованно. Видимо не въехали в сюжет или устали после «Эрмитажа». Хотя и впечатлились роскошью и величием театра.

На следующий день резко испортилась погода. Вместо солнечного и морозного утра, за окном бушевала метель, видимость упала практически до нуля. И вместо поездки на Пискаревское кладбище***** нас повезли в «Русский музей».

А после обеда, я остался в номере. А все остальные поехали в ТЮЗ.***** Надеюсь «Сын полка» Валентина Катаева придётся им больше по душе, чем пьеса Островского.

Ура!!! Я, наконец, один. Могу и свою находку проверить. Крышка коробки долго не поддавалась воздействию на неё отвертки, которую я всегда вожу с собой, и волшебного мата. Но под моим напором все же сдалась. Снимаем крышку и видим что-то завернутое в старые жёлтые газеты. И что там? Блин, книги!

— Мать твою за ногу, — в сердцах ору я на весь номер и прикусываю язык. — Тише Женя, тише. А то персонал сбежится на твои вопли, — бормочу я уже вполголоса.

Достаю. Как знал. Опять антисоветчина. Первая «Из шести книг» Анны Ахматовой издательство «Советский писатель», Ленинград, 1940 год. В необъяснимом раздражении кидаю книгу об стену. Книжка ударяется, раскрывается, и из неё веером вылетают какие-то купюры. Ух ты, матрешка однако.

Купюры оказываются не совсем деньгами. «Чек на получение товаров на сумму сто рублей», всесоюзное объединение «Внешпосылторг» 1976 год.***** Это круче денег! Вот только я не смогу их потратить. Хотя. Через бониста-фотографа можно попробовать.

Облазил всю комнату, но вроде собрал все купюры. Десять соток и пять двадцаток. Тысяча сто рублей чеками. Охренеть. Так. Стоп. Может и во второй книжке тоже есть?

Вторая книга была раритетным и уже запрещенным изданием первого тома «Братства кольца» Толкиена. Выпущенная в 1982 году в издательстве «Детская литература» под названием «Хранители». Внутри книги ничего кроме текста о похождениях хоббитов не нашлось. На всякий случай перебрал и газеты в которые были упакованы книги. Тоже пусто.

И за что мне такое счастье? Нет, я по своей первой жизни тоже везунчик был. Но не на деньги, клады, монеты и редкие книги. Это уже какой-то перебор. А может это какие-то местные силы мне взятки подсовывают, чтобы я не пробовал менять будущее?! А, может, наоборот? И что за силы? Темные или светлые?

— Брррр, — я помотал головой, разгоня всякие завиральные и оккультные мысли. — Ты лучше найденное прибери, а то так и держишь стопку купюр в руках, — сказал я сам себе.

Чеки не стал прятать назад в книги, а скатав трубочкой, убрал в пришитый на трусах карманчик. Который, по моей просьбе забацала бабуля на почти всех моих трусах.

Пока расковыривал коробку, предавался унынию, потом восторгам и мечтам, перебирал

книги и размышлял за жизнь, ну и прятал найденное — не заметил как пролетело время и вернулись наши.

А я ведь собирался еще письмо отправить о Чернобыльской аварии в УКГБ по Ленинградской области. В Москву мы не заезжаем, а отправлять письмо из Ростова не хочется. Ибо оно опять в самодельном конверте и чертёжным шрифтом. Сопоставят еще с моим предыдущем о Чикатило.

Особых подробностей об аварии я не знал. Поэтому и не стал писать про неё. Написал — что в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года готовится теракт на Чернобыльской АЭС. Всё будет замаскировано под плановые испытания оборудования. И что сотрудник по фамилии Дятлов (единственное, что удалось вспомнить о виновнике аварии из просмотренного сериала), собирается осуществить этот теракт.

По крайней мере попробую, а что получится — увидим. Письмо, естественно, анонимное. Собирался прогуляться по кварталу и кинуть его в почтовый ящик. Адрес: Ленинград, Литейный проспект, дом 4, должен был стать неплохим проводником в дебрях нашей почты. Но сегодня, с этими неожиданными находками, профукал полдня. Придётся перенести отправление на завтра, на последний день нашего прибывания в Ленинграде.

Или не отправлять? А вдруг найденные чеки это и есть компенсация мне? Задумавшись и выпав из реальности, прищемил себе указательный палец дверью. Боль привела меня в чувство и вернула в человеческий мир.

— Шшшшшш, — шипел я от боли и размахивал травмированной конечностью, а вокруг меня угорал от смеха народ.

Оказывается, смеялись не над моим пальцем, а над тем, что я поперся на ужин разутый в одних носках. Пришлось возвращаться и обуваться. Заодно забежал в санузел и умылся холодной водой, что бы смыть всякие идиотские мысли.

Последний день у нас был свободным. Вся группа, не исключая меня, поехала с руководителями на Невский проспект, пройтись по магазинам. Правда, я их там бросил и рванул в городскую станцию юных туристов. На улицу Черняховского, в Смольнинский район.

Вау, а там толпа. Точно. Сегодня же понедельник, явно какое-то совещание. И столько знакомых лиц. Вон, Смирнов, плодитель и создатель клубов. Сейчас, правда, простой руководитель-совместитель во дворце пионеров. Но в будущем руководитель краеведческих клубов «Странник» и «Клуб105». И Антипина Эля Ивановна, еще не ушла на пенсию. Ой, там Серёга, мой напарник-совместитель из Невского района. Вот прям хочется подойти, поздороваться, поболтать, узнать последние новости. Но не могу. Хоть плачь.

Плакать я, естественно, не стал, а дождавшись пока все разойдутся, провожая грустным взглядом каждого из знакомых, пошёл к Шниперсону. Молоденький Марк Хаимович отвечал как раз за прокат и торговлю снаряжением.

— Привет Хаимович, — ляпнул я, не подумав.

— ...? — парень явно был удивлён таким обращением к себе.

— Извините, Марк Хаимович. Не выспался. Торможу. Глотаю имена.

— Да? И чего вам от меня надо, молодой человек? Прокат по понедельникам не работает.

— У вас коврики из пенополителена Ижевские есть на продажу?

— А ви откуда про них узнали? — не на шутку встревожился и напрягся Шниперсон.

— Ой, Марк Хаимович, так есть или ещё нет?

— Рулон вчера привезли, мы еще не резали. А вам много надо, а то дорого, два рубля метр. И не Ижевск, а Устинов, — поправил он меня.

Прикинув в уме размеры свернутого коврика, я пришел к выводу, что много не утащу. Возьму себе, Сидоровой, и один порезу на напояники и лямки рюкзака.

— Три по два метра. Вот деньги, — протянул я Хаимовичу двенадцать рублей.

Взяв деньги он ушел в глубины склада. Но вернулся быстро, с тремя ковриками. Ха, не резал он, как же, как же, верю. Я не удивлюсь, если они у него по метр девяносто. Но перепроверять не буду.

Вышел, вдохнул морозный воздух и пошел к Московскому вокзалу, так как станцию метро «Лиговский проспект» ещё тоже не построили. Не доходя до вокзала, кинул в попавшийся почтовый ящик, подготовленное письмо. Всё, совесть моя чиста. Я сделал всё что мог, чтобы предотвратить чернобыльскую аварию.

Моё появление в гостинице с рулоном ковриков вызвало всеобщий ажиотаж среди сокурсников.

— Ой, а что это?

— Какие легкие!

— А почему три?

— А почему только Сидоровой и тебе?

— Сколько стоят? Дорого...

В итоге, возбужденные детишки скинулись у кого сколько оставалось и пошли трясти Владимира Владимировича.

После обеда, вместо того чтобы отдохнуть перед поездом, пришлось опять мчаться в городскую станцию туристов. Им, что называй адрес — что не называй, заблудятся моментально.

Со всем этим дурдомом вокруг карематов все как-то забыли, что ехать почти двое суток и в поезд нужна еда. Хорошо, что гостиница выдала сухой паёк вместо ужина. По вареному яйцу на каждого, хлеб, кабачковую икру и по упаковке вяленых вьетнамских бананов на два человека.

На вокзал нас привезли с приличным запасом времени. Но на наш поезд уже объявили посадку и мы, не задерживаясь в вокзале, пошли размещаться. Проводник нашего вагона, проверив билеты у нашего руководителя, пропустил нас в вагон. Но при этом повел себя очень странно.

— Проходим, проходим детишки. Ваши купе: второе, третье, четвертое и пятое.

— Но у нас пять купе, — попытался возмутится тренер.

— Ваше первое купе занято. Там едут очень, очень важные люди с научного симпозиума. А детишки у вас маленькие, по двое разместитесь.

— Но так нельзя, — уже совсем тихо и обреченно промямлил наш руководитель.

— Они до Воронежа, а потом заселитесь как положено. Проходим, проходим, не задерживаемся.

Мда. Ну и тряпка он у нас. Или здесь все такие? За свои права не борются, ибо может прилететь в ответку еще сильнее...

В раздражении, запихнул свои два рюкзака и чемодан Сидоровой в рундук нижней полки и усадив на неё Ольку почти силой, скомандовал опешившей девчонке:

— Сидеть! Охранять! — и выскочил из купе.

Схватил за рукав пальто, стоящего в коридоре растерянного Владимира Владимировича

и потащил на выход из вагона.

— Лисин! Куда ты меня тащишь?

— У вас билеты с собой? — спросил я его, продолжая тянуть в сторону вокзала.

— Да! Да пусти ты меня! Куда ты меня тащишь? Что ты себе позволяешь? — взъярился и заорал на меня он так, что на нас стали оглядываться люди.

— Вот так бы на проводника поорал! Или слабо? Тряпка! На меня орать мужества хватает? А выбить положенное струсил? Ссыкло, — не остался в долгу я, и к нам, на наши вопли, направился наряд транспортной милиции.

— Сержант Павлов, — представился старший из этой парочки и сходу наехал на тренера. — Почему нарушаем? Зачем кричим на ребёнка? Документы достаём, предъявляем.

— Товарищ сержант, — вылез я вперёд. — Мы пассажиры поезда номер 367, Ленинград — Анапа. У нас чрезвычайное происшествие. Нас проводник не пускает в наше купе по билетам, — зачастил я, стараясь успеть вывалить часть информации до того как меня отодвинут в сторону, а начнут спрашивать этого мямлю...

Но мямля, к моему удивлению, наконец смог собраться и повторил тоже самое, что и я. Предъявил документы, билеты, приказ на поездку детей. Сержант отправил своего напарника за подмогой и вскоре Владимир Владимирович по второму кругу рассказывал тоже самое капитану, лейтенанту и парочке человек в железнодорожной форме.

Затем подошла еще пара человек в гражданском и вот только тогда, мы всей толпой пошли в наш вагон. Ой, что там началось! Очень важных товарищей выселили из купе и под конвоем наряда отправили в вокзальное отделение. Прибежал начальник поезда и еще кто-то. Страсти, крики, мат и перемат. В итоге, нам вернули наше купе, а вместо хитрого проводника появились две девушки в форме железнодорожного студенческого отряда.

В качестве компенсации нам были вручены талоны на два обеда в вагоне-ресторане, что было весьма кстати. Так как выданный гостиницей ужин мы слопали моментально, а за бананы развернулась настоящая битва. И на этом запасы еды иссякли.

Ближе к десяти вечера, когда большинство всюю дрыхло, а я читал найденного Толкиена, приперся наш руководитель и позвал жестами на выход. В коридоре, прикрыв дверь нашего купе, Владимир Владимирович начал извиняться передо мной за то что он такой, сякой и прочий. И выспрашивать, что про него думает команда, относительно произошедшего.

— Да всё нормально. Они видели как мы ушли вдвоём, а потом пришла милиция с собакой.

— С какой собакой? — не понял и растерялся парень.

— Шутка. Все поняли, что вы привели милицию и железнодорожников, и вся проблема разрешилась. Так что, вы теперь герой в их глазах. Но лично по мне... Ты... Вы... В общем, нехорошо получилось. Я надеюсь, что этот случай будет для вас уроком.

Он как-то странно на меня посмотрел. Видимо офигел от того, что я читаю ему нотации. Но молча их проглотил. И еще раз извинившись, отправил меня в купе.

Завалившись на полку, ногами к окну, потому что от него ощутимо сквозило, я лежал и думал об этой странной поездке, пока сон не поглотил меня.

Театр Комиссаржевской* — Ленинградский драматический театр имени Веры Фёдоровны Комиссаржевской, русской актрисы начала XX века.

«АнТроп»** — советский и российский музыкальный лейбл, продюсерский центр, созданный известным продюсером и издателем Андреем Тропилло (название составлено из

первых букв его имени и фамилии).

ГИ*** — серия жилья массовой застройки в СССР, разработанная в Ленпроекте в 1950-е годы.

Кости**** — кустарные пластинки на крупноформатных рентгеновских плёнках.

Александринка***** — государственный академический театр драмы имени А.С. Пушкина. С 1832 года театр называться Александринским (Александрийка). Название было дано в честь супруги императора Николая Первого Александры Фёдоровны.

Пискарёвское мемориальное кладбище***** — кладбище, расположенное на северо-востоке Санкт-Петербурга, одно из мест массовых захоронений жертв блокады Ленинграда и воинов Ленинградского фронта. На кладбище воздвигнут мемориал павшим.

ТЮЗ***** — театр юного зрителя имени А.А. Брянцева.

Чеки Внешпосылторга***** — «параллельная валюта», существовавшая в СССР с 1964–1988 годами. Они выпускались только в виде банкнот, монет не существовало (бумажные чеки были даже на 1 копейку). Чеками Внешпосылторга (ВПТ) платили зарплату советским гражданам, работавшим за границей. Чеки можно было законно отоваривать исключительно в сети специальных магазинов — «Берёзках».

Фотографии к главе и книге в разделе доп. материалы.

Письма, письма, письма. Самая нудная и нелюбимая на почте работа на сортировке. Не все могут целый день сидеть и сортировать письма и открытки по направлениям. В соседние районы, в межгород, авиа. Часть уходит в возврат из-за ошибок. Трудная работа, надо уметь быстро читать, соображать и действовать, при этом оставаясь неподвижным на своём стуле.

Революй* это мог, через боль, через «не могу», он заставлял себя работать именно здесь и именно на этой работе. Так как он спасал людей.

В 1941 году, во время блокады, он, пятнадцатилетний пацан, работал на ленинградском рыбзаводе. Стратегический объект, консервы с завода шли прямо на фронт, для защитников. А выбраковкой подкармливали их, работников. Что было существенной прибавкой к 250 рабочим граммам хлебного пайка.

Но у Революя была и семья. Мама и два младших братика, которые питались на иждивенческую норму в 125 граммов хлеба. И ему приходилось подворовывать с завода. Но не продукцию, а соль. Которую он выносил в корпусе чернильной ручки-самописки. Немного, но даже этого хватало на обменять дополнительно хлеба родным.

Неосмотрительно он поделился своим секретом с одноклассником, который работал в его смене и имел такие же проблемы с родными. А кто их не имел в зиму 41/42 годов! Неблагодарный одноклассник написал анонимку-донос. И его взяли с поличным, прямо на проходной завода.

Скорый суд и приговор — 8 лет. Только куда отправить отбывать наказание в блокадном городе? И он, вместе с другими заключенными, весь свой срок и отбыл в родном городе. Как выжил, до сих пор не понимает. Разбирали завалы, скалывали лёд и чистили тротуары и дороги, таскали неразорвавшиеся бомбы и снаряда. А после прорыва блокады и победы, восстанавливали город, вместе с немцами.

А семья погибла. Первой, погибла мама, обессиленная от голода пошла за водой на Неву, поскользнулась на льду и упала в прорубь, а выбраться сил уже не хватило. Осиротевших братьев отправили в приют-накопитель и по весне попытались на самоходной барже вывезти на большую землю. Кораблик с детьми вышел рано утром в бухту «Петрокрепость», но на противоположной стороне так и не объявился.

Эти все подробности он смог собрать воедино только после своего освобождения. А узнав, принял решение бороться с несправедливостью. И спасать людей. Даже ездил в «Коломязи»** в действующую церковь. Где перед потемневшими ликами икон неведомых ему святых, дал клятву богу.

И пошел работать на почту. Статья у него была не политическая, мужчин не хватало и он без труда устроился прямо на центральное отделение Смольнинского района. Где и проработал всю свою жизнь. И даже остался работать после выхода на пенсию. Ежедневно спасая людей.

В массе писем, которые ему приходилось обрабатывать, он выискивал анонимки. И уничтожал их.

И вот сегодня, ему попала жемчужина среди прочих анонимок. Невзрачный самодельный конверт. И только адрес, куда направили письмо, выделял его среди прочих. Литейный проспект, дом четыре, областное управление КГБ. Аккуратно спрятав свок находку на теле под одеждой, он без особого труда отпросился с работы.

И почти бегом направился к своей берлоге. Как он называл небольшую комнату в коммунальной квартире на Полтавской улице. И задыхаясь, поспешил на свой пятый этаж.

Не разуваясь и не раздеваясь, тщательно заперев за собой дверь, надсадно дыша и не обращая внимания на ноющую боль за грудиной, занялся растопкой небольшой печки-буржуйки, что досталась ему вместе с выделенной комнатой. Труба печки выходила в маленькое оконце на глухой стене дома и редкий дым из неё не привлекал ничего внимания.

Огонь в железной печке разгорелся, сухие доски от ящиков весело потрескивали внутри. Настало время главного. Револлий, осторожно достал свою находку и еще раз полюбовавшись ею, сунул конверт в огненную глотку печи. Конверт вспыхнул сразу и весь каким-то потусторонним, синим огнём. И приняв это за знак, старик направил свой взор на висящую в углу икону и почти выкрикнул:

— Бог! Я выполняю свою клятву!

Неожиданно, его сердце пронзила острая боль. Тело мужчины постояв какое-то время на ногах, всей своей массой завалилось на печь. Отчего та не выдержав подобного издевательства, опрокинулась и, ударившись об пол, лопнула по шву, разбрасывая по комнате горящую древесину.

Имя Ревóлий* — от слова революция.

Коломяги** — исторический район на севере Санкт-Петербурга (Ленинграда). По одной из версий название — это русифицированное карело-ижорское «гора с колеёй/оврагом».

Больше книг на сайте - Knigoed.net